

МВР

**МУЗЕЙ
ИСТОРИИ
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В РОССИИ**

YOUTH CENTER
HISTORY OF PARLAMENTARISM

МОЛОДЕЖНЫЙ ЦЕНТР
ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

*Табрические
тнения
2007*

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ ПРИ МПА СНГ
МОЛОДЕЖНЫЙ ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2007

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Научно-практический семинар
11 декабря 2007 года

Санкт-Петербург • 2008

Печатается по решению оргкомитета научно-практического семинара

*Под редакцией доктора исторических наук
А. Б. Николаева*

Издание осуществлено при поддержке СеверСталь.

ОАО СеверСталь – международная сталелитейная компания. Концентрирует свое производство на продуктах с высокой добавленной стоимостью и уникальных нишевых продуктах. Компания обладает опытом успешного приобретения и интеграции активов в Северной Америке и Европе. СеверСтали также принадлежат горнодобывающие предприятия в России, обеспечивающие сырьем производства компании. В 2006 г. СеверСталь произвела 17,6 млн тонн стали. Капитализация компании на апрель 2007 года составила \$ 13,6 млрд. Благотворительные программы СеверСтали, объем финансирования которых в 2006 году составил около полумиллиарда рублей, направлены на сохранение исторического и культурного наследия России, развитие современной культуры, поддержку спорта и защиту детства. Генеральный директор компании Алексей Мордашов входит в Попечительские советы Третьяковской галереи, Большого и Мариинского театров, Русского музея, а также является членом Патриаршего Попечительского совета по восстановлению Валаамского монастыря. Дополнительную информацию о компании можно получить на сайте www.severstal.com

Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар, С.-Петербург, Таврический дворец, 11 декабря 2007 г. [Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ, Молодежный центр истории парламентаризма]: Сб. научн. статей / Под ред. А. Б. Николаева. – СПб., 2008. – 227 с.

ISBN 978-5-86153-200-6

Сборник «Таврические чтения» включает в себя материалы научно-практического семинара «Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века». Статьи сборника посвящены рассмотрению различных вопросов истории российского парламентаризма начала XX века. Сборник предназначен для историков, политологов и широкого круга читателей.

- © Коллектив авторов, 2008.
- © Николаев А.Б., редактирование, составление, 2008.
- © Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ, 2008.
- © Молодежный центр истории парламентаризма, 2008.

ISBN 978-5-86153-200-6

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>К. А. Пиенко.</i> Вступительное слово от имени организаторов семинара председателя научно-методического совета при Музее истории парламентаризма в России	7
<i>М. И. Кротов.</i> Приветствие от лица Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств	9
<i>С. Э. Калюжнин.</i> Приветствие от Молодежного центра истории парламентаризма	13
<i>С. В. Куликов.</i> Император Николай II и Государственная дума: неизвестные планы и упущенные возможности	14
<i>Р. А. Циунчук.</i> Перводумцы в Таврическом дворце: «здесь кроме общегосударственного дела владели умами интересы местные, областные, национальные»	46
<i>Б. Д. Гальперина.</i> Первая Государственная дума и роль М. М. Винавера	71
<i>В. Н. Гинев.</i> Волость: административная или земская единица? (Противоборство сторонников думского и правительственного законопроектов в III Государственной думе)	90
<i>А. А. Иванов, Г. А. Щечков:</i> «Не могу сочувствовать умеренности в истине». К вопросу о политических взглядах парламентария-монархиста	104
<i>А. В. Костылев.</i> Избирательная кампания в IV Государственную думу в Санкт-Петербурге	113
<i>В. А. Нардова.</i> IV Государственная дума и проблема реформы городского общественного управления.	122
<i>Л. С. Бородулина.</i> Церковные вопросы в IV Государственной думе в годы Первой мировой войны	145
<i>И. В. Алексеева.</i> «Военные» сессии IV Государственной думы (июль 1914 – начало 1917 г.)	154
<i>М. М. Сафонов.</i> Роль Государственной думы в подготовке отречения Николая II	161
<i>И. В. Лукоянов.</i> Современная российская историография Государственной думы (наблюдения)	181
<i>А. Б. Николаев.</i> IV Государственная дума и Февральская революция в новейшей отечественной литературе	195
<i>В. А. Ачкасов.</i> Существует ли в России традиция парламентаризма?	211
Приложения	221
Сокращения	226
Сведения об авторах	227

ПРЕДИСЛОВИЕ

11 декабря 2007 г. в Таврическом дворце прошел научно-практический семинар «Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века». Идея проведения ежегодных научных конференций была высказана автором этих строк еще в 2006 г. во время обсуждения основных направлений деятельности Музея истории парламентаризма в России при Межпарламентской Ассамблее государств – участников СНГ. 18 января 2007 г. вопрос о проведении научно-практической конференции «Актуальные проблемы истории Государственной думы Российской империи» был рассмотрен на заседании научно-методического совета при Музее истории парламентаризма в России (докладчик – доктор исторических наук К. А. Пшенко). В связи с тем, что Музей до этого научных конференций не проводил, было решено понизить статус планируемого мероприятия до научно-практического семинара, назвав его «Актуальные проблемы развития парламентаризма в России», о чем и шел разговор в ходе очередного заседания научно-методического совета 15 мая 2007 г. Тогда же было принято решение провести его в декабре 2007 г. 19 сентября 2007 г. была уточнена дата проведения семинара – 11 декабря 2007 г. Тогда же он приобрел то название, под которым и был проведен. В оргкомитет семинара вошли О. Н. Гавриленко, Л. А. Крохина, С. В. Куликов, Н. Н. Лазукова, И. В. Лукоянов, А. Б. Николаев и К. А. Пшенко.

На пленарном и секционных заседаниях семинара выступили как известные специалисты-историки, так и представители научной молодежи – аспиранты и студенты высших учебных заведений С.-Петербурга¹. Заметим, что выступления, сделанные молодыми учеными на секционном заседании «Дума и процесс модернизации в России в начале XX века в оценке современной молодёжи» (зал № 16), соруководи-

¹ Информация о семинаре была размещена на сайте МПА СНГ (Новости [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www. iacis. ru/html/print_news. php?nid=657&langv=rus).

телями которого выступили магистрант СПбГУ А. Ю. Воликов, кандидат исторических наук С. Э. Калужин и кандидат педагогических наук Н. Н. Лазукова (в данном сборнике не публикуются)². В него вошли только те доклады и сообщения, переработанные в научные статьи, которые прозвучали на пленарном заседании, проходившем в Думском зале Таврического дворца, и в секционном заседании «Государственная дума Российской империи: новые подходы и взгляды» (зал № 9), руководил которым И. В. Лукоянов.

Открывают сборник вступительное слово председателя научно-методического совета при Музее истории парламентаризма в России доктора исторических наук К. А. Пшенко, а также приветствия Генерального секретаря Совета МПА СНГ М. И. Кротова и руководителя Молодежного центра истории парламентаризма С. Э. Калужина. Выступившие высказали надежду на то, что «Таврические чтения» будут проходить ежегодно.

Всего в сборнике опубликовано 13 научных статей, в которых преимущественно рассмотрены различные вопросы истории I–IV Государственной думы Российской империи.

В статье кандидата исторических наук С. В. Куликова предпринята попытка осветить малоизученную тему – «отношение к народному представительству императора Николая II». Автор утверждает, что «Николай II не являлся противником идеи народного представительства». Рассматривая отношение Николая II к последующей эволюции народного представительства, С. В. Куликов приходит к выводу о том, что Николай II трактовал ее как постепенный переход от дуализма к парламентаризму. Доктор исторических наук, профессор Р. А. Циунчук охарактеризовал в своей статье национальный состав I Государственной думы, а также доказал, что национальный вопрос «был среди важнейших тем, постоянно присутствовавших в думских прениях с первого до последнего дня существования I Государственной думы, обозначив, таким образом, одну из линий усиливающегося политического разлома самодержавной имперской системы». Доктор исторических наук, профессор Б. Д. Гальперина в своем исследовании показала роль М. М. Винавера в деятельности I Государственной думы. Доктор исторических наук В. Н. Гинев остановил свое внимание на вопросе о борьбе, которая развернулась в III Думе вокруг вопроса о волостном управлении. Кандидат исторических наук, доцент А. А. Иванов посвятил свою статью рассмотрению политических взглядов активного участника монархического движения члена III–IV Думы Г. А. Щечкова. Интересные

² Информация о работе молодежной секции помещена в приложении к данному сборнику.

замечания содержатся в статье кандидата исторических наук, доцента А. В. Костылева, в которой он показал ход избирательной кампании в IV Государственную думу в С.-Петербурге. Костылев делает вывод о том, что эта кампания «подтвердила репутацию столицы как бастиона кадетизма и устойчивость леволиберальных симпатий средних городских слоев в целом». 4 статьи посвящены непосредственно деятельности IV Государственной думы. Проблема реформы городского управления в IV Думе рассмотрена доктором исторических наук В. А. Нардовой, а вопросы церковного реформирования – аспиранткой Л. С. Бородулиной. О «военных сессиях» Думы пишет доктор исторических наук, профессор И. В. Алексеева. Ценные наблюдения делает в своей работе о роли Государственной думы в подготовке отречения Николая II кандидат исторических наук М. М. Сафонов. 2 статьи сборника – кандидата исторических наук И. В. Лукоянова и доктора исторических наук А. Б. Николаева – посвящены думской историографии. Закрывает сборник статья доктора политических наук, профессора В. А. Ачкасова, в которой он остановил свое внимание на выяснении вопроса о наличии в России традиции парламентаризма.

В приложении к сборнику помещена статья С. Э. Калюжина, в которой содержится краткий отчет о работе молодежной секции семинара. Кроме этого, здесь же публикуется статья Л. А. Крохиной о создании и деятельности Музея истории парламентаризма в России.

Надеемся, что материалы семинара, опубликованные в данном сборнике, найдут своего читателя, а «Таврические чтения» будут проходить ежегодно.

Доктор исторических наук, профессор
А. Б. НИКОЛАЕВ

К. А. ПШЕНКО

Вступительное слово от имени организаторов семинара председателя научно-методического совета при Музее истории парламентаризма в России

Уважаемые участники семинара!

Уважаемые коллеги!

Позвольте приветствовать вас в историческом Думском зале Таврического дворца, где работал первый российский парламент, а сейчас находится штаб-квартира Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств.

Сегодня в этом зале зарождается новая традиция – проведение ежегодных «Таврических чтений», посвященных чрезвычайно важному этапу отечественной истории – становлению и развитию российского парламентаризма.

О том, что рассматриваемая тематика весьма актуальна, свидетельствует состав участников семинара. Среди них: представители Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ, Музея истории парламентаризма в России, известные ученые, профессора, преподаватели, сотрудники Санкт-Петербургского государственного университета, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Казанского государственного университета, ведущие ученые Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, специалисты архивов и музеев Санкт-Петербурга. Особенно приятно, что в числе участников семинара много молодежи: студенты, аспиранты, начинающие ученые. Столь сложный, судьбоносный период истории нашей страны вызывает повышенный интерес ученых и практиков – всех, кому небезразлична ее судьба. Парламентаризм в России прошел нелегкий путь становления, и сегодняшним политическим и общественным деятелям совместно с представителями гражданского общества, молодежи, присутствующей в этом зале, предстоит развивать и совершенствовать его ради будущего своей страны.

Началом парламентаризма в России, несомненно, следует считать выборы в I Государственную думу и ее первое заседание в Думском зале Таврического дворца 27 апреля 1906 г.

В 2006 г. мы отпраздновали 100-летие Государственной думы. В рамках юбилейных мероприятий было много сказано о ее роли и значении в историческом развитии нашей страны. Актуально ли сегодня вновь говорить об истории парламентаризма в России? Думаю, что да. Без изучения вопросов развития парламентаризма невозможно дать объективную и непредвзятую оценку деятельности тех или иных политических сил в становлении демократических форм государственности как в Российской Федерации, так и в других странах Содружества.

Очевидно, что ложь в истолковании истории приводит к провалам в настоящем и готовит катастрофы в будущем. Стремление восстановить истину дает возможность лучше понять самих себя и, соответственно, определить цели развития, а также стратегию достижения поставленных целей, ведь в прошлом зашифрованы причины и наших бед, и наших достижений.

Собрать по крупицам «зерна» политической и практической деятельности депутатов тех лет, проанализировать все происходившее в сфере парламентской деятельности – в этом видится цель и значение сегодняшнего семинара.

В данном контексте становится понятной необходимость организации Музея истории парламентаризма в России. Идея создания музея в стенах Таврического дворца возникла в ходе подготовки к празднованию 100-летия Государственной думы, а затем воплотилась в официальных документах Совета МПА СНГ – 17 ноября 2005 г. было принято постановление «О мероприятиях, посвященных 100-летию учреждения Государственной думы России», в котором одобрялось предложение Государственной Думы о создании музея.

Это было важное решение, потому что внимание к историческим корням, уважение к делам предшественников являются, на мой взгляд, обязательным условием успешного развития нашей страны в XXI в. Очень важно сохранить все, что имеет отношение к деятельности депутатов как четырех Государственных дум начала XX в., так и современной Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Основными задачами Музея истории парламентаризма в России являются сотрудничество с общественно-политическими и культурно-просветительскими структурами с целью сбора, анализа и систематизации документов по истории парламентаризма в России, а также решение организационно-методических вопросов, связанных с подготовкой и проведением мероприятий в контексте данной тематики. При музее создан

научно-методический совет, в состав которого вошли известные российские ученые-историки. Позвольте поблагодарить всех, кто откликнулся на предложение принять участие в первых «Таврических чтениях».

«Чтобы ученый своими работами мог влиять на коллективную работу, – писал академик П. Л. Капица, – необходимо личное общение, необходим живой обмен мнениями, необходима дискуссия, всего этого не может заменить ни печатная работа, ни переписка. Почему это происходит, не так легко объяснить. Я думаю, что большинство по своему опыту знает, как необходим личный контакт между людьми при согласовании творческой деятельности. Только когда видишь человека, видишь его лабораторию, слышишь интонацию его голоса, видишь выражение его лица, появляется доверие к его работе и желание сотрудничества с ним. По этой же причине никакой учебник не может заменить учителя». Очевидно, что наблюдение великого ученого справедливо не только применительно к физической школе, но и к научным школам вообще. В живом контакте со зрелым мастером, в наблюдении за его деятельностью исследователь усваивает азбуку научного творчества, которую невозможно почерпнуть из учебников.

Хочется верить, что «Таврические чтения» будут содействовать сохранению и развитию лучших традиций российской исторической школы, в частности высокого уровня творческого ощущения, помогут глубже понять процесс становления парламентаризма в России. Убежден, что обсуждение на семинарах различных аспектов данной проблемы обогатит наши знания о противоречивом процессе становления парламентаризма в России, а принятые участниками решения будут востребованы действующими политиками и специалистами.

М. И. КРОТОВ

Приветствие от лица Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств

Уважаемые коллеги – студенты, ученые, историки!

Разрешите вас сердечно поприветствовать от лица Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств – той организации, которая сегодня работает в Таврическом дворце и является правопреемницей, во всяком случае, с моральной точки зрения, Государственной думы России начала XX в.

Тема «Таврических чтений» – «Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века» – чрезвычайно актуальна,

потому что, во-первых, недостаточно разработана, а во-вторых, у нас есть прошлое, настоящее и, безусловно, большое будущее.

История парламентаризма является неотъемлемой частью истории Российского государства. Представительная власть, законодательная деятельность имели место в России еще до того, как более 100 лет назад появился первый российский парламент европейского типа. Собственно, с того момента, как в стране начал осуществляться принцип разделения властей, когда император фактически перестал быть самодержцем, потому что не имел права принимать законы, ведет отсчет история парламентаризма в его традиционном понимании.

Государственная дума начала XX в. оставила яркий след в истории и России, и всего человечества. О первой Думе, которая просуществовала два месяца, иногда говорят, что она ничего не создала, и ее разогнали. Это не так: депутаты первой Думы впервые в истории человечества приняли законопроект об отмене смертной казни; тем самым российские парламентарии почти на полвека опередили своих европейских коллег. Идея отмены смертной казни, являющаяся в настоящее время одной из центральных в области соблюдения прав человека, родилась здесь, в Думском зале.

Тот факт, что «Таврические чтения» проходят и, я надеюсь, будут проходить и впредь в Думском зале Таврического дворца, очень символично, потому что здесь зародился и развивался российский парламентаризм. К сожалению, здесь он и погиб после Февральской революции, 90-летие которой мы недавно отметили. Созданный Государственной думой Временный комитет начал работать в Таврическом дворце, и в тот же день началось его сотрудничество с Петроградским Советом рабочих депутатов. Затем дворец стал свидетелем двоевластия: в одном крыле работало Временное правительство, в другом – Советы. Результат их взаимодействия вы знаете: скоро мы отметим 90 лет первого (и последнего) Учредительного собрания, первой неудачной попытки принятия конституции. Кстати, «Таврические чтения» проходят накануне 12 декабря – дня, когда в 1993 г. была принята современная Конституция Российской Федерации, и это тоже, мне кажется, символично.

Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что в этом зале работал и парламент советской России – здесь проходил Съезд народных депутатов, здесь находились его исполнительные органы.

Большевики, свергнув Временное правительство, детище Государственной думы, не могли давать слишком высокую или позитивную оценку работе Государственной думы. Сегодня все возвращается на круги своя. В 2006 г. в Таврическом дворце прошло торжественное празднование 100-летия учреждения Государственной думы – состоялось заседание нынешней Думы с участием членов Совета Федерации и

представителей Правительства Российской Федерации. Это говорит об известной преемственности поколений, о том, что надо изучать историю парламентаризма не только начала, но и конца XX–начала XXI вв.

Условия развития парламентов государств Содружества, в том числе российского Федерального Собрания, – тема тоже чрезвычайно актуальная и интересная. Известно, что наиболее успешной из Государственных дум царского времени была третья (принявшая почти 2000 законов), работавшая в гармоничном взаимодействии с правительством П. А. Столыпина. И сейчас мы видим, что наиболее высокие темпы экономического развития наблюдаются в тех странах СНГ, где есть стабильность, где есть понимание, что в основе принципа разделения властей – не их постоянная борьба, а сотрудничество, прежде всего парламентской и исполнительной ветвей власти.

С целью изучения зарождения и развития в России демократических традиций при Межпарламентской Ассамблее Содружества создан Музей истории парламентаризма в России, призванный в первую очередь сохранить материальные, документальные и прочие свидетельства развития парламентаризма в нашей стране. Музей основан по инициативе Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Б. В. Грызлова (он же и председатель попечительского совета). Главный объект интереса музея – это, конечно, сам Таврический дворец, в котором перед депутатами в феврале 1916 г. выступал император Николай II, в Думском же зале, где мы сейчас находимся, всегда проходили бурные обсуждения, с его трибуны выступали государственные деятели России: П. А. Столыпин, В. Н. Коковцов, И. Л. Горемыкин. А в наше время – Президент Российской Федерации В. В. Путин и лидеры других государств СНГ. И символично, что мы здесь можем с вами демократично, свободно обсуждать такие актуальные проблемы, как развитие очень важного направления исторической мысли – изучение истории парламентаризма.

Есть много вещей, которые надо знать. Все ли историки в курсе, кто обеспечил прекращение огня в районе Нагорного Карабаха, где шла страшная война, начавшаяся еще при существовании Советского Союза? Это сделали парламентарии Межпарламентской Ассамблеи, которые выступили посредниками в разрешении конфликта. Это уникальный случай, ведь обычно посредниками выступают дипломаты, представители исполнительной власти. Когда у последних ничего не получалось с решением проблемы в Нагорном Карабахе, парламентарии взяли на себя миротворческую миссию и добились подписания Бишкекского протокола о достижении мира, первый этап которого – прекращение огня и освобождение всех военнопленных и заложников – был выполнен. Остальные пункты не реализованы в связи с тем, что миротворческие

функции были переданы от СНГ и Российской Федерации Минской группе ОБСЕ.

Под эгидой Межпарламентской Ассамблеи работает и Международный институт мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан. Мне кажется, это показательно – у нас есть и Музей истории парламентаризма, изучающий события прошлого, и институт, анализирующий перспективы парламентской демократии. Ведь проблемы развития демократии, проблемы соблюдения избирательных прав граждан требуют глубокого изучения. И даже вопрос о форме голосования в представительном органе власти – казалось бы, технический, регламентный, – тоже важная часть демократии. Например, в Государственной думе начала XX в. не было проблемы голосования «за того парня»: при принятии решения одни депутаты сидели, другие вставали. Схожая практика сохранилась до сих пор в Бундестаге ФРГ – там голосуют, поднимая руки, а если возникают споры по какому-либо вопросу, часть парламентариев выходит, часть остается в зале.

Таким образом, можно сделать вывод: изучать историю парламентаризма следует не только на примере России, но и других государств СНГ, всего мира.

Недавно в Российской Федерации прошли выборы в Государственную Думу Федерального Собрания. Как известно, у части западных парламентариев, участвовавших в наблюдении, были замечания по выборам (всего у 23 человек из 105). А как формировались эти группы парламентариев? В состав Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе входит 56 стран, из них 12 государств – члены СНГ. Однако Парламентскую Ассамблею ОБСЕ на выборах в Государственную Думу представлял всего один участник Содружества – Национальное Собрание Республики Армения, который, естественно, выступал с позиции, отличной от позиции руководителя группы наблюдателей ОБСЕ. Возникает вопрос: откуда такая дискриминация, такой избирательный подход к формированию групп наблюдателей? Почему не привлекли депутатов, которые владеют русским языком, могут напрямую общаться с избирателями и лучше понять происходящее? Почему кроме стран СНГ ни в одной из стран, входящих в ОБСЕ, нет законов о международных наблюдателях?

Я обращаю ваше внимание на это потому, что нам очень важно знать: каковы стандарты парламентской демократии в других странах? Оказывается, в Голландии законодательно закреплено право голосования по доверенности. В Великобритании распространено голосование по почте, т. е. можно послать письмо за соседа, за всех знакомых – никто это не проверяет, и такие голоса учитываются.

По российским выборам предъявлялись претензии и в связи с непрозрачностью урн на избирательных участках, хотя все политические партии имеют на участках своих наблюдателей. Но в Великобритании, например, подсчет голосов ведется втайне от участников избирательного процесса.

Я, может быть, повторюсь, но хочу еще раз сказать, что изучение истории парламентаризма – проблема весьма актуальная. Это вопрос, имеющий практическую направленность. Позвольте искренне пожелать вам успехов. Сегодня в Думском зале нас немного, но всякое новое дело начинается с малого. Поверьте, в следующем году зал будет заполнен, а участников первых Таврических чтений надо как-то особо отметить и записать их имена в историю нашего семинара. Много добрых дел началось здесь, в Думском зале. Именно здесь в 1992 г. проводились слушания по международному статусу Санкт-Петербурга. Общественность приняла решение: придать Санкт-Петербургу статус парламентской столицы Содружества Независимых Государств. И видите, желание общественности воплотилось в жизнь – в том же 1992 г. в Бишкеке было принято решение разместить здесь Межпарламентскую Ассамблею государств – участников СНГ. И наш семинар, поверьте, тоже будет иметь продолжение.

Благодарю за внимание.

С. Э. КАЛЮЖИН

Приветствие от Молодежного центра истории парламентаризма

Уважаемые коллеги!

Сердечно приветствую участников, организаторов и гостей научно-практического семинара «Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века»!

Считаю значимым тот факт, что местом проведения конференции выбран Думский зал Таврического дворца. Здесь в начале XX века работали первые народные избранники. Именно в этот период в России стало развиваться гражданское общество и зашла речь о том, насколько в России возможен планомерный эволюционный переход от самодержавного государства к парламентским институтам.

Мне хотелось бы особо обратить Ваше внимание на то, что сегодня здесь собрались не только заслуженные ученые, но и большое количество интересующихся данной тематикой молодых людей. Знаменательно, что молодежь проявляет действительно неподдельный интерес к исто-

рии парламентаризма и демократии в России. Безусловно, это свидетельствует о стремлении нового поколения дать свою оценку ходу развития страны, поэтому тематика обсуждений и докладов на молодежной секции семинара сформулирована как «Дума и процесс модернизации в России в начале XX века в оценке современной молодежи». Уверен, что «Таврические чтения» станут ежегодным мероприятием Музея истории парламентаризма в России.

Желаю всем участникам научно-практического семинара успешной и плодотворной работы.

С. В. КУЛИКОВ

Император Николай II и Государственная дума: неизвестные планы и упущенные возможности

Ключевая проблема истории Государственной думы Российской империи – отношение к народному представительству императора Николая II. Несмотря на всю свою значимость, эта проблема до сих пор не получила специального освещения, вероятно потому, что для большинства историков, писавших о последнем императоре, причем независимо от их политических позиций, и так все ясно. Они исходили или исходят из тезиса о принципиальном неприятии Николаем II самой идеи народного представительства и ее российского воплощения – Государственной думы³. Упомянутый тезис можно сформулировать еще проще – Дума возникла вопреки Николаю II и благодаря оппозиционному и революционному движению. Так ли это на самом деле?

³ Характерны, в этом смысле, следующие работы: *Ферро М.* Николай II. М., 1991; *Ирошников М. П., Процай Л. А., Шелаев Ю. Б.* Николай II. Последний российский император. СПб., 1992; *Боханов А. Н.* 1) Николай II // Российские самодержцы. 1801–1917. М., 1993; 2) Император Николай II. М., 1998; *Лебе Х. -Д.* Николай II // Русские цари. 1547–1917. Ростов-на-Дону, М., 1997; *Хергеи Э.* Николай II. Ростов-на-Дону, 1998. Усложнению представлений о личности Николая II способствовали работы Р. Уортмена, Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина. См.: *Уортмен Р.* Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция? Россия 1861–1917. Мат. межд. кол. историков. СПб., 1992; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* 1) Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2; 2) От составителей // Николай II: Воспоминания. Дневники. Сост. Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин. СПб., 1994; Frankland N. Imperial Tragedy. Nicholas II, Last of the Tsars. N.-Y., 1961; Lieven D. Nicholas II. Emperor of all Russias. London, 1993. См. также: *Куликов С. В.* Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4. Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000.

Ответить на поставленный вопрос поможет анализ новых и уже известных (но до сих пор не использованных исследователями) источников в контексте государственно-правового дискурса конца XIX–начала XX вв., который реконструируется на основе работ выдающихся отечественных юристов того времени⁴. Все они делили монархии на абсолютные и ограниченные, а последние – на конституционные (дуалистические) и парламентарные, причем в абсолютизме, дуализме и парламентаризме видели особые формы правления. Как полагали специалисты, в конституционно-дуалистическом государстве, будь то монархия (Германская империя) или республика (США), глава государства ограничен народным представительством только в законодательстве, в управлении же он остается неограниченным, осуществляя монархический принцип. Именно поэтому правительство в дуалистическом государстве зависит не от палат, а от монарха или президента, который и царствует, и правит. Налицо, таким образом, дуализм двух независимых друг от друга отраслей власти – законодательной (представительство) и исполнительной (правительство).

Термин «конституционное государство» применяли по отношению не только к дуалистической, но и к парламентарной (парламентской) системе, а потому он имел, помимо узкого, и широкое значение. В России конца XIX–начала XX вв. представители оппозиционной и революционной интеллигенции придавали термину «конституция» именно широкое значение и подразумевали под ней «парламентаризм». Юристы подчеркивали, что народное представительство, будучи парламентом, формально, а чаще всего – фактически, ограничивает главу государства, помимо законодательства, и в управлении, прежде всего – при назначении и увольнении министров, осуществляя народовластие. Парламентарный монарх (в Англии) или президент (во Франции) царствует, но не правит, а его министры опираются в своей деятельности на доверие нижней палаты. Данная система и называлась парламентаризмом в узком смысле слова. Сейчас термин «парламентаризм» используется в широком смысле слова, однако при изучении эпохи конца XIX–начала XX вв. необходимо учитывать семантику этого термина, свойственную данной эпохе.

Специфика отношения Николая II к Думе была детерминирована взглядами его любимого преподавателя – Н. Х. Бунге, председателя Комитета министров, крупнейшего представителя правительственного

⁴ Подробнее о государственно-правовом дискурсе начала XX в. см.: Куликов С. В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в нач. XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI–нач. XX). Мат. науч.-теор. конф. 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 283–284.

либерализма⁵. В своем политическом завещании, адресованном Николаю II, Н. Х. Бунге фактически вернулся к проекту М. Т. Лорис-Меликова, считая несомненным, что «настояла и настояла необходимость иметь такой состав Государственного совета, при котором бы основательно, с участием экспертов, разрабатывались законы». «Нет надобности значительно увеличивать личный состав Государственного совета, – полагал Н. Х. Бунге, – но некоторое увеличение все-таки необходимо» за счет введения в него дворян, «принимающих ближайшее участие в земских учреждениях», и экспертов «из разных местностей» «с правом голоса» «только по определенным специальным делам»⁶. Таким образом, Н. Х. Бунге советовал своему ученику внедрять элементы народного представительства не сразу, а постепенно.

Во многом именно влияние Н. Х. Бунге сделало из Николая II сторонника реформ, по причине чего уже в начале царствования он имел свой реформаторский проект, основанный на завещании Н. Х. Бунге и осуществлявшийся монархом в дальнейшей государственной деятельности. Генерал А. Г. Елчанинов писал в 1913 г., что «обширные и всесторонние преобразования, которые были намечены государем императором при самом восшествии его на престол, неукоснительно осуществлялись и продолжают осуществляться»⁷. Мнение А. Г. Елчанинова весьма важно, поскольку является, по сути, мнением самого Николая II, лично редактировавшего книгу генерала. Подразумевая эту книгу, великий князь Павел Александрович сообщал императору, что она «представляет наибольший интерес, как проверенная тобою самим»⁸. Естественно, что реформаторский проект Николая II имел консервативно-либеральный характер и, в этом смысле, отличался большей умеренностью, по сравнению с реформаторскими проектами оппозиционеров, не говоря уже о революционерах, что проявилось особенно ярко именно по вопросу о создании в России народного представительства.

Николай II готовил создание народного представительства задолго до 1905 г. и совершенно независимо от оппозиционного или револю-

⁵ О Н. Х. Бунге см.: *Ананьич Б. В. Торжество нового курса. К. П. Победоносцев и М. Н. Катков. Реформы Н. Х. Бунге // Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Под ред. Б. В. Ананьича. СПб., 1996. С. 380–398; Степанов В. Л. Бунге Н. Х. Судьба реформатора. М., 1998.*

⁶ *Бунге Н. Х. «Загробные заметки». 1890–1894 гг. // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вт. пол. XIX в.) / Сост. Л. Е. Шепелев. СПб., 1999. С. 236.*

⁷ *Елчанинов А. Г. Царствование государя императора Николая Александровича. СПб.; М., 1913. С. 116.*

⁸ Павел Александрович – Николаю II. 29 мая 1913 г. // *Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю) / Под ред. В. П. Семеникова. Л.; М., 1925. С. 58.*

ционного движения. Государственный контролер генерал П. Л. Лобко напомнил Николаю II в июле 1905 г.: «Ваше величество еще задолго до Рескрипта 18 февраля [1905 г. о согласии царя учредить высший представительный орган] изволили высказывать, что мысль об обращении к народу для помощи правительству уже издавна составляет предмет Ваших забот»⁹. Более того, Николай II являлся сторонником идеи не только народного представительства, но и конституции. «Из-за того, что государь пытался охранять основы самодержавия, – писал в 1928 г. близкий к царской семье офицер С. В. Марков, внук одного из сподвижников С. Ю. Витте, – совершенно не следует, что он не считался с необходимостью для России конституционных реформ»¹⁰. Конституционная реформа привлекала самое пристальное внимание Николая II еще в 1890-е гг. В 1897 г. он говорил московскому губернскому предводителю дворянства князю П. Н. Трубецкому, что «вопрос о конституции» «ставил себе не раз» и «душой переболел над ним»¹¹. Очевидно, что противник идеи конституции относился бы к этому вопросу более формально.

Интерес Николая II к конституционализму поддерживала его супруга, императрица Александра Федоровна, которая в молодости разделяла либеральные взгляды. В декабре 1894 г. будущий министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф знал про «либеральное влияние» молодой государыни, «весьма склонной к парламентскому режиму, поскольку она полуангличанка»¹². Состоявший при царице с 1896 по 1912 г. граф В. А. Гендриков рассказывал князю М. М. Андроникову, что первоначально у нее были «либеральные», «чисто конституционные взгляды»¹³. Ни один из авторов, писавших о последней царице¹⁴, не обратил никакого внимания на эволюцию политических взглядов Александры Федоровны.

Николай II являлся противником не конституции, а такого понимания этого термина, которое ассоциировалось исключительно с парла-

⁹ Петергофские совещания о проекте Государственной думы / Под ред. В. В. Водовозова. Пг., 1917. С. 116.

¹⁰ Марков С. В. Покинутая царская семья. М., 2002. С. 43.

¹¹ Трубецкая О. Н. Из пережитого // Современные записки. 1934. Т. 14. С. 293.

¹² Ламздорф В. Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 97.

¹³ Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П. Е. Щеголева. В 7-ми тт. Л., 1925. Т. 1. С. 396.

¹⁴ Нектария (Маклиз) Свет не вечерний. Жизнь Александры Федоровны Романовой, последней Всероссийской императрицы. М., 1996; Херш Э. Александра. Трагедия жизни и смерти последней русской царицы. Ростов-на-Дону, 1998; Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография. М., 2000.

ментаризмом. Отрицательное отношение к парламентаризму монарх воспринял не только от обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, но и от Н. Х. Бунге, которые, отрицая парламентаризм, ссылались на общеевропейскую тенденцию. «Представительное правительство на партийной основе, – отмечал обер-прокурор, – в своих нынешних формах, каким оно образовалось на Западе, уже потеряло свою притягательную силу»¹⁵. Намекая на отсутствие у идеи народовластия широкой популярности на Западе, Н. Х. Бунге писал, что насчет парламентаризма «мнения в Европе в конце XIX в. изменились коренным образом»¹⁶. Противником парламентаризма являлся друг Николая II князь Э. Э. Ухтомский: в феврале 1900 г. в редактировавшихся князем «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась статья, в которой говорилось «об Англии, что она погибла и что причина тому – парламентаризм. Князь Ухтомский, – подчеркивал А. С. Суворин, – давно это проповедует»¹⁷. Очевидно, что в данном случае князь учитывал политические взгляды не только свои, но и царя.

Неприятие Николаем II парламентаризма проявилось уже в самом начале его царствования. На докладе директора Департамента полиции генерала Н. П. Петрова, который сообщал, что «крайние фракции нашей западно-европейской эмиграции» подготовили проект конституции, подразумевавший немедленное введение парламентаризма, молодой царь написал 3 ноября 1894 г.: «Истинная чепуха»¹⁸. Именно против парламентаризма Николай II выступил в январе 1895 г., назвав «бессмысленными мечтаниями» пожелания земцев-радикалов, содержащиеся, прежде всего, в адресе Тверского земства, об их участии «в делах внутреннего управления»¹⁹. Адрес Тверского земства, свидетельствовал В. И. Гурко, сам являвшийся гласным этого земства, заключал «прямое указание на необходимость введения в стране конституционного образа правления», т. е. парламентаризма²⁰. Тот факт, что проект январской речи Николай II поручил подготовить К. П. Победоносцеву, свидетельствовал не об их единомыслии, а просто о том, что, как вспоминал Н. С. Таганцев, К. П. Победоносцев «пользовался репутацией наиболее

¹⁵ Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия / Публ. Соловьева Ю. Б. // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 317.

¹⁶ Бунге Н. Х. Указ. соч. С. 235.

¹⁷ Суворин А. С. Дневник. М., 2000. С. 364.

¹⁸ Кантор Р. М. Штрихи недавнего прошлого // Русское прошлое. 1923. Вып. 1. С. 140.

¹⁹ [Николай II] Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. С. 7.

²⁰ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 291.

выдающегося официального стилиста»²¹. Нежелание Николая II идти на немедленное создание парламента отнюдь не означало, что он являлся противником идеи народного представительства.

По наблюдениям одного из лидеров оппозиционного движения князя Д. И. Шаховского, «в царской речи нельзя найти ни слова возражения против самых крайних из высказанных в земских адресах и в земских собраниях взглядов. Это до такой степени очевидно, что на другой же день после произнесения ошеломившей большинство публики речи в таком органе, как “Новое время”, было весьма резонно выяснено, что слова царя, в сущности, не противоречат высказанным земствами пожеланиям»²². В марте 1895 г. министр Двора граф И. И. Воронцов-Дашков, несомненно, с ведома Николая II, разрешил напечатать перевод статьи из газеты «Kreuz-Zeitung». В статье говорилось о том, что, «несмотря на речь царя про образ правления, в России рано или поздно образ правления должен перемениться и быть таким, как и во всех других государствах»²³.

В феврале 1896 г., при открытии в Петербурге Совещания губернских предводителей дворянства, близкий к Николаю II киевский предводитель князь Н. В. Репнин высказался за возвращение к «истинному самодержавию» посредством ограничения самовластия бюрократии и расширения выборного начала, предоставив избранным право представительства в законодательных учреждениях. Н. В. Репнин советовал также созвать Съезд представителей земства²⁴. В то же время в июне 1898 г. чиновник МИДа Н. Г. Гартвиг, также явно с ведома Николая II, предложил напечатать перевод статьи из «Journal de Geneve» «против парламентаризма», которую прочитал император²⁵. Почему же, будучи сторонником идеи народного представительства, Николай II не связывал его создание с немедленным введением парламентаризма?

Во-первых, император полагал, что немедленное введение парламентаризма привело бы к распаду России. В 1897 г. министр иностранных дел граф М. Н. Муравьев говорил германскому министру иностранных дел Германии князю Б. фон Бюлову, выражая мысли царя, что «нужны реформы, но чисто парламентская, радикальная система привела бы к анархии и разложению». Сам Николай II заявил германскому министру, что «можно допустить постепенное преобразование земства, но

²¹ Таганцев Н. С. Пержитое. Пг., 1919. С. 38.

²² Шаховской Д. И. Адресы земств 1894–1895 гг. и их политическая программа // Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма. 1881–1895. М., 2002. С. 101.

²³ Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 203–204.

²⁴ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в кон. XIX в. Л., 1973. С. 221–222.

²⁵ Суворин А. С. Указ. соч. С. 322.

что действительная парламентская система будет означать гибель России»²⁶. Очевидно, монарх соглашался с идеей «увенчания здания», т. е. создания, в дополнение к земствам, народного представительства, однако без парламентаризма.

Опасность парламентарной системы именно для Российской империи проистекала, по мнению монарха, из ее крайней неоднородности в социальном и особенно национальном отношениях. Беседуя в 1896 г. с американским журналистом Д. М. Шиком, Николай II говорил, что «в России все наыворот, своя политическая экономия и проч. Для конституции Россия еще не готова по той причине, что она еще не объединена, что собранное или переросло, или недоросло»²⁷. В 1897 г. Николай II сказал П. Н. Трубецкому: «Не для меня, конечно, не для меня – для России я признал, что конституция привела бы сейчас страну в такое [же] положение, как Австрию. При малой культурности народа, наших окраинах, еврейском вопросе и т. д. – одно самодержавие может спасти Россию»²⁸.

Важную причину невозможности немедленного введения парламентаризма в сго Империи Николай II видел в политической незрелости российского общества. «В противоположность своей обычной манере выражаться, которая, скорее, отличалась изысканностью, – вспоминал Б. фон Бюлов, подразумевая беседу с императором в 1897 г., – он процитировал здесь русскую поговорку: “Посади свинью за стол, она и ноги на стол”»²⁹. Очевидно, что царь подразумевал радикализм оппозиции.

Другой причиной неосуществимости попыток немедленного введения парламентаризма было, по мнению Николая II, враждебное отношение к ним со стороны народных масс, которые, как он искренне верил, настроены более консервативно, чем интеллигенция и сама власть, а потому хотят лишь одного – сохранения неограниченной царской власти. Беседуя с П. Н. Трубецким в 1897 г., Николай II заявил: «Я готов поделиться с народом властью, но я сделать этого не могу, т. к. не сомневаюсь, что ограничение царской власти было бы понято народом как насилие интеллигенции над царем, и тогда народ стер бы с лица земли верхние слои общества»³⁰. По версии сестры П. Н. Трубецкого, Николай II сказал еще определеннее – «мужик конституции не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, тогда – я вас поздравляю,

²⁶ Бюлов, фон Б. Воспоминания. М.; Л., 1935. С. 74, 79.

²⁷ Суворин А. С. Указ. соч. С. 234.

²⁸ Трубецкая О. Н. Указ. соч. С. 293.

²⁹ Бюлов, фон Б. Указ. соч. С. 74, 79.

³⁰ Головин Ф. А. Николай II // Николай II. Воспоминания. Дневники / Сост. Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин. СПб., 1994. С. 95.

господа!»³¹. Несомненно, что именно опасения спровоцировать консервативный народный бунт заставляли Николая II отказываться от публичного употребления слова «конституция» даже тогда, когда она уже была им дана.

В преданности народной массы самодержавию царь отнюдь не разуверился во время революции 1905–1907 гг. В апреле 1906 г. он выразил убеждение, что «80% русского народа будут со мною, окажут мне поддержку»³². Впоследствии, уже после ограничения царской власти Государственной думой, вплоть до 1917 г. голосом народного большинства Николай II считал заявления черносотенных лидеров о необходимости упразднения законодательной Думы и восстановлении неограниченной монархии. Веря в возможность массового народного сопротивления модернизации, в области ритуала Николай II был вынужден играть роль традиционалиста, но на практике он, являя собой консервативного либерала, содействовал постепенному созданию народного представительства. Поэтому образование Государственной думы стало не одномоментным актом, а процессом, растянувшимся на 10 лет.

Первым шагом на пути к народному представительству было повышение авторитета Государственного совета посредством соблюдения принципа разделения властей. С 1895 г. Комитет министров, по наблюдениям чиновника его Канцелярии Н. И. Вуича, «тщательно отклонял от себя дела, подлежащие суждению Государственного совета, передавая на рассмотрение его даже меры временные, если они имели финансовый характер, если ими устанавливались новые законодательные принципы или ослаблялось значение действующих законов»³³. Повышению авторитета Государственного совета способствовало также избегание Николаем II законодательства помимо него или вопреки его большинству. В 1895–1905 гг., вспоминал В. И. Гурко, Николай II «очень редко» утверждал мнение меньшинства Государственного совета, между тем его единогласные решения «царем неизменно утверждались»³⁴. Фактически, вторил В. И. Гурко граф И. И. Толстой, не только «самостоятельные решения» императора помимо Государственного совета, но «даже утверждение государем мнения меньшинства были крайне редки». За 100-летнее существование Государственного совета, подчер-

³¹ Трубецкая О. П. Указ. соч. С. 293.

³² Царскосельские совещания. Протоколы секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов / Под ред. В. В. Водовозова // Былое. 1917. № 4 (26). С. 205.

³³ Вуич Н. И. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Комитет министров в первые восемь лет царствования государя императора Николая Александровича (1894 г. 21 октября–1902 г. 8 сентября). СПб., 1902. С. 3.

³⁴ Гурко В. И. Указ. соч. С. 119.

кивал И. И. Толстой, подобного рода прецеденты проявлялись «в виде совершенно исключительных случаев», а потому «в действительности Государственный совет, по справедливости, мог быть почитаем настоящим и единственным в России законодательным учреждением»³⁵. Таким образом, благодаря сознательной политике Николая II, формально законсовещательный Государственный совет фактически превращался в законодательный орган.

Другим шагом на пути к созданию народного представительства было создание условий, при которых решение этого вопроса властью происходило бы с учетом общественного мнения. В 1898 г. Николай II, по совету главноуправляющего Канцелярией по принятию прошений Д. С. Сипягина, собирался издать особый манифест, призывающий население «писать проекты и направлять их в Канцелярию»³⁶. Кроме того, Д. С. Сипягин рекомендовал преобразовать Канцелярию в верховный контролирующий орган, подчиняющийся только монарху. По ходатайству любого подданного реформированная Канцелярия могла бы пересматривать незаконные решения всех высших и центральных учреждений³⁷. Все эти проекты воплощения не получили, поскольку инициатива Николая II натолкнулась на сопротивление его министров, которых, особенно С. Ю. Витте, вполне устраивала абсолютная монархия – при ней они общались с императором один на один, не обращая внимания на общественное мнение и чей-либо контроль.

В 1898–1899 гг., в целях преодоления чиновничьего средостения, Николай II и либеральный общественный деятель А. А. Клопов обсуждали возможность образования «особого, независимого Комитета при императоре» и планировали создать «небольшой кружок из постоянных сотрудников и местных деятелей»³⁸. Подобный кружок представлял бы собой народное представительство в зародыше, став еще одной предпосылкой для его создания. Неудивительно, что друг Александра III, историк граф С. Д. Шереметев, отметив, что «мы вступаем на путь новый, хотя играем комедию, будто держимся старого», вопрошал 2 апреля 1898 г.: «Как все это мирится с первоначальными словами царствования? Да так же, как слова Александра I о Екатерине отвечали действитель-

³⁵ Толстой И. И. Мемуары. М., 2002. С. 234.

³⁶ Клячко (Львов) Л. М. Звездная палата // Минувшие дни. 1928. № 3. С. 14.

³⁷ Подробн. об этом см.: Ремнев А. В. Проблема объединенного правительства накануне Первой российской революции // Новое о революции 1905–1907 гг. в России. Л., 1989. С. 92.

³⁸ А. А. Клопов – Николаю II. 30 июля 1899 г. // Тайный советник императора / Публ. В. М. Крылова и др. СПб., 2002. С. 42. О А. А. Клопове см.: Лукоянов И. В. Тайный корреспондент Николая II А. А. Клопов // Из глубины времен. 1996. Вып. 6.

ности!»³⁹. Известно, что Александр I, вступив на престол, официально заявил о своей верности заветам «любезной бабки», а в тайне – готовил реформы, противоречившие этим заветам. Николай II, официально выставляя себя продолжателем политики отца, в действительности продолжал политику деда и уже в 1900 г., когда министром внутренних дел был Д. С. Сипягин, непосредственно приступил к подготовке созыва народного представительства.

В начале 1900 г. Николай II обратился к другому другу Александра III, художнику П. В. Жуковскому: «Мне, – сказал император сыну известного поэта, – с разных сторон заявляют о неблагополучии России и о настоятельности приступить к коренным реформам. Россия будто бы переживает кризис. Между тем министры утверждают противное. Мне хочется знать правду и помочь, – но чем?». П. В. Жуковский попросил своего знакомого, товарища министра финансов В. И. Ковалевского, типичного либерального бюрократа, составить записку с обоснованием соответствующих реформ, текст которой одобрил славянофил генерал А. А. Киреев. В записке рекомендовалось издать Указ императора Сенату «о призыве избранных... для обсуждения теперешних условий жизни и средств устранить их... без предварительного обсуждения с министрами, т. к. с их стороны будут представлены “соображения” об опасных последствиях такого созыва». «Совещание депутатов под председательством самого государя, – говорилось в записке, – сможет не только выяснить теперешнее положение и причины его, но и наметить меры к коренному изменению». На следующий день П. В. Жуковский представил записку Николаю II, на которого она произвела «сильное впечатление», хотя форму записки он нашел «несколько странной». С содержанием записки царь ознакомил Александру Федоровну, очевидно, согласившуюся с ее содержанием, поскольку императрица пригласила П. В. Жуковского к завтраку. Через пять дней Николай II поручил составить Указ Сенату «о созыве представителей земств, больших городов, Академии наук, университетов и биржевых комитетов для обсуждения современного политического и экономического положения в России». Однако через три дня П. В. Жуковский получил распоряжение от императора «пока подождать»⁴⁰. Очевидно, министры снова не подержали инициативы царя.

В 1904 г., подразумевая совещание министров с участием Д. С. Сипягина, рассматривавшее «дело о представительстве», Николай II

³⁹ *Шереметев С. Д.* Отрывки из «Дневников» // Шереметевы в судьбе России. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 2001. С. 216.

⁴⁰ *Ковалевский В. И.* Воспоминания / Публ. Л. Е. Шепелева // Русское прошлое. 1991. Вып. 2. С. 87, 91, 92.

сообщил министру внутренних дел князю П. Д. Святополк-Мирскому: «Что же, совещание я раз собирал, никто меня не поддержал, кроме Дмитрия Сергеевича»⁴¹. Хотя Указ Сенату составлялся тайно слухи о его содержании дошли до Москвы. А. С. Суворин записал 9 апреля 1900 г.: «Государь в Москве. Чего только ни ждали! Даже Земского собора»⁴². Данная инициатива Николая II осталась без ближайших последствий также потому, что внимание царя было переориентировано с внутренней политики на внешнюю – в мае 1900 г. в Китае произошла очередная вспышка «боксерского восстания», на несколько лет приковавшего внимание к Поднебесной империи не только России, но и других великих держав.

Именно обострения внешней политики, прежде всего – две войны, русско-японская и Первая мировая, а не враждебность Николая II идее народного представительства, объективно тормозили ее постепенное осуществление, сам император сознательно не использовал внешнеполитические кризисы как предлог для откладывания реформ. Действительно, уже в начале 1901 г. Николай II сделал еще один шаг по пути к народному представительству, согласившись на допущение выборных представителей населения к участию в деятельности Государственного совета. В феврале 1901 г., с одобрения царя, в Учреждение Государственного совета была внесена специальная статья «об образовании в Совете особых совещаний и подготовительных комиссий для разработки законодательных предположений»⁴³. Добавление подобной статьи стало воплощением идей, которые содержали «конституция» М. Т. Лорис-Меликова и завещание Н. Х. Бунге.

Первым прецедентом применения новой статьи, сопровождавшегося массовым участием общественных деятелей в заседаниях Государственного совета, было обсуждение в 1902 г. Положения о портовых сборах. Это событие, по воспоминаниям В. И. Гурко, «вызвало немало толков и обсуждалось как явление чрезвычайное»⁴⁴. В конце 1901–начале 1902 г., т. е. еще при Д. С. Сипягине, появился проект реформы Комитета министров, которая подразумевала соединение Комитета с Государственным советом⁴⁵. Очевидно, в данном случае имелось в виду установление той или иной степени ответственности министров перед законосовещательным учреждением.

⁴¹ *Святополк-Мирская Е. А.* Дневник // Исторические записки. 1966. Т. 77. С. 252.

⁴² *Суворин А. С.* Указ. соч. С. 384.

⁴³ *Половцов А. А.* Дневник // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 81.

⁴⁴ *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 42.

⁴⁵ Подробнее о проекте см.: *Ремнев А. В.* Указ. соч. С. 94–95.

В 1902–1904 гг. план создания народного представительства Николай II обсуждал с министром внутренних дел В. К. Плеве. В апреле 1902 г., при вступлении В. К. Плеве на пост министра, его первой мыслью, подчеркивал В. И. Гурко, «было ввести в состав Государственного совета представителей высших слоев общественности», т. е. мысль «об установлении в России, хотя бы в зачаточной форме, конституционного правления»⁴⁶. Однако, наряду с введением выборных представителей населения в Государственный совет, Николай II и В. К. Плеве планировали и образование особого выборного органа под названием «Государственная дума». Характеризуя план реформ, разработанный по повелению Николая II В. К. Плеве, монарх сообщил князю генералу В. Н. Орлову в 1905 г., что «Государственная дума была им предусмотрена»⁴⁷. Фактически именно согласно этому проекту и произошло создание в 1906 г. двухпалатного народного представительства (Государственный совет, состоящий из назначенных и выборных членов, и Государственная дума). Осенью 1902 г., сообщил в 1905 г. бывший военный министр генерал А. Н. Куропаткин генералу Н. П. Линевичу, «вопрос о Думе» возбуждался в Комитете министров, который составил соответствующий проект. На следующее заседание Комитета, посвященное обсуждению этого проекта, Николай II принес «свою записку со своим проектом»⁴⁸. Параллельно, в 1902–1903 гг., аргументацию в пользу народного представительства Николай II черпал из записок либерального публициста Н. А. Демчинского.

Н. А. Демчинский ассоциировал Государственную думу с «Центральным земским органом», своего рода Земским собором. В записке царю от 5 января 1903 г. Н. А. Демчинский писал: «Единение монарха с народом есть единственный верный шаг к спасению России, а совершиться он может только при широком развитии Общественной организации», т. е. земства. Публицист предлагал объединить четыре-пять губернских земств в областные земства и создать в Москве «Центральный земский орган» или «Центральное земское управление», в которое каждое областное земство посылало бы по 2–3 представителя. Центральное земское управление должно было избирать из своей среды одного представителя в Комитет министров и двух – в Государственный совет»⁴⁹.

⁴⁶ Гурко В. И. Указ. соч. С. 148.

⁴⁷ Орлов В. И. Из дневника / Публ. П. Е. Щеголева // Былое. 1918. № 14. С. 57.

⁴⁸ Линевич Н. П. Дневник // Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича / Под ред. М. Н. Покровского. Л., 1925. С. 112.

⁴⁹ Политические проекты Н. А. Демчинского / Публ. В. М. Боковой // Российский архив. 2005. Т. ММIV. С. 626, 629, 630, 631. См. также: Лукоянов И. В. Политическое маклерство в России в нач. XX в: П. А. Демчинский // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Мат. Всеросс. науч. конф. 6–7 декабря 2006 г. СПб., 2007.

Николай II остался «чрезвычайно доволен» докладом Н. А. Демчинского и «в самых лестных выражениях выразил ему благодарность»⁵⁰. Однако вскоре отношение царя к публицисту изменилось.

Н. А. Демчинский злоупотребил доверием императора, издав в одной брошюре записки от 2 июля 1902 и 5 января 1903 г.⁵¹. В ответ, 14 марта 1903 г., Николай II написал на оправдательном письме своего незадачливого корреспондента следующую резолюцию: «Объявите Демчинскому, что я весьма недоволен тем обстоятельством, что он себе позволил распространять по городу его письмо ко мне “о проекте Земского собора”»⁵². Как уже отмечалось выше, Николай II, в силу ряда причин, играл роль консерватора, поступок же Н. А. Демчинского разоблачал в императоре либерала. Именно этим, а не враждебностью идеям публициста, и была вызвана царская резолюция.

Когда общественный деятель соблюдал корректность, Николай II отвечал ему благосклонностью. Так, конституционалист князь Г. М. Волконский в октябре 1903 г. специально приехал в Дармштадт, чтобы передать находившемуся там императору записку «о политических реформах для России», главной из которых он считал созыв Земского собора. «Записка была передана, – вспоминал брат Г. М. Волконского, – и он получил на другой день письмо от адъютанта графа Гейдена, в котором тот по поручению государя уведомлял его об этом»⁵³. Реакция царя на рецепты Н. А. Демчинского объяснялась еще и тем, что они противоречили ритуальной ссылке на преемственность между правлениями Александра III и Николая II, открывавшей Манифест 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».

В подготовке Манифеста, содержавшего программу либеральных реформ, участвовали В. П. Мещерский и В. К. Плеве, а также В. И. Гурко и Д. Н. Любимов. Участие В. П. Мещерского, призванного, в данном случае, прежде всего в качестве стилиста, обладающего «карамзинским слогом» (князь был внуком историографа), не означало того, что Манифест подразумевал осуществление консервативного курса. Летом 1903 г. А. С. Суворин узнал, что при участии В. П. Мещерского «готовятся либеральные реформы, свобода печати, вероисповеданий, патриархат»⁵⁴.

В Манифесте Николай II, привлекая общество к решению государственных вопросов, повелевал материалы по крестьянской реформе МВД и Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промы-

⁵⁰ Николай II и самодержавие в 1903 г. // Былос. 1918. № 2. С. 214.

⁵¹ Демчинский Н. А. Два письма государю императору. [СПб., 1903.] 32 с.

⁵² Политические проекты Н. А. Демчинского. С. 631–632.

⁵³ Волконский С. М. Мои воспоминания. В 2-х тт. М., 1992. Т. 1. С. 346.

⁵⁴ Суворин А. С. Указ. соч. С. 465.

шленности «передать на места для дальнейшей их разработки и согласования с местными особенностями в губернских совещаниях при ближайшем участии достойнейших деятелей, доверием общественным облеченных»⁵⁵. Выдержанный в традиционалистском духе велеречивый стиль Манифеста облекал собой недвусмысленный намек Николая II на его стремление к созданию народного представительства в виде Государственной думы.

Действительно, в Манифесте 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы», напомнив, что в Манифесте 26 февраля 1903 г. он призвал «к тесному единению всех верных сынов Отечества для усовершенствования государственного порядка», Николай II признал: «И тогда озабочивала Нас мысль о согласовании выборных общественных учреждений с правительственными властями и об искоренении разлада между ними, столь пагубно отражающегося на правильном течении государственной жизни. О сем не переставали мыслить самодержавные цари, Наши предшественники. Ныне настало время, следуя благим начинаниям их, призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов»⁵⁶. Таким образом, создание народного представительства Николай II напрямую связывал с решением проблемы отношений между властью и земством посредством увенчания последнего высшим выборным органом – Государственной думой. В. К. Плеве погиб, не успев принять участия в ее учреждении, создав, однако, в 1904 г. зародыш Думы – Совет по делам местного хозяйства при МВД, который состоял из выборных представителей населения. В Совете, отмечал один из разработчиков этой реформы, С. Е. Крыжановский, «сквозит мысль создания народного представительства»⁵⁷.

Преемник В. К. Плеве, князь П. Д. Святополк-Мирский, начал с того же, с чего начал его предшественник. Намеченное князем введе-

⁵⁵ Манифест 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // *Савич Г. Г.* Новый государственный строй России. Справочная книга. СПб., 1907. С. 3–4. Подробнее об истории этого Манифеста см.: *Соловьев Ю. Б.* К истории происхождения Манифеста 26 февраля 1903 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 1979. Т. 11; *Ананьич Б. В.* О тексте Манифеста 26 февраля 1903 г. (Из архива В. П. Мещерского) // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 1983. Т. 15.

⁵⁶ Манифест 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 22.

⁵⁷ Допрос С. Е. Крыжановского. 10 июля 1917 г. // *Падение царского режима.* Т. 5. М.; Л., 1926. С. 387. О внутренней политике В. К. Плеве см.: *Ананьич Б. В.* Российское самодержавие накануне революции. Внутриполитический курс В. К. Плеве // *Власть и реформы. От самодержавной к советской России.* СПб., 1996; *Judg E. H. Plehve.* Syracuse (N. -Y.), 1983.

ние в Государственный совет выборных представителей общественности «совпадало, — по наблюдениям В. И. Гурко, — с первоначальными предположениями» В. К. Плеве⁵⁸. В докладе Николаю II от 24 ноября 1904 г. П. Д. Святополк-Мирский высказался за «участие представителей населения при обсуждении дела в самом составе Государственного совета»⁵⁹. Планы П. Д. Святополк-Мирского полностью совпадали с планами Николая II.

В сентябре 1904 г., по поводу адреса Калужского губернского земства царю, в котором выражалась надежда, что «настанет день, когда Вашему величеству угодно будет призвать к государственной работе выборных представителей земли», Николай II сказал, что он «сердечно написан»⁶⁰. Позднее, в феврале 1905 г., император публично объявил, что высказанная в подобного рода обращениях «готовность, по зову моему, придти содействовать успешному осуществлению возвещенных мною преобразований, всецело отвечает душевному моему желанию: совместною работою правительства и зрелых сил общественных достигнуть осуществления моих предначертаний, ко благу народа направленных»⁶¹. Когда 14 ноября 1904 г. П. Д. Святополк-Мирский передал Николаю II записку консервативно-либерального мыслителя К. Ф. Головина «о выборных в Государственный совет», император заметил, что «это очень интересно» и «вообще к идее о выборных очень снисходительно отнесся»⁶².

Неудивительно, что, прочитав всеподданнейший доклад П. Д. Святополк-Мирского от 24 ноября, Николай II «выразил намерение немедленно подписать указ обо всех проектированных Святополк-Мирским “вольностях” и народном представительстве»⁶³. Министр внутренних дел настоял однако на предварительном обсуждении Указа в Особом совещании под председательством императора. Между тем, 28 ноября А. В. Богданович узнала, что Николай II собирается «дать конституцию, вроде финляндской», оставив за собой «распоряжения насчет войска и финансы»⁶⁴. Следовательно, в это время царь шел дальше П. Д. Свято-

⁵⁸ Гурко В. И. Указ. соч. С. 360.

⁵⁹ Всеподданнейший доклад министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского (24 ноября 1904 г.) / Публ. В. Л. Степанова // Река времен. 1996. Кн. 5. С. 254, 254–255.

⁶⁰ Обнинский В. П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992. С. 99.

⁶¹ Высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя бывшего министра внутренних дел А. Г. Булыгина // Савич Г. Г. Указ. соч. С. 13.

⁶² Святополк-Мирская Е. А. Указ. соч. С. 254.

⁶³ Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С. Ю. Витте). М.; Л., 1923. С. 46–47.

⁶⁴ Богданович А. В. Указ. соч. С. 316.

полк-Мирского, поскольку, как и ранее, при В. К. Плеве, планировал не просто привлечение выборных в Государственный совет, но и создание в дополнение к нему особого высшего выборного органа, наподобие финляндского Сейма.

Более того, по сведениям оппозиционера И. В. Гессена, именно осенью 1904 г. главноуправляющий Канцелярией по принятию прошений барон А. А. Будберг явно по повелению Николая II намеревался подготовить проект Манифеста, в котором «высказано было бы намерение созвать народных представителей». А. А. Будберг «имел в виду представить такой проект государю для опубликования на Пасхе»⁶⁵, т. е. 17 апреля 1905 г. В апреле этого года А. А. Будберг представил Николаю II составленный В. И. Ковалевским проект Манифеста, который провозглашал ускорение созыва народного представительства, сформированного на основе всеобщего избирательного права и имеющего законодательный характер, а также расширение крестьянского землевладения, свободу печати и собраний, неприкосновенность личности и политическую амнистию⁶⁶. Идеи этого проекта позднее легли в основу Манифеста 17 октября 1905 г.

Осенью 1904 г. сторонницей конституции была и Александра Федоровна. Сенатор граф А. А. Бобринский записал 18 октября 1904 г., что царица «стоит за конституцию»⁶⁷. Графу вторил А. С. Суворин, который 16 ноября отметил, что Александра Федоровна «стоит за собрание Государственной думы»⁶⁸. Конституционализм императрицы имел умеренный характер. Беседуя 22 ноября с П. Д. Святополк-Мирским о необходимости создания народного представительства, Александра Федоровна заявила, что это «надо делать постепенно»⁶⁹. Тем не менее, приверженность императрицы конституции была бесспорной. А. А. Бобринский записал даже 27 ноября, что Александра Федоровна «стоит теперь во главе конституционной партии»⁷⁰. В тот же день член Государственного совета граф С. А. Толь сообщил А. В. Богданович, что «молодая царица уговаривает царя дать конституцию, чтобы обеспечить этим наследнику царство»⁷¹. В такой обстановке Указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного

⁶⁵ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. 1937. Т. 22. С. 178.

⁶⁶ Из архива С. Ю. Витте // Красный архив. 1925. Т. 4–5. С. 108–115.

⁶⁷ Бобринский А. А. Дневник // Красный архив. 1928. Т. 26. С. 129.

⁶⁸ Суворин А. С. Указ. соч. С. 477.

⁶⁹ Святополк-Мирская Е. А. Указ. соч. С. 259.

⁷⁰ Бобринский А. А. Указ. соч. С. 129.

⁷¹ Богданович А. В. Указ. соч. С. 314.

порядка»⁷², проект которого содержал, помимо программы либеральных реформ, пункт о создании народного представительства, выражал представления не столько оппозиции, сколько царской четы и либеральной бюрократии.

К заседанию 8 декабря 1904 г. Особого совещания, обсуждавшего проект Указа, пункт о выборных был изложен в двух редакциях – председателя Комитета министров С. Ю. Витте, более узкой, и председателя Департамента государственной экономии Государственного совета графа Д. М. Сольского, более широкой. После заседания 8 декабря третий пункт приобрел компромиссный характер, поскольку в нем император повелевал «установить способы привлечения местных общественных учреждений и выбранных ими из своей среды лиц к участию в разработке законодательных предначертаний наших до рассмотрения их Государственным советом»⁷³. Итак, речь шла о создании, в дополнение к Государственному совету, особого высшего выборного органа, в чем нельзя не видеть влияния Николая II, рассматривавшего вопрос об этом начиная с 1900 г.

Кажется парадоксальным, что при подписании Указа 12 декабря 1904 г. Николай II, внимая советам С. Ю. Витте и вел. кн. Сергея Александровича, вычеркнул пункт о народном представительстве. С. Ю. Витте объяснял поступок императора его нежеланием идти на создание представительного органа. Однако самодержец являлся противником не представительства, а парламента. Подразумевая именно парламентаризм, Николай II и заявил С. Ю. Витте и дяде, вычеркивая пункт о представительстве: «Я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне Богом народа»⁷⁴. Виновником затягивания созыва народного представительства был не Николай II, а сам С. Ю. Витте. Для хорошо осведомленного Вильгельма II не составляло секрета, что реформам, которые «предполагались самим государем», писал он 6 февраля 1905 г. вдовствующей императрице Марии Федоровне, «к несчастью, воспротивился Витте»⁷⁵.

Вычеркивание царем пункта о представительстве неправильно трактовать как усиление влияния Сергея Александровича, поскольку в декабре 1904 г. он появился в Петербурге, чтобы подать в отставку, которую

⁷² Указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 6–8.

⁷³ *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 33, 35, 36.

⁷⁴ Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. С. 663.

⁷⁵ Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г. // Красный архив. 1925. Т. 9. С. 65.

Николай II немедленно принял. Когда 18 января 1905 г. А. А. Клопов пожаловался монарху, что Сергей Александрович «всегда дает дурные советы», царь ответил: «Я теперь с ним совсем покончил»⁷⁶. Решение Николая II создать народное представительство было бесповоротным, однако вначале он хотел пойти на это по окончании русско-японской войны. А. В. Богданович узнала 16 октября 1904 г., что «конституция» «будет обнародована после войны»⁷⁷. Как представляется, именно данное обстоятельство, а не царский консерватизм, и привело к вычеркиванию пресловутого пункта, однако под влиянием последовавшего вскоре обострения внутриполитической ситуации монарх отказался от своего первоначального плана и пошел на создание народного представительства еще до конца войны.

Беседуя 17 января 1905 г. с министром земледелия А. С. Ермоловым, Николай II согласился с необходимостью созыва народных представителей и в связи с этим образовал, под председательством С. Ю. Витте, Совещание министров и председателей департаментов Государственного совета. Начавшему свою работу 18 января Совещанию царь поручил рассмотрение адресов дворянских и земских собраний «о призыве представителей населения» и двух вопросов: об образовании особой комиссии «для проектирования того способа, коим могло бы осуществиться, когда то будет государем признано благовременным, призвание выборных представителей всех классов населения», и о «способах и формах участия представителей населения в обсуждении важнейших законодательных мер и намеченных высочайшею волею государственных реформ». Образование Совещания объяснялось тем, что, как доверительно сообщила Александра Федоровна А. А. Бобринскому 28 января, ее супруг «решился объявить о предстоящем созыве» народных представителей. Во время встречи с А. С. Ермоловым, состоявшейся 31 января, Николай II благосклонно воспринял аргументацию министра в пользу немедленного учреждения представительного органа в виде «Земской думы»⁷⁸. Свое решение создать народное представительство царь объявил 18 февраля 1905 г., когда появился Рескрипт Николая II министру внутренних дел А. Г. Булыгину и Манифест «О призыве властей и населения к содействию самодержавной власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней».

⁷⁶ *Святополк-Мирская Е. А.* Указ. соч. С. 284.

⁷⁷ *Богданович А. В.* Указ. соч. С. 297.

⁷⁸ *Ермолов А. С.* Записки // Красный архив. 1925. Т. 8; *Бобринский А. А.* Указ. соч. С. 129. См. также: *Гапелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 71, 85, 94, 98

Рескрипт объявлял о готовности царя создать законосовещательное выборное учреждение для разработки и обсуждения «законодательных предположений»⁷⁹. Манифест призывал «благомыслящих людей» сослаться вокруг престола «в разумном противодействии смуте внутренней», необходимом «для успешного осуществления предначертаний наших, направленных к... усовершенствованию государственного порядка», и говорил об укреплении «истинного самодержавия на благо всем нашим верным подданным»⁸⁰. Объясняя причины, подвигнувшие его на подписание Рескрипта и Манифеста 18 февраля 1905 г., Николай II, пером А. Г. Елчанинова, писал: «За истекшие почти полвека, со времени освобождения крестьян, народ русский стал понемногу образовываться и привыкать в делах общественных и государственных. Стало возможным воскресить во всем объеме обычай первых царей Дома Романовых давать самому народу, через его представителей, разбираться в государственных делах и вникать в нужды государства. Вот почему государь решил призвать представителей народа к государеву делу, о чем и известил Россию Манифестом и Рескриптом от 18 февраля 1905 г.»⁸¹. Традиционалистская риторика не могла скрыть модернистского характера царского решения.

Рескрипт 18 февраля 1905 г., инициировав создание народного представительства, был этапом более длительного процесса подготовки его создания, официально начавшегося в 1903 г., неофициально – в 1900, а по большому счету – в 1895 г. Во всяком случае, на заседании Совета министров 3 февраля 1905 г., обсуждавшего проект Рескрипта, сам Николай II расценил его как «продолжение двух актов» – Манифеста 26 февраля 1903 г. и Указа 12 декабря 1904 г., т. е. установил непосредственное преемство между ними. «Суть» всех трех актов, по мнению царя, состояла «в привлечении» населения к политической деятельности⁸². Преемство с намного более ранними проектами связывал и Указ 18 февраля, повелевавший Совету министров рассматривать исходящие от частных лиц и учреждений «видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного бла-

⁷⁹ Высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя бывшего министра внутренних дел А. Г. Булыгина // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 13.

⁸⁰ Манифест 18 февраля 1905 г. «О призыве властей и населения к содействию самодержавной власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней» // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 12.

⁸¹ *Елчанинов А. Г.* Указ. соч. С. 117.

⁸² *Ганелин Р. Ш.* Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э. Ю. Нольде // *Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990.* С. 297.

гоустройства»⁸³. Указ реанимировал идею царя, поддержанную еще в 1898 г. Д. С. Сипягиным⁸⁴.

Очевидно, также, что Рескрипт, Манифест и Указ 18 февраля 1905 г., вопреки утверждению С. Ю. Витте, не противоречили, а взаимно дополняли друг друга⁸⁵. Возлагая на создание народного представительства серьезные надежды, Николай II записал 18 февраля: «Дай Бог, чтобы эта важная мера принесла России пользу и преуспевание»⁸⁶. Таким образом, Рескрипт являлся для царя не тактическим ходом, а фундаментальным актом.

Создавая народное представительство, Николай II, однако, не собирался способствовать установлению парламентаризма. На заседании Совета министров 3 февраля 1905 г. он выступил против насаждения в России «чуждых нам конституционных и парламентарных форм»⁸⁷. Народное представительство, по мысли царя, должно было функционировать не как парламент, а как орган дуалистической системы. Полным единомышленником Николая II являлся Вильгельм II, находившийся во главе классической дуалистической монархии. Германский император выступил за то, чтобы «исполнительная власть» находилась бы «в руках самодержавного царя, а не в руках руководящего министра с целым штатом беспомощных сотоварищей»⁸⁸. Примечательно, что в данном случае союзником Николая II был (уже к тому времени покойный) апостол консервативного либерализма Б. Н. Чичерин. Он отмечал в работе, написанной в 1904 г. и ставшей его завещанием: «Если бы дело шло о замене неограниченной монархии парламентским правлением, то, конечно, об этом при настоящих условиях не может быть речи. Парламентское правление требует политической опытности, образования, сложившихся партий. Всего этого у нас нет»⁸⁹. Очевидно, что по вопросу о создании народного представительства Николай II занимал консервативно-либеральную позицию.

⁸³ Указ 18 февраля 1905 г. // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 12.

⁸⁴ *Клячко (Львов) Л. М.* Указ. соч. С. 14.

⁸⁵ Об истории актов 18 февраля 1905 г. см.: *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 85–121. См., также: Ascher A. The Revolution of 1905. Vol. 1–2. Stanford, 1988–1992; Verner A. M. The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990.

⁸⁶ Николай II. Дневники. М., 1991. С. 251.

⁸⁷ *Ганелин Р. Ш.* Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э. Ю. Нольде // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 297.

⁸⁸ Вильгельм II – Николаю II. 6 февраля 1905 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. / Под ред. М. Н. Покровского. М.; Пг., 1923. С. 91.

⁸⁹ *Чичерин Б. Н.* Россия накануне двадцатого столетия // *Чичерин Б. Н.* Философия права. СПб., 1998. С. 611.

Будучи центристом, император игнорировал рекомендации ортодоксальных консерваторов и ортодоксальных либералов. «Назойливые писания» газет «о Земском соборе и Учредительном собрании», писал Николай II А. Г. Булыгину в мае 1905 г., «совершенно искажают» смысл предначертаний, вознесенных 18 февраля⁹⁰. Единомышленницей царя была Александра Федоровна: А. А. Бобринский записал 1 мая 1905 г., что в Царском Селе «дамы» «громко желают конституции»⁹¹. Постепенно создавая конституционную монархию, Николай II сознательно сохранял инициативу в этом вопросе за собой. Во время состоявшейся 6 июня 1905 г. встречи царя с лидерами оппозиции Николай II заявил: «Моя воля, воля царская – созывать выборных от народа – непреклонна. Привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом». Николай II заявил о преемственности между земскими соборами и будущим народным представительством. «Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам»⁹². Сочетая традиционалистскую форму и модернистское содержание, Николай II преследовал вполне определенную цель – постепенную замену абсолютизма дуализмом, а не парламентаризмом.

А. Г. Булыгин и Совет министров, руководившие составлением проекта законосовещательной («булыгинской») Государственной думы, принимали во внимание дуалистические пристрастия Николай II. Авторы проекта пытались предотвратить «необоснованное вторжение Думы в область министерского управления, с нарушением спокойного и безостановочного течения дел исполнительной власти». Ими выражались азы дуализма, при котором «назначение и увольнение министров от должностей и впредь должно иметь место по непосредственному высочайшему изволению». А. Г. Булыгину и министрам представлялось, что «верховный надзор за целесообразностью действий администрации принадлежит одному государю императору», Дума же «в этом деле не должна иметь участия»⁹³. При обсуждении проекта в июле 1905 г. под председательством Николая II особо подчеркивалось, что его со-

⁹⁰ Письма императора Николая II министру внутренних дел А. Г. Булыгину. 1905 г. / Публ. Б. Т. Мордвинова // Российский архив. 1991. Т. I. С. 188.

⁹¹ Бобринский А. А. Указ. соч. С. 129.

⁹² [Николай II] Полное собрание речей. С. 57–58.

⁹³ Соображения министра внутренних дел о порядке осуществления высочайших его императорского величества предубаждений, вознесенных в Рескрипте от 18 февраля 1905 г.; Мемория Совета министров по делу о порядке осуществления высочайших предубаждений, вознесенных в Рескрипте 18 февраля 1905 г. // Материалы по учреждению Государственной думы. 1905 г. СПб., 1905. Вып. I. С. 24, 24–25, 119, 120–121.

ставители «стремились лишь к тому, чтобы обеспечить законность действий администрации, неизменно остающейся в единственном подчинении, под руководством верховной власти»⁹⁴. Таким образом, заранее отрицалась возможность превращения законосовещательной Думы в парламент.

Намерение Николая II ввести именно дуалистическую систему, которая базируется на принципе разделения властей, доказывается тем, что 6 июня 1905 г. царь утвердил мнение Государственного совета «Об устранении отступлений в порядке издания законов»⁹⁵. Оно установило обязательное прохождение законов через Государственный совет и тем самым формальное различие между законами и указами. Более того, мнение фактически ограничило монарха в законодательстве, т. е. создало главную предпосылку дуалистической системы. В июле 1905 г., во время обсуждения проекта законосовещательной Думы, Н. С. Таганцев заявил, подразумевая введенный Мнением новый порядок «относительно издания законов»: «Верховная власть ограничила себя, не допуская представления их на утверждение иначе, как через посредство Государственного совета»⁹⁶. Новое ограничение царской власти в законодательстве установили Манифест 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» и Положение о ней.

В Манифесте говорилось, что «избранные доверием всего населения люди» призываются «к совместной законодательной работе с правительством»⁹⁷. Ограничение состояло в разрешении законосовещательной Думе возвращать министрам законопроекты, не одобренные большинством нижней палаты. В июле 1905 г., при обсуждении проекта Думы, Н. С. Таганцев заметил, что «установление обсуждаемого правила составит только развитие» «начала» ограничения самодержавия. Товарищ министра внутренних дел генерал Д. Ф. Трепов согласился, что «предположение о возвращении министрам отклоненных предположений, несомненно, составляет ограничение самодержавия». Главноуправляющий землеустройством и земледелием П. Х. Шванебах также

⁹⁴ Петергофские совещания о проекте Государственной думы // Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917. С. 135.

⁹⁵ Высочайше утвержденное 6 июня 1905 г. Мнение Государственного совета «Об устранении отступлений в порядке издания законов» // Савич Г. Г. Указ. соч. С. 15–18.

⁹⁶ Петергофские совещания о проекте Государственной думы. // Николай II. Материалы для характеристики. С. 171. Об истории этого акта см.: Ремнев А. В. Проблема «указа и закона» в пореформенной России // Вспомогательные исторические дисциплины. 1987. Т. 18.

⁹⁷ Манифест 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» // Савич Г. Г. Указ. соч. С. 21–22. О создании «булыгинской Думы» см.: Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 122–191.

заявил императору, что принятие соответствующего правила «будет ограничением самодержавных ваших прав»⁹⁸. Очевидно, что, ограничивая царя в законодательстве, Манифест 6 августа означал фактическое введение дуалистической системы германского типа.

Соответствие «булыгинской» Думы германской модели признал Вильгельм II, отметивший, что «статуты» Думы «должны в главных чертах уподобить ее нашему “Staatsrat”у»⁹⁹. Если де-факто «булыгинская Дума» соответствовала германской модели, то де-юре, не ограничивая власти царя формально, она соответствовала английской модели. В Англии король царствовал, но не правил согласно прецедентам, а не закону. Конечно, каких-либо ссылок на западно-европейскую практику Манифест 6 августа не содержал, однако соответствие этой практике законосовещательной Думы признавали и Николай II, и министры. На Особом журнале Совета министров 4 августа 1906 г., утверждавшем, что Манифестом 6 августа «русская жизнь восприняла характерные черты западно-европейского общественного строя», царь написал 24 августа: «Вполне одобряю»¹⁰⁰.

Устанавливая дуалистическую систему, Николай II действовал, учитывая не требования оппозиционеров и революционеров, а собственные консервативно-либеральные взгляды. Мнение о том, что создание Думы – «признак боязни и уступки только перед лицом опасности», полагал В. О. Ключевский в июле 1905 г., «едва ли соответствует действительности»¹⁰¹. В соответствии со своими взглядами, в Думе Николай II видел не временную уступку обществу, а средство дальнейшего реформирования России. Царь надеялся, что «лояльность и рассудительность» народа, писал он германскому императору, «будут значительно способствовать развитию России с помощью этого совещательного органа»¹⁰². Впрочем, Манифест 6 августа, знаменуя фактическое введение дуалистической системы, не закрывал, однако, путей для ее формального установления, т. е. для превращения законосовещательной Думы в законодательную. В этом Манифесте Николай II прямо объявил, что сохра-

⁹⁸ Петергофские совещания о проекте Государственной думы // Николай II. Материалы для характеристики. С. 171, 173.

⁹⁹ Вильгельм II – Николаю II. 7 августа 1905 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 110.

¹⁰⁰ Особый журнал Совета министров 4 августа 1906 г. «Об ограничении должностных лиц и служащих в государственных учреждениях по вольному пайму в праве участвовать в политических партиях и союзах и о преграждении таковым лицам противоправительственной агитации» // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. / Публ. Б. Д. Гальпериной и В. В. Шелохаева. М., 1982. С. 146, 147.

¹⁰¹ К истории манифеста 6 августа 1905 г. // Красный архив. 1926. Т. 14. С. 268.

¹⁰² Николай II – Вильгельму II // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 111.

няет за собой «заботу о дальнейшем усовершенствовании» Думы и право «дать по сему предмету соответственные в свое время указания»¹⁰³.

«Соответствующие указания» и содержал Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», явившийся следствием не столько оппозиционного или революционного движения, сколько принципиальной неприемлемости для Николая II реакционной политики. «Реакция, в сущности, возможна, – записал консервативный публицист Л. А. Тихомиров в августе 1905 г., – но не при этом государе. Этот государь ее искренне не хочет»¹⁰⁴. Манифестом 17 октября Николай II возлагал на кабинет графа С. Ю. Витте дарование населению политических прав и свобод, наделение Думы законодательными полномочиями и расширение избирательного права¹⁰⁵. Традиционно считается, что «отцом» Манифеста 17 октября был именно С. Ю. Витте, однако это опровергал он сам.

Уже 10 октября 1905 г., т. е. до апогея Всероссийской политической стачки, а значит – независимо от нее, Николай II, согласно «Справке», составленной С. Ю. Витте, заявил графу, что «основания» представленного им всеподданнейшего доклада о необходимости политических реформ «было бы лучше» «опубликовать манифестом». С. Ю. Витте выступил 14 октября против издания манифеста и за публикацию его доклада, что «будет гораздо осторожнее, ибо в таком случае предложенные им меры лягут на его, графа Витте, ответственность и не свяжут его величество». Граф «считал более осторожным ограничиться высочайшим утверждением его всеподданнейшего доклада и надеялся, что, может быть, манифеста и не потребуется». Представив Николаю II 15 октября свой проект манифеста, С. Ю. Витте по-прежнему доказывал, что «было бы удобнее ограничиться утверждением прочитанного им всеподданнейшего доклада». Даже вечером 16 октября граф просил министра Двора барона В. Б. Фредерикса «доложить его величеству, что, по его мнению, издавать манифест, как он это уже несколько раз имел честь докладывать его величеству, не нужно, что достаточно и более осторожно обнародовать лишь его высочайше утвержденный всеподданнейший доклад»¹⁰⁶. Таким образом, инициатором Манифеста 17 октября был не С. Ю. Витте, а Николай II, который согласился на

¹⁰³ Манифест 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 22.

¹⁰⁴ Тихомиров Л. А. 25 лет назад (Из дневников) / Публ. В. В. Макакова // Красный архив. 1930. Т. 39. С. 73.

¹⁰⁵ Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // *Савич Г. Г.* Указ. соч. С. 24–25.

¹⁰⁶ Справка о Манифесте 17 октября 1905 г. // Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. Рукописные заметки. С. 215, 216, 217, 218.

его издание, принимая во внимание не Всероссийскую политическую стачку, проходившую под лозунгом Учредительного собрания (о нем в Манифесте нет ни слова), а свои консервативно-либеральные взгляды.

Беседуя 13 октября с членом Государственного совета адмиралом Н. М. Чихачевым, Николай II объявил, что «готов дать конституцию»¹⁰⁷. По повелению царя в ночь с 14 на 15 октября А. А. Будберг, совместно с членом Государственного совета И. Л. Горемыкиным и государственным секретарем бароном Ю. А. Икскулем-фон-Гильденбандтом, составил проект Манифеста, в котором говорилось о придании Думе законодательного характера, даровании свободы личности, веры, слова и собраний, всеобщего избирательного права, введении выборных представителей в Государственный совет, ответственности министров перед палатами и политической амнистии¹⁰⁸. Проект А. А. Будберга имел более либеральный характер, чем проект, подготовленный под руководством С. Ю. Витте Н. И. Вуичем и князем А. Д. Оболенским, и если 17 октября 1905 г. Николай II подписал последний, то только потому, что граф обусловил принятие им премьерства согласием императора на подписание именно виттевского проекта. Манифест 17 октября учредил дуалистическую систему не только фактически, но и формально. В начале 1906 г. Николай II говорил члену Государственного совета В. Н. Коковцову, что Манифестом 17 октября народу дано «право законодательной власти в указанных ему пределах»¹⁰⁹. Согласно историографической аксиоме, содержание Манифеста 17 октября полностью противоречило взглядам Николая II, который, однако, имел по этому вопросу более сложное мнение.

В ответ на письмо Д. Ф. Трепова от 16 октября 1905 г. царь, отмечая «тяжесть окончательного решения вопроса о вступлении на путь самых широких реформ», совершенно недвусмысленно писал: «Я сознаю всю торжественность и значение переживаемой Россией минуты и молю милосердного Господа благословить Промыслом Своим – нас всех и совершаемое рукою моею великое дело». Очевидно, что противник Манифеста 17 октября, да еще в интимном письме, отзывался бы о нем совершенно иначе. Впрочем, далее Николай II признавал: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее.

¹⁰⁷ Половцов А. А. Дневник // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 76.

¹⁰⁸ Будберг А. А. 15–17 октября 1905 г. в царской резиденции (из записок) / Публ. А. В. Островского и М. М. Сафонова // Английская набережная, 4. Ежегодник. СПб., 1997. С. 395, 398, 400, 401, 406, 408, 409. О подготовке Манифеста 17 октября 1905 г. см.: Островский А. В., Сафонов М. М. Манифест 17 октября 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1981. Т. 12; Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 192–222.

¹⁰⁹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2-х тт. М., 1992. Т. 1. С. 123.

Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей и, в конце концов, случилось неизбежное!»¹¹⁰ Казалось бы, вот ярчайшее доказательство того, что Манифест 17 октября появился вопреки Николаю II, но полагать так – значит абсолютно не понимать психологии царя.

Николай II, в силу полученного им английского воспитания, привившего монарху терпимость к разным взглядам, с каждым собеседником говорил на его языке, что, кстати, давало поводы для обвинения царя в лицемерии. В данном случае он писал как бы от имени Д. Ф. Трепова, имевшего репутацию консерватора (впрочем – совершенно необоснованно), которую подтверждало его письмо императору от 16 октября: в нем генерал высказывался против немедленного дарования неприкосновенности личности, национального равноправия, прямого, равного и тайного избирательного права¹¹¹, т. е. ключевых элементов конституции.

Не случайно, что далее, в отличие от предыдущего абзаца своего ответного письма, монарх употреблял местоимение «нас», а не «я». Объединяя себя с Д. Ф. Треповым, Николай II просто успокаивал своего верного слугу, зная из его письма, что виттевский проект Манифеста не устраивал генерала полностью. Проявив благосклонность по отношению к Д. Ф. Трепову, Николай II снова стал писать от своего имени: «Тем не менее, по совести я предпочитаю даровать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки придти к тому же»¹¹². Очевидно, что в этих словах приверженность императора Манифесту 17 октября являла себя с полной очевидностью.

С письмом Николая II Д. Ф. Трепову согласуется письмо царя матери от 19 октября 1905 г. Показательно, что невозможность установления диктатуры Николай II мотивировал тем, что это «стоило бы потоков крови и, в конце концов, привело бы неминуемо к теперешнему положению, т. е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы не могли бы осуществляться». Следовательно, Николай II желал осуществления реформ, и именно поэтому отказался от диктатуры. Царь однозначно признавал, что «обязательство проводить всякий законопроект через Государственную думу – это, в сущности, и есть конституция». Помня, что Мария Федоровна, в роли супруги Александра III, была в свое время противницей конституции, Николай II

¹¹⁰ «Вы единственный из моих слуг, на которого я могу совершенно положиться». Из переписки Николая II и Д. Ф. Трепова. 1905–1906 гг. / Публ. И. И. Глебовой // Исторический архив. 2003. № 4. С. 177.

¹¹¹ К истории Манифеста 17 октября 1905 г. Секретная переписка / Публ. П. Е. Щеголева // Былое. 1919. № 14. С. 110–111.

¹¹² «Вы единственный из моих слуг, на которого я могу совершенно положиться». С. 177.

описал, как он пришел к «этому страшному решению», однако, отдав дань былому консерватизму матери, царь, говоря уже от себя, заметил, что принял «страшное решение» «совершенно сознательно»¹¹³, т. е. исходя из собственных убеждений.

О своей приверженности Манифесту 17 октября Николай II неоднократно заявлял и публично, причем свои заявления адресовал консерваторам, тем самым жестко дистанцируясь от них, поскольку разделял консервативно-либеральные взгляды. В декабре 1905 г. император объявил депутации правых организаций, что Манифест «есть полное и убежденное выражение» его «непреклонной и непреложной воли и акт, не подлежащий изменению». В феврале 1906 г. царь говорил черносотенцам, что реформы, возведенные Манифестом, «будут осуществлены неизменно», права же, данные «одинаково всему населению, неотъемлемы»¹¹⁴. Приверженность императора Манифесту 17 октября характерна тем более, что он не питал иллюзий относительно способности законодательной Думы быстро вписаться в политическую систему Российской империи. В декабре 1905 г. Николай II говорил С. Ю. Витте про Думу: «Я отлично понимаю, что создаю не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени»¹¹⁵. Поводы для царского пессимизма давали оппозиционеры и революционеры: они требовали еще более радикальных уступок, прежде всего – всеобщего избирательного права и немедленно-го введения парламентаризма.

Консервативно-либеральные взгляды Николая II проводили твердую грань между ним и левыми. На состоявшемся 7 декабря 1905 г. заседании Особого совещания, обсуждавшего проекты закона о выборах в Думу, Николай II заявил: «Идти слишком большими шагами нельзя. Сегодня – всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики. Это было бы бессмысленно и преступно»¹¹⁶.

¹¹³ Николай II – Марии Федоровне. 19 октября 1905 г. // Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии / Сост. А. Н. Боханов и Д. И. Исмаил-Заде. М., 1992. С. 74, 75.

¹¹⁴ [Николай II] Полное собрание речей. С. 64, 73.

¹¹⁵ Крыжановский С. Е. Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б. г. С. 66.

¹¹⁶ Царскосельские совещания. Протоколы секретного совещания под председательством бывшего императора по вопросу о расширении избирательного права / Под ред. В. В. Водовозова // Былое. № 3 (25). Пг., 1917. С. 258–259. О подготовке нового избирательного закона см.: Ганелин Р. III. От Манифеста 17 октября 1905 г. к Третьеиюньскому перевороту 1907 г. // Власть и реформы. С. 516–519.

Автор одного из проектов Основных государственных законов директор Александровского лицея А. П. Саломон, имея в виду намерения монарха, в декабре 1905 г. отмечал, что вводить парламентскую систему, «очевидно, не предполагается»¹¹⁷. Вместе с тем, Николай II стремился к немедленному созыву народного представительства, несмотря на усиление революционного движения. В начале 1906 г., при приеме представителей Союза 17 октября, С. Ю. Витте заявил: «Клянусь вам, что государь желает возможно скорее созвать Думу и осуществить начала, провозглашенные Манифестом 17 октября»¹¹⁸. Конституционалистские наклонности супруга поддерживала Александра Федоровна, которая в 1906 г., по свидетельству сенатора С. П. Белецкого, стояла «на точке зрения необходимости дарования народу полной конституции»¹¹⁹. Каким же образом, по мнению Николая II, сочетались установленная им конституция и существовавшее уже много веков самодержавие – казалось бы, «две вещи несовместные»?

Имея четкие представления об абсолютизме, парламентаризме и дуализме, царь, отмечал В. Н. Коковцов, «отлично понимал различие его самодержавия до 1905 г. и после этого года»¹²⁰. Уникальную возможность получить адекватную информацию о воззрениях императора на соотношение самодержавия и Думы дает работа А. Г. Елчанинова, написанная, как уже указывалось выше, под диктовку Николая II. «Все законы, принятые Думою, – характеризовал А. Г. Елчанинов суть русской конституции, – поступают в Государственный совет, и наоборот – законы, принятые Советом, должны быть рассмотрены Думою. Без этого условия ни один новый закон не может поступить на утверждение государя. Для того чтобы предлагаемый закон считался отклоненным, достаточно, чтобы одна из палат была с ним не согласна. Но без утверждения государя, хотя бы и принятые Думой и Советом, проекты законов не могут иметь силы». Последнее предложение отличало чисто академическое значение, поскольку подразумевавшимся им правом абсолютного вето за всю историю дореволюционных Дум (1906–1917) монарх воспользовался только два раза, в 1909 и 1912 гг., когда он не утвердил прошедшие через обе палаты законопроекты о штатах

¹¹⁷ Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. / Публ. С. В. Куликова // Русское прошлое. 1998. Кн. 8. С. 114.

¹¹⁸ Журнал соединенного совещания С.-Петербургского и Московского отделений ЦК «Союза 17 октября», происходившего в Москве 8 и 9 января 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК / Публ. Д. Б. Павлова. М., 1996. Т. 1. 1905–1907 гг. С. 46.

¹¹⁹ Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Л., 1925. Т. 4. С. 273.

¹²⁰ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 291.

Морского генерального штаба и о ликвидации правовых ограничений лиц, лишенных церковного сана.

Следовательно, Николай II полностью признавал ограничение своей власти в законодательстве, ее дуалистический характер, полагая, вместе с тем, что это не упразднило самодержавие. «Самодержавие, по словам Манифеста 18 февраля 1905 г., “истинное самодержавие”, какое было в Древней Руси, – подчеркивал А. Г. Елчанинов, – созывом народных представителей не умалялось и не ограничивалось. “Самодержавие мое остается таким, каким оно было встарь”, – сказал 16 февраля 1906 г. государь император. За полгода же перед этим, 21 июня 1905 г., монарх произнес величайшего смысла незабвенные исторические слова: “Только то государство и сильно и крепко, которое свято хранит заветы прошлого. Мы сами против этого погрешили, и Бог за это, может быть, нас и карает”. Действительно, самодержавие Древней Руси было неразрывно связано с “голосом земли” – с народным представительством, в лице земских соборов и веча. Теперь, волею государя, этот “голос земли” принял новый, более современный вид, но духом он остался тем же чисто русским “единением царя с народом”, которое впервые зародилось у нас же на Руси и всегда в ней жило»¹²¹. Таким образом, в сочетании самодержавия и Думы Николай II видел не нечто новое, а лишь модификацию традиции, существовавшей еще в Древней Руси.

Данные А. Г. Елчанинова соотносятся со сведениями другого генерала, Н. А. Епанчина, который писал, что под «самодержавием» Николай II понимал порядок, во главе которого стоит не абсолютный монарх, а монарх, «независимый от какой бы то ни было верховной власти, как этот титул и понимали в Московской Руси»¹²². Впрочем, публично провозглашая преемственность между Московской Русью и думской монархией, царь, на самом деле, считал последнюю фактором вестернизации. На Особом журнале Совета министров и 3 и 17 февраля 1907 г., в котором говорилось, что Манифестом 17 октября Россия направлена «по стезе государственного развития западноевропейских народов», Николай II 12 марта написал: «Согласен»¹²³.

Точка зрения царя полностью совпадала с точкой зрения консервативных либералов – октябристов, трактовавших самодержавие не как абсолютизм государя, но как его суверенитет, и разводивших понятия «самодержавный» и «неограниченный». «Согласно нашему Основному

¹²¹ Елчанинов А. Г. Указ. соч. С. 118–119, 119–120.

¹²² Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 332.

¹²³ Особый журнал Совета министров 3 и 17 февраля 1907 г. «По законопроектам, касающимся осуществления свободы совести» // Особые журналы Совета министров царской России. 1907 г. / Публ. Б. Д. Гальперин и В. В. Шелохаева. М., 1984. Ч. 1. С. 457.

закону, – аргументировал свою позицию Центральный комитет Союза 17 октября в начале 1906 г., подразумевая еще старые Основные государственные законы, – император именуется монархом самодержавным и неограниченным. Помещение этих двух слов рядом свидетельствует, что они по мысли нашего законодательства не синонимы. Первым самодержавным государем был Иоанн III, свергнувший татарское иго. Самодержавным царем именовался Михаил Феодорович, который, однако, был государем с ограниченной в значительной мере властью и управлял страной при участии выборных от народа людей. Титул “самодержавный” является нашим историческим достоянием и в представлении народа связан с понятием о монархе, а не неограниченной власти”¹²⁴. Николай II, по сути, согласился с разведением понятий «самодержавный» и «неограниченный», когда при обсуждении в апреле 1906 г. проекта новых Основных государственных законов устранил из них второе понятие¹²⁵.

Несмотря на все правовые и политические последствия Манифеста 17 октября, его значение в историографии чрезмерно преувеличивается, хотя он являлся всего лишь этапом, пусть и важным, длительного процесса постепенного создания Николаем II народного представительства. Другими этапами этого процесса стали: наблюдавшееся с 1895 г. усиление законодательных полномочий Государственного совета, подготовленный в 1900 г. проект императорского Указа Сенату «о созыве представителей земств, больших городов, Академии наук, университетов и биржевых комитетов», допущение выборных представителей населения, согласно новому Учреждению Государственного совета 1901 г., к участию в его деятельности, проект Государственной думы, обсуждавшийся Николаем II с В. К. Плеве в 1902–1904 гг., Манифест 26 февраля 1903 г., Указ 12 декабря 1904 г., Рескрипт и Манифест 18 февраля 1905 г., высочайше утвержденное Мнение Государственного совета 6 июня 1905 г., Манифест 6 августа 1905 г., а также акты, последовавшие за Манифестом 17 октября – Манифест и Указ 20 февраля 1906 г. «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы»¹²⁶ и Основные государствен-

¹²⁴ Лыщинский Л. В. О значении слова самодержавие (Историческая справка). СПб., 1906. С. 3.

¹²⁵ Царскосельские совещания. Протоколы Секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов / Под ред. Водовозова // Былое. 1917. № 4. С. 245.

¹²⁶ Манифест и Указ 20 февраля 1906 г. «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы» // Савич Г. Г. Указ. соч. С. 66–68. Об их подготовке см.: Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 519–523.

ные законы 23 апреля 1906 г.¹²⁷ Характерно, что сам Николай II первенствующее значение придавал именно Основным законам, которые подытожили не только официальные, но и неофициальные шаги, сделанные императором по пути к народному представительству начиная с 1895 г. Как отмечал А. Г. Елчанинов, «важнейшим памятником нынешнего царствования всегда будет преобразование законодательных учреждений и дарование новых Основных законов 1906 г.». «Великое преобразование, – писал генерал в другом месте, – завершилось изданием 23 апреля 1906 г. новых Основных законов, в которых подробно определялся порядок правления Россией государем императором, самодержцем всероссийским, при участии новых законодательных учреждений и Совета министров»¹²⁸.

Согласно Основным законам, Дума фактически и формально была органом конституционно-дуалистической системы и не являлась парламентом, т. е. ограничивала царя в законодательстве, а не в управлении. Публикуя Основные законы 23 апреля 1906 г., Николай II отметил особо, что Манифестом 17 октября 1905 г. возвестил об осуществлении им законодательной власти «в единении с представителями народа», «установив новые пути, по которым будет проявляться самодержавная власть всероссийских монархов в делах законодательства». Основные законы, по словам императора, были дополнены «положениями, точнее разграничивающими область принадлежащей нам нераздельно власти верховного государственного управления от власти законодательной»¹²⁹. Таким образом, Николай II, открыто декларируя «нераздельность», т. е. неограниченность, своей власти в управлении и ее «раздельность» в законодательстве, признавал, тем самым, и то, что, в отличие от управления, в законодательстве его власть ограничена.

Рассматривая создание дореволюционной Государственной думы не как одномоментный акт, а как длительный процесс, растянувшийся

¹²⁷ О создании новых Основных законов см.: Куликов С. В. 1) Граф С. Ю. Витте и П. А. Харитонов: эпизод из истории создания Основных государственных законов 1906 г. // С. Ю. Витте – выдающийся государственный деятель России. Мат. науч. конф. СПб., 1999; 2) Власть науки и наука власти в России нач. XX в. // Россия XXI. 2001. № 5–6; 3) Основные государственные законы 1906 г.: рецепция западного конституционализма в России нач. XX в. // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве. Мат. всеросс. науч.-методол. сем. СПб., 2004. См. также: Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. / Публ. С. В. Куликова // Русское прошлое. 1998. Кн. 8; Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Непубликованные документы / Публ. С. В. Куликова // Нестор. 2004. № 4. Наука и власть.

¹²⁸ Елчанинов А. Г. Указ. соч. С. 117, 119.

¹²⁹ 1906 г., апреля 23 высочайше утвержденные Основные государственные законы. // Российское законодательство X–XX вв. В 9-ти тт. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Под ред. О. И. Чистякова. М., 1994. С. 44.

с 1895 по 1906 г., можно придти к выводу, что, вопреки историографическому стереотипу, Николай II не являлся противником идеи народного представительства и в полном смысле слова стал его создателем, действуя под влиянием не столько внешних факторов (оппозиционное или революционное движение), сколько своих консервативно-либеральных взглядов. Именно они придали созданию Думы ту, с точки зрения оппозиции – излишнюю, постепенность, которая порождала иллюзию, будто монарх сопротивляется возникновению нового строя, идя на уступки лишь под давлением извне, а не воплощая давно разработанные собственные планы.

Консервативно-либеральные взгляды предопределили и характерное для 1906–1917 гг. отношение Николая II к последующей эволюции народного представительства, трактованной им не как быстрая замена дуализма парламентаризмом, а как плавный и, опять-таки, постепенный переход от одного к другому. Между тем, до сих пор исследователи рассматривают отношения царя и Думы как игру в одни ворота: стремление последней к немедленному введению парламентаризма, т. е. государственному перевороту, считается чем-то нормальным, а полностью соответствовавшее Основным законам 1906 г. противодействие монарха поползновениям оппозиции – как нечто совершенно возмутительное¹³⁰. При этом игнорируется тот факт, что, начав свое царствование с фактического превращения Государственного совета в законодательный орган, император, покидая престол, превратил Думу в полноценный парламент. И если Манифест 2 марта 1917 г. об отречении Николая II от престола оказался началом конца не только монархии, но и Думы, то по воле самой Думы, которая, возглавив Февральскую революцию, совершила над собой акт самоубийства¹³¹. Преподанный последней дореволюционной Думой трагический урок учли уже постсоветские Думы.

¹³⁰ Подробнее об отношении Николая II к I–IV Думам см.: Куликов С. В. 1) Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; 2) Государственная дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1906–1907) // Ораторы России в Государственной думе (1906–1917). В 2-х тт. СПб., 2004. Т. 1. (1906–1907); 3) Государственная дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1907–1917) // Ораторы России в Государственной думе (1906–1917). В 2-х тт. СПб., 2004. Т. 2. (1907–1917); 4) Парламент без парламентаризма. Государственная дума в царской России (1906–1917 гг.). // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4); 5) Думская монархия 1906–1917 гг.: мифы восприятия и реалии истории. // С.-Петербургский международный летний культурно-исторический университет 2006 г. Реформы в России XVI – нач. XX вв. СПб., 2006.

¹³¹ О роли IV Думы в Февральской революции см.: Николаев А. Б. 1) Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; 2) Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля–3 марта 1917 г. СПб., 2005.

**Перводумцы в Таврическом дворце:
«здесь кроме общегосударственного дела
владели умами интересы местные, областные, национальные»**

Изучение проблем думской истории в России и других постсоветских странах имеет своеобразную историографическую традицию, в основе которой находятся как заложенные еще в дореволюционный период политические подходы противоборствующих политических партий к истории Государственной думы, так и преимущественно развивавшиеся в советской историографии односторонние классово-политические оценки самой Думы и ее деятельности, в основе которых лежали марксистско-ленинские характеристики первого в России народного представительства как «бессильного придатка царизма», как политическую «ширму, прикрывающую язвы царизма»¹³². Поэтому Государственную думу 1906–1917 гг. в российской (и особенно, в советской) историографии, как правило, рассматривали лишь как арену противостояния классов и партий, упуская из виду, что она стала первым местом, где встретились и начали совместно работать в качестве законодателей выборные представители практически всех народов и регионов Российской империи. Даже среди наиболее многочисленной – дореволюционной группы работ о I Думе (в основном, публицистических с элементами мемуаристики), национально-региональной проблематике и межнациональному взаимодействию в первом российском парламенте посвящено лишь две статьи депутатов Государственной думы, активно выступавших по национальному вопросу¹³³. Несколько дореволюционных сборников о развитии национальных движений в начале XX века также не давали четкой обобщающей картины постановки и обсуждения этноконфессиональных проблем в Думе¹³⁴.

Поскольку в советском обществоведении думская форма политической жизни расценивалась только как второстепенная арена классовой политической борьбы, то неудивительно, что отодвинутым на периферию исследовательских интересов историков оказался и национальный

¹³² История ВКП(б). Краткий курс. М., 1946. С. 83.

¹³³ Ледницкий А. Национальный вопрос в Государственной думе // Первая Государственная дума. СПб., 1907. Вып. I. С. 154–167; Гредескул Н. Национальный вопрос в первой Думе // К 10-летию Государственной думы. 27 апреля 1906–27 апреля 1916. Сборник статей перводумцев. Пг., 1916. С. 76–88.

¹³⁴ Залевский К. Национальные партии в России // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914. Т. III. Кн. 5. С. 225–344; Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. СПб., 1910.

вопрос в Думе¹³⁵, главными проводниками которого выступали партии, однозначно признанные «национально-буржуазными, контрреволюционными и соглашательскими». С этих позиций советская историография ограничивалась общим привлечением в качестве иллюстрации национальной политики самодержавной власти лишь выборочной части материалов думских дискуссий. С 1960–70-х гг. в Советском Союзе появляются работы, посвященные думской тактике большевиков в некоторых многонациональных регионах. Отдельные думские сюжеты, связанные с национальной проблематикой, в 1970–80-е гг. начинают освещаться и в контексте изучения истории правительственной политики думского периода¹³⁶ и истории общероссийских политических партий¹³⁷.

С середины 1960-х гг. деятельность Думы и отдельных национальных фракций (в основном представляющих народы западной окраины империи) становится предметом интереса зарубежной историографии, особенно, польской¹³⁸.

¹³⁵ Сленков А. Н. Классовые противоречия в I Государственной думе. М.; Пг., 1923; Толсинский С. Г. Борьба классов и партий во второй Государственной думе. М., 1924; Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М.; Л., 1939; Он же. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Павлов М. Б. Думская тактика большевиков в революции 1905–1907 гг. М.; Л., 1947; Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962.

¹³⁶ Аврех А. Я. Столыпин и Государственная дума. М., 1968; Он же. Царизм и IV Дума. 1912–1914. М., 1981; Он же. Распад третьеиюньской системы. М., 1985; Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914–1917. Л., 1967; Он же. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1979; Он же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990; Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, Б. Б. Дубцов и др., Кризис самодержавия в России. Л., 1984; Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991; Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991; и др.

¹³⁷ Спириин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977; Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983; Он же. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987; Колесниченко Д. А. Трудовая группа в период первой российской революции. М., 1985; Зайчиков Г. И. Думская тактика большевиков (1905–1917 гг.). М., 1975; Он же. Борьба рабочих депутатов Государственных дум против царизма в 1907–1914 гг. М., 1981; и др.

¹³⁸ Werzchowski M. Sprawy Polski w III i IV Dumie Panstwowej. Warszawa. 1966; Lukawski Z. Kolo Polskie w Rosyjskiej Dumie Panstwowej w latach 1906–1909. Wroclaw, 1967; Chmielewski E. The Polish Question in the Russian State Duma. Knoxville. 1970; Hosking G. The Russian Constitutional Experiment. Government and Duma. 1907–1917. Cambridge, 1973; Levin A. The Third Duma: Election and Profile. Hamden, 1973; Tokmakoff G. P. A. Stolypin

*Созыв Государственной думы Российской Федерации и становление новейшего российского парламентаризма весьма актуализировали исследование думской тематики*¹³⁹. Со второй половины 1990-х годов проблема «Национальный вопрос и Государственная дума» начинает исследоваться в двух взаимосвязанных ракурсах: в общеимперском – законоотворчество по национальному вопросу в Думе, этноконфессиональный состав Думы и ее фракций, обсуждение комплекса национальных, религиозных и региональных проблем в Думе¹⁴⁰, и в локальном – выборы

and the Third Duma. Washington, 1982; *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge-L., 1983; *Gerus O. W.* The Ukrainian Question in the Russian Dumas, 1906–1917: An Overview // *Studia Ukrainica*. 1984. № 2; *Запрудник Я.* Справа аўтаноміі Беларусі ў Першай Думе і «Наша Ніва» // 3 історыі на «Вы». Артыкулы, успаміны, дакументы. Мінск, 1994. С. 314–332; *Brzoza C., Stepan K.* Posłowie Polscy w Parlamencie Rosyjskim 1906–1917. Słownik biograficzny. Warszawa, 2001; *Jurkowski R.* Koło Polskie i Koło Posłów Polaków z Litwy i Rusi wobec Frakcji Związku Autonomistów w I i II Dumie Państwowej (1906–1907) // *Europa a Rosja. Przeszołość, teraźniejszość, przyszłość*. Elbląg, 2005. S. 301–334; и др.

¹³⁹ *Кириянов И. К., Лукьянов М. Н.* Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты. 1906–1917. Пермь, 1995; *Седунская Н. Б., Бородин Л. И., Григорьева Ю. Г., Петров А. Н.* Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996; *Демин В. А.* Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996; *Козбаненко В. А.* Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906–1907. М., 1996; *Смирнов А. Ф.* Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998; *Медушевский А. Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; *Кошкидько В. Г.* Представительская власть в России: формирование и функционирование (1905–1907). М., 2000; *Малышева О. Г.* Думская монархия: рождение, становление, крах. М., 2001; [Лукьянов И. В.] У истоков российского парламентаризма. СПб., 2001; *Николаев А. Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля–3 марта 1917 года. СПб., 2005; *Кириянов И. К.* Российские парламентарии начала XX века. Пермь, 2006; *Кротов М. И., Дьяченко Л. И., Лукьянов И. В., Воскобойников В. М.* Таврический дворец: люди, события, размышления. СПб., 2006; и др.

¹⁴⁰ *Зорин В. Ю., Кулецов С. В., Аманжолова Д. А.* Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законоотворчества. М., 1999; *Дорская А. А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001; *Кудрина Т. А.* Верноподданные реформы в России в начале XX века. М., 2003; *Аронов Д. В.* Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе. М., 2005; *Вельможко И. Н.* Обсуждение национальных проблем Российской империи в III–IV Государственных думах // Российский парламентаризм: исторический опыт и современные тенденции развития. Сб. докл. и матер. Всеросс. научно-практ. конф. Казань, 2006. С. 93–97; *Витухловская М. А.* «Финляндский» вопрос в Государственной думе: спор о концессиях империи // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Матер. междунар. научн. конф. М., 2007. С. 406–416. См. также: Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. СПб., 1996; Национальная политика России: история и современность, М., 1997; Имперский строй России в региональном из-

в отдельных национальных регионах, деятельность местных депутатов и отдельных этноконфессиональных групп и фракций в Думе¹⁴¹. Внимание исследователей в государствах СНГ и Балтии привлекает проблема думского представительства от национальных регионов¹⁴². В современной России наиболее обстоятельно разрабатываются проблемы истории двух думских фракций: мусульманской¹⁴³ и казачьей¹⁴⁴. Обозначился научный интерес к деятельности думских представителей правомонархических организаций и Всероссийского национально-

мерении (XIX–начало XX века). М., 1997; История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. М., 1997; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998; *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX–начало XX века). СПб., 1998; *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.

¹⁴¹ *Павельева Т. Ю.* Польская фракция в Государственной думе 1906–1914 гг. // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 111–120; *Михутина И. В.* Украинский вопрос в России (конец XIX–начало XX века). М., 2003; Западные окраины Российской империи. М., 2006; *Котюкова Т. В.* О деятельности Туркестанских депутатов во Второй Государственной думе // Общественные науки в Узбекистане. 2001. № 3. С. 44–47 и др.

¹⁴² *Сеид-Заде Д.* Азербайджанские депутаты в Государственной думе. Баку, 1991; *Laukaitytė R.* Lietuvių Valstybės Dūmoje // Ibid. P. 31–44; *Киян М. Ш.* Депутаты от украинских губерний в Государственной думе Российской империи I и II созывов (1906–1907 гг.). Харьков, 1997; *Забайски М. М., Пуцик У. С.* Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906–1917 гг.). Мінск, 1998; *Забайскі М. М.* Расійская Дзяржаўная Дума ў грамадско-палітычным жыцці Беларусі 1906–1917 гг. Мінск, 1999; *Озганбай О.* Государственная дума России и Казахстан (1905–1917). Алма-Аты, 2000; *Gaigalītė A.* Lietuvos Atstovai Pirmojoje Rusijos Valstybės Dūmoje // Istorija. LIX – LX. 2004. P. 44–56; *Малтусынов С. Н.* Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России 1906–1917 гг. (Социокультурный подход). Алматы, 2006; *Гронский А. Д.* Политические позиции белорусских депутатов в Государственной думе императорской России // Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития. Сб. научн. ст. Минск, 2006. Вып. 3. С. 31–44; и др.

¹⁴³ *Циунчук Р. А.* Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной думе России 1906–1917 гг. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX–начало XX века). М., 1997. С. 176–223; Мусульманские депутаты государственной думы России. 1906–1917 гг. Сб. документов и материалов / Сост. Л. А. Ямаева. Уфа, 1998; *Усманова Д. М.* Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005.

¹⁴⁴ *Братолобова М. В.* Казачество и Государственная дума начала XX века // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Матер. междунаrodn. научн. конфер. М., 2007. С. 395–405; *Каранетян Л. А.* Кубанское казачество и Государственная дума четырех созывов начала XX в. // Кубанское казачество: три века исторического пути. Матер. междунаrodn. научно-практич. конфер. Краснодар, 1996; *Сергеев В. Н., Шансугов Д. Ю.* Парламентская деятельность депутатов российского казачества (1906–1917). Ростов-на-Дону, 2003; и др.

го союза ¹⁴⁵. Важным этапом в изучении думской проблематики стало издание энциклопедии «Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.)», где помещены как биографические сведения обо всех депутатах Государственной думы (в том числе, о депутатах от национальных регионов), так и опубликованы первые обобщающие статьи о национальных фракциях ¹⁴⁶. Весьма продуктивным представляется анализ и реконструкция всего комплекса этноконфессиональных и региональных проблем Российской империи через призму Государственной думы – первого представительного законодательного института в истории России ¹⁴⁷.

Имперская власть и формирование асимметричной думской избирательной модели

Спешно созданная властью под угрозой новой революционной волны думская избирательная система должна была обеспечить верноподданническое и послушное депутатское большинство, как с точки зрения классово-политической, так и с национально-вероисповедальной. Поэтому выборы должны были стать невсеобщими, неравными и непрямыми. Еще в октябре 1905 г. в период подготовки правительственных законопроектов о Думе и Госсовете главный их разработчик, ставший вскоре товарищем министра внутренних дел, С. Е. Крыжановский, опасаясь нежелательного весомого инородческого представительства в Думе и писал председателю Особого совещания по выработке законов о Думе графу Д. М. Сольскому: «В России господствующая национальность, на которой стоит государство, составляет всего лишь около 66% общего количества населения, а чуждые народности достигают 34% <...> Интересы величайшей государственной важности настоятельно требуют поэтому, чтобы голос русского народа, на котором одном держатся

¹⁴⁵ Степанов В. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001; Михайлова Е. М. Правые партии в Поволжье: идеологические концепции и организационное устройство (1905–1917). М., 2002; Дорошенко А. А. Правые в Государственной думе. Самара, 2004; Иванов А. А. Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914–февр. 1917). СПб., 2006; и др.

¹⁴⁶ Государственная дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.). М., 2006.

¹⁴⁷ Циунчук Р. А. Государственная дума имперской России: проявление этноконфессиональных интересов и формирование новых национальных политических элит // Исторические записки. 4 (122). М., 2001; Он же. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004.

и сила государственной власти и самый престол Российских государей, безусловно, господствовал в законосовещательных учреждениях <...> В Думе может слагаться по вопросам, касающимся инородческих интересов сильное и неудобное для правительства большинство»¹⁴⁸. Особым совещанием решено было устранить от участия в выборах так называемые «кочевых инородцев», а в члены Думы могли избирать только лиц, знающих русский язык¹⁴⁹.

Ключевым вопросом политической географии выборов стал вопрос об избирательных округах, их территории и плотности заселения, этноконфессиональном и социальном составе населения. Право представительства получили избиратели практически всех регионов империи, но избирательная система начала выстраиваться по «двойному стандарту» – нормативному для 51 губернии и области Европейской России и усеченному – для окраин. В окраинных национальных регионах создавались особые избирательные округа: территориально-этнические (для «инородцев» Казахстана, Средней Азии, Астраханской и Ставропольской губерний и Забайкалья), территориально-конфессиональные (для православных в Люблинской и Седлецкой губерниях Царства Польского) и территориально-сословные (для казаков).

На запаздывание власти в конструировании избирательной системы и на её стремление манипулировать с представительством окраин указывает и хронология принятия «вдогонку» в течение девяти месяцев 1905–1906 гг. 9 специальных региональных Правил о выборах в Польше, в Сибири и на Дальнем Востоке, на Кавказе, в Степном крае и в Туркестане, последние из которых были обнародованы 22 апреля 1906 г. – за пять дней до открытия I Думы. Для этих регионов решили принять ограниченные нормы представительства: 350 тыс. человек на одного депутата, при намечаемой норме представительства от центральных губерний в 250 тысяч на одного депутата. Реальные цифры отличались более чем в 6 раз (Олонецкая губерния – 121,3 тыс. человек на одного депутата, а Ферганская область – 786,1 тыс. чел. на одного депутата). Этнорегиональная асимметрия избирательной системы была еще более заметна по городским округам. Первоначально право выборов депутатов получили 19 городов империи с числом населения более 100 тысяч (1 депутат на 100 тысяч населения), однако, среди них, как минимум 13 (Варшава, Одесса, Лодзь, Рига, Киев, Харьков, Тифлис, Ташкент, Вильно, Казань, Екатеринослав, Баку, Кишинев) отличались многонациональным составом населения. Тогда решили увеличить этот

¹⁴⁸ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 76.

¹⁴⁹ Законодательные акты переходного времени (1904–1907 гг.). Изд. 2-е, СПб., 1907. С. 140, 153.

список до 26 городов, чтобы включить в него «некоторые чисто русские города, близко подходящие по численности к помещенным в этом списке»¹⁵⁰. Впрочем, выбор этих городов был весьма произвольным. Так из числа городов, чья численность была выше, чем в получившем отдельное представительство Орле (69,7 тыс.), не получили права избрать депутата многонациональные Минск, Николаев, Коканд, Оренбург, Ковно. Самая высокая в империи норма представительства оказалась у Иркутска (51 тыс.), а самая низкая у Одессы (403,8 тыс. жителя на 1 депутата) – разница в 8 раз. Заниженную почти в 2 раза норму представительства (более 200 тыс. чел. на 1 депутата) получили Рига, Киев, а также столичные Москва и Петербург, в 3 раза – Варшава и Лодзь. На Кавказе власть делила губернские избирательные собрания по этноконфессиональному принципу (христианские и мусульманские собрания) и создавала укрупненные округа.

Открытие Государственной думы: новые лица в Тронном зале

Первая Государственная дума (27 апреля–8 июля 1906 г.) стала тем местом встречи и презентации национально-региональных интересов народов империи, которое уже нельзя было отменить. Созданная бюрократией система социальной и этнополитической фильтрации выборщиков и кандидатов в депутаты оказалась недостаточно эффективной. «Результаты выборов в первую Государственную думу были почти для всех полною неожиданностью»¹⁵¹, – отмечал видный идеолог социал-демократии Ф. Дан. В I Государственную думу Российской империи были избраны представители 24 народов, нерусские депутаты составили около 200 человек (более 40%). Половина этих депутатов были крестьянами из национальных регионов, почти все нерусские депутаты были настроены оппозиционно к власти и политически располагались левее центра. Такой состав I Думы неизбежно должен был обратиться к поиску путей решения одной из самых острых проблем российской действительности начала XX века – *переустройству национальной жизни*.

Символично, что появление в имперской структуре нового общеимперского органа потребовало также нового церемониального оформления. Император и его окружение считали важным спроектировать такой самобытный торжественный обряд открытия Думы, который подчеркнул бы несхожесть российского выборного представительства с зарубежными конституционными парламентами и сохранение, даже после

¹⁵⁰ Материалы по учреждению Государственной думы. [СПб.], 1905. С. 30.

¹⁵¹ Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб., 1911. Кн. 7. Т. IV. Ч. 2. С. 1.

создания Думы и переустройства Госсовета, традиционного самодержавного образа правления. Тем более, что даже термин самодержавная власть был сохранен и в новой редакции Основных законов Российской империи 23 апреля 1906 года.

Великий князь Константин Константинович после завтрака с императрицей Александрой Федоровной 17 апреля 1906 г. записал в дневнике: «Узнал от нее, что она вместе с церемониймейстером бароном Павл. Павл. Корфом сочиняет церемониал открытия Государственной думы, которому будет придана возможная пышность, дамы в русских платьях, Государь взойдет по ступеням на трон в Георгиевском зале Зимнего дворца, императрицы займут особо приготовленные для них места. Государь прочтет тронную речь. Аликс говорила, что в составлении церемониала старается не подражать западным образцам, а согласовать его с русскими обычаями. Но я смею сомневаться, чтобы эти обычаи были ей слишком хорошо известны, да и как связать их с парламентом?» Императрица, сочиняя церемониал, планировала прибытие царя с семьей из Петергофа на яхте прямо к Зимнему дворцу, но это было отвергнуто из опасений дурной погоды, особо затруднившей бы «дам в русских платьях».

День открытия Думы великий князь Константин Константинович описал весьма подробно: «Громадный съезд у дворца, вся набережная запружена экипажами... Государь был в преображенском мундире, имп. Мария Федоровна в белом атласном, опушенном соболем русском платье, имп. Александра Федоровна в белом с золотом, с диадемой из огромных жемчужин Екатерины II. Шествие направилось в Георгиевский зал из концертного, откуда во главе его несли императорские регалии – печать, меч, знамя, державу, скипетр и корону... Когда их величества приложились к кресту, митрополит Антоний начал молебен... Налево стояли члены Госуд. совета, направо члены Думы...

Когда все заняли свои места, государь медленно и величественно направился к трону, взойшел по красным его ступеням и сел на престоле. Через спинку трона была наброшена императорская порфира. По знаку государя, министр двора взойшел по ступеням и с низким поклоном подал бумагу; государь взял ее, отдав Фредериксу свою шапку, а потом встал, сделал шага два-три вперед и громко, внятно, медленно стал читать свою речь. Чем дальше он читал, тем сильнее овладевало мною волнение... закончил царь свою речь словами: “Бог в помощь мне и вам”»¹⁵².

Неизменность монархического строя должны были подчеркнуть внешние атрибуты и регалии императорской власти – трон, герб, печать, меч, знамена, державу, скипетр, корона. Однако уже сама процедура офи-

¹⁵² Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1931. Т. 2 (45). С. 116–119.

циального открытия Думы и тронного выступления императора 27 апреля 1906 г. перед депутатами в Зимнем дворце символизировала вторжение новых действующих лиц (представляющих новые политические слои и национальные группы) в отлаженную веками и десятилетиями традиционную придворную церемонию. Царь не пожелал приезжать в Думу, а соблаговолил принять их в Тронном зале своего дворца. Кстати, в этом он последовал примеру германского императора, который встречался с новоизбранными депутатами рейхстага в своем дворце в окружении символов имперской власти¹⁵³. Центральной действующей фигурой церемониала, безусловно, являлся император, главные действующие роли, по традиции, сыграли высшие представители церкви (митрополит Антоний) и двора (барон Фредерикс). Основную часть участников торжественной процедуры составили представители традиционной имперской элиты. Однако самыми заметными участниками церемонии оказались пришедшие во власть новые люди – депутаты, избранные практически из всех регионов многонациональной империи, олицетворявшие новые для имперской элиты образы и стили поведения. Присутствовавший в зале барон Н. Врангель так описывал депутатов: «Какая смесь одежды и лиц. Поляки в кунтушах, восточные халаты и чалмы, священники, каких в городах не увидеть, дерзкие развязные волостные писари из разночинцев, сельские учителя, самоуверенные интеллигенты; крестьяне, удивленные сами видеть себя в роли законодателей. Знакомые всему Петербургу общественные деятели, краснобаи, многие депутаты явились демонстративно одетые в затрапезные платья»¹⁵⁴. Костромской депутат адвокат Н. А. Огородников дал характеристики некоторых знакомых ему членов Думы: «В блестящем гвардейском полковнике с особо молодецкой выправкой и на редкость могучей фигурой я с удовольствием узнал симпатичного черниговского депутата А. А. Свечина... Красивым национальным мазурским костюмом и своей сильной фигурой обращает на себя общее внимание молодой люблинский депутат И. Наконечный. Значительное количество крестьянских депутатов в малорусских свитках и в русском национальном платье... Останавливает на себе внимание интересная, безукоризненно изящная фигура петербургского депутата В. Д. Набокова, европейца-парламентария до кончиков ногтей... Небольшие группы православного духовенства с производящим впечатление силы и мужественности молодым депутатом от Донской области о. Клавдием Афанасьевым впереди и католического духовенства во

¹⁵³ *Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 2000. Vol. 2. P. 402.*

¹⁵⁴ Цит. по кн.: *Смирнов А. Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 207.*

главе с виленским депутатом епископом бар. Роппом, в живописной малиновой сутане, с его тонким умным лицом аскета и всегда как бы прищуренными проницательными глазами...»¹⁵⁵.

Министра В. Н. Коковцова поразил человек «высокого роста в рабочей блузе, в высоких смазанных сапогах с насмешливым и наглым видом рассматривавший трон и всех, кто окружал его», который слушал царскую речь с «презрением и злобой». Им оказался волостной писарь из Ставропольской губернии Ф. М. Оникко. П. А. Столыпин, тоже обративший особое внимание на Оникко, заметил В. Н. Коковцову: «Нет ли у этого человека бомбы и не произойдет ли тут несчастья»¹⁵⁶. Кстати, трудовик Ф. М. Оникко летом 1906 г. стал одним из организаторов Кронштадтского восстания, а в 1917 г. предлагал эсерам взять в заложники и убить вождей большевиков. Внешность и поведение «новых людей», пришедших во власть, были восприняты при дворе как вызов. По словам барона Н. Врангеля, императрица, «потрясенная подобными выходками, не сдержала слез, а Николай II, не сдержав гнева, заявил: “Я им этого никогда не забуду!”»¹⁵⁷.

Выступление Николая II было довольно кратким. По свидетельству П. А. Столыпина, император сам подготовил эту речь¹⁵⁸. Назвав выборных «лучшими людьми» от «возлюбленных подданных», он заявил, что «Всевышним Промыслом врученное Мне попечение о благе отечества побудило Меня призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа» и указал, что «для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода, — необходим порядок на основе права»¹⁵⁹. Более конкретные программные направления и задачи законодательной деятельности будущей Думы в тронной речи Николая II не прозвучали (а возможно не могли или не должны были прозвучать). Национальные, религиозные и региональные проблемы императором также не упоминались. Стиль выступления был близок императорским манифестам, по поводу которых Ф. И. Родичев как-то критически высказался: «Нельзя объясняться в любви по церковно-славянски, точно так же нельзя развивать прогрессивные идеи на архаическом языке императорских манифестов»¹⁶⁰.

¹⁵⁵ Огородников Н. Первый день // К 10-летию 1-й Государственной думы. 27 апреля 1906–27 апреля 1916. Сб. ст. переводумцев. Пг., 1916. С. 53.

¹⁵⁶ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг.: В 2-х кн. М., 1992. Кн. I. С. 156.

¹⁵⁷ Цит. по кн.: Смирнов А. Ф. Указ. соч. С. 207.

¹⁵⁸ Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 492–493.

¹⁵⁹ Варшавский С. Жизнь и труды первой Государственной думы. М., 1907. С. 8.

¹⁶⁰ Леонтович В. В. Указ. соч. С. 493–494.

Как уже отмечалось, одежда, лица, манеры поведения депутатов Думы вызывали у столичной дворцовой элиты возмущение, но ясным для всех стало то, что эти впервые избранные народные представители пришли в Таврический дворец не для того, чтобы своим присутствием разнообразить вид элитарной придворной публики, а с намерениями переустроить страну, изменить существующие порядки, реализовать свои предвыборные программы и обещания. Другой участник церемонии в Зимнем дворце, министр иностранных дел А. П. Извольский, отметил: «Россия вчерашнего дня лицом к лицу стояла с грядущей Россией. Какой результат последует от этой встречи?»¹⁶¹. Точный ответ еще не был известен.

Представители многонациональной России в Таврическом дворце: I Дума – «Дума народного гнева»

Этноконфессиональные и региональные проблемы, которые были сформулированы в предвыборных платформах победивших партий, были затронуты уже в первые дни работы Государственной думы, а затем заняли существенное место в думских дискуссиях. 27 апреля 1906 г. в пять часов пополудни депутаты собрались в Таврическом дворце. Как известно, незадолго до открытия Думы сенатор А. Ф. Трепов был отправлен по европейским столицам «с целью изучения порядка различных парламентских заседаний». Внутреннее устройство зала «было скопировано с французской палаты депутатов, приподнятая трибуна председателя возвышалась над местом оратора», министерские кресла располагались не в первом ряду, как во Франции, а «направо от председательской трибуны, лицом к депутатам». Поэтому думские ораторы должны были выступать не как в земских собраниях спиной к гласным и лицом к президиуму, а лицом к залу, и взоры депутатов были обращены на оратора и присутствующих представителей власти, что часто усиливало конфронтационный настрой дискуссий. По справедливому замечанию А. П. Извольского нерасположение власти к земским собраниям, «которые они рассматривали как рассадник революции, побуждало их пренебречь этим порядком», а в итоге и «в этом деле, как – увы – во многих других, русская бюрократия проявила отсутствие понимания не только логики представительных собраний вообще, но даже духа своего собственного народа»¹⁶². Таврический дворец также приобрел символы имперской монархической власти: «На самом видном месте залы укреплен портрет Государя, работы художника Репина; прямо

¹⁶¹ Извольский А. П. Воспоминания. М., 1989. С. 60.

¹⁶² Там же. С. 62–63.

под портретом расположена кафедра председателя Думы, по бокам два места для товарищей председателя и несколько ниже места для секретаря и его товарища. Между последними и помещается ораторская трибуна. Дубовая кафедра с дубовым барельефом русского государственного герба... Места для депутатов расположены амфитеатром.... Всех мест для членов Думы – 524. В аванзале устроено баллотировочное помещение...»¹⁶³.

На первых выборах в Думу прошло около 200 представителей нерусских народов. Среди них было 62 украинца, 51 поляк, 13 евреев, 12 белорусов, 10 литовцев, по 7 татар и грузин и т. д. Калужский депутат, известный публицист В. П. Обнинский, обратил внимание на тот исключительно важный факт, что «местные, областные, национальные» интересы, проявившиеся уже во время первого заседания, предопределили характерную этнорегиональную картину первого общеимперского представительства. В. П. Обнинский писал: «Съехавшись, в числе пятисот почти человек, в Петербург, разместившись на скамьях Таврического дворца, по инстинктивному побуждению, группами, сообразно сродству языка, племени или веры, депутаты должны были в первый же день заметить, что вот там сидит “польское коло”, рядом с ним – литовские депутаты, украинцы теснятся к южанам, тубетейки татар виднеются рядом с характерными профилями представителей восточной окраины, чернокудрые кавказцы плотно засели на крайней левой, и, наконец, обширный центр России, с ее двумя столицами, занял и здесь всю середину залы. Настоящая этнографическая карта России!.. Потом, когда разместились по партиям, эта группировка совершенно нарушилась, но первое впечатление не могло изгладиться. Это был вид имперского парламента автономно-конституционного государства; здесь, кроме общегосударственного дела и даже доминируя над ним, хотя пока и в скрытой форме, владели умами интересы местные, областные, национальные»¹⁶⁴. Для общества стали наглядно ясными масштабность, многообразие и острота национального вопроса в империи.

Получилось так, что первая презентация позиций власти и общества по проблемам национальных, религиозных и региональных отношений в империи произошла уже в первый день работы Думы. Впоследствии эти проблемы стали поводом острого политического противоборства и фактором идеологического и партийно-политического размежевания в Думе. Открывая по заданию императора первое заседание парламента,

¹⁶³ Памятная книжка Первой Государственной думы. СПб., 1906. Вып. I. С. 2.

¹⁶⁴ Шаховской Д. Виктор Петрович Обнинский // К 10-летию I Государственной думы. 27 апреля 1906–27 апреля 1916. Сб. ст. переводимцев. Пг., 1916. С. 212–213; Обнинский В. Первые шаги русского автономизма // Украинская жизнь. 1913. № 4. С. 14–22.

статс-секретарь Э. В. Фриш «небольшого роста, седой как лунь, старик, в блеске своих лент и орденов»¹⁶⁵ заявил: «Да воодушевит вас Господь истинною любовью к Русскому народу, дабы сердцами вашими познать все многообразные нужды обширной нашей родины»¹⁶⁶. Так в Думе были продекларированы фундаментальные составляющие государственной идеологической конструкции – Государь, Бог, Родина, Отечество, Русский народ.

Такая концептуальная формулировка была близка официальной терминологии конца XIX века и даже осторожно не упоминала отчасти признанных императорским Указом 12 декабря 1904 года проблем и новых терминов: терпимость в делах веры и устранение стеснения в религиозном быте, отмена ограничений прав «инородцев» и уроженцев отдельных местностей империи¹⁶⁷. Выступление Э. В. Фриша стало первой, прозвучавшей в стенах Думы, правительственной декларацией, обозначившей желательную для власти модель рассматривания этнических, конфессиональных и региональных вопросов в Думе: избегать их отдельного политического формулирования и констатации в виде первоочередных проблем, требующих законодательного рассмотрения. Бюрократам казалось, что для сохранения прочности империи желательно было лишний раз не упоминать эти острые вопросы, возможно и подразумевая их, но только в контексте упомянутых традиционных формулировок – «русский народ» (единая «большая русская нация» в составе великороссов, малороссов и белорусов) и «обширная родина» (общее имперское пространство), имеющая некие (может быть региональные) «многообразные нужды».

Депутаты подписали торжественное обещание: «Мы... обещаем перед Всемогущим Богом, исполнять возложенные на нас обязанности членов Государственной думы по крайнему нашему разумению и силам, храня верность Его Императорскому Величеству Государю императору и Самодержцу Всероссийскому и памятуя лишь о благе и пользе России...»¹⁶⁸. В комиссию для выборов председателя Думы были избраны известные представители общественного движения разных регионов: князь Д. И. Шаховской (Ярославская губ.), В. Д. Набоков (Петербург), князь И. Друцкий-Любецкий (Минская губ.), В. Д. Кузьмин-Караваев (Тверская губ.), епископ барон Э. фон-дер Ропп (Виленская губ.) и

¹⁶⁵ *Варшавский С.* Указ. соч. С. 10.

¹⁶⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. С. 1.

¹⁶⁷ Законодательные акты переходного времени. С. 7.

¹⁶⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Т. I. С. 2.

граф П. А. Гейден (Псковская губ.). 426 голосами из 436 председателем первой Думы был избран представитель кадетской партии профессор права Московского университета Сергей Андреевич Муромцев. Современники отмечали, что «едва ли можно было найти более подходящего человека для этой роли»¹⁶⁹. Товарищем секретаря Думы был избран известный правовед профессор Казанского университета поляк Габриэль Феликсович Шершеневич.

Следующее заседание 29 апреля 1906 г. Дума начала с чтения поздравительных телеграмм, в которых ярко отразились национальные, конфессиональные и региональные явления, процессы и проблемы, как внутригосударственные – российские, так и внешние – международные. Первым было озвучено переведенное на русский язык приветствие Финляндского сейма (оригинал на финском и шведском языках): «За многовековую жизнь, исполненную превратностей судеб, финский народ научился понимать значение права через своих представителей участвовать в законодательстве... Светлое будущее, открывающееся для великой русской земли, вызывает в нашем народе чувство искренней радости; вместе с тем, финский народ видит в этом будущем, при возрастающих взаимнодобрых отношениях с Русским народом, верный залог успеха и в собственных трудах, направленных на пользу его дорогого отечества, соединенного с Россией под одним скипетром»¹⁷⁰. В документе подчеркивались особый статус Финляндии и законодательный политический опыт финского народа. Авторы подразумевали, что финны не входят в состав русского народа. Становилось очевидным, что Финляндский сейм не воспользуется возможностью для представительства Финляндии в общеимперском парламенте. Фактически финляндское приветствие прозвучало как иностранное и открыло чтение полученных из-за границы телеграмм. Любопытным признанием парламентского опыта Финляндского сейма стало командирование в Гельсингфорс группы стенографистов, которые после обучения составили основу «Стенографической и переписочной части Государственной думы»¹⁷¹.

В нескольких зарубежных приветствиях Думе акцентировалась довольно популярная в ряде стран Восточной и Юго-Восточной Европы панславянская идея, звучали термины славянство, славянский мир, великая славянская семья, покровительница славянства, Святая Русь и т. д. С началом политической модернизации в Российской империи,

¹⁶⁹ Первая Государственная дума. Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной думы. М., 1906. С. 7.

¹⁷⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Т. I. С. 5.

¹⁷¹ Селунская Н. Б., Бородин Л. И., Григорьева Ю. Г., Петров А. Н. Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996. С. 145.

крупнейшей по численности славян, – славянские народы, входившие в состав Германской и особенно Австро-Венгерской империй, надеялись видеть в обновленной России мощный фактор славянского возрождения и противовес пангерманской опасности. Теперь для славян Европы славянская идея могла наполняться новым политическим содержанием. Пражский городской голова телеграфировал: «Председатель Городской Думы Королевского Главного Города Праги приветствует депутатов впервые собранного на Святой Руси законодательного собрания и от имени столицы Королевства Чешского желает работам Думы самого лучшего успеха для блага, славы и радости всего славянского мира». «Славянская Русь торжествует сегодня открытие первого народного представительства.., – писал Чешский народный Совет в Праге, обращаясь к Думе, – чтобы единодушной, мудрой и просвещенной работой построен был фундамент нового возрождения и расцвета всего народа русского к дальнейшей чести и славе Руси и Славянства и на страх всем врагам»¹⁷². Общество сербских журналистов направило «первому Русскому Парламенту... пожелания самого лучшего и скорейшего на славу всего славянства и радость Сербского народа развитие правовой гражданственности»¹⁷³. Черногорский князь Николай, который в конце 1905 г. впервые созвал выборную Народную скупщину, указывал: «Просвещенный патриотизм великого народа призван сегодня впервые способствовать деятельности учреждений, охраняемых отеческою самодержавной Властью его милостивых и чтимых монархов. В этот торжественный для Святой Руси день мое сердце, как и каждого черногорца, преисполнено братскими чувствами к нашей великой славянской семье». Связанный династическими узами с царским домом, князь Николай отдельно обращался к императору, воспринимая имперскую Россию как ведущую силу православно-славянского мира: «Да здравствует император Николай Второй, великодушно даровавший новый порядок. Да здравствует Россия, исконная покровительница славянства и православия»¹⁷⁴. Религиозная и политическая идея православной общности звучала в приветствии армянского Католикоса, который «в высокий знаменательный день вступления великой России в семью конституционных государств молитвенно приветствовал Государственную думу от имени своего и Церкви и всего народа Армянского, неразрывными узами связавших свою судьбу с великим Русским народом»¹⁷⁵.

¹⁷² Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Т. I. С. 6.

¹⁷³ Там же. С. 33.

¹⁷⁴ Там же. С. 5–6.

¹⁷⁵ Там же. С. 6.

В международном сообществе готовы были рассматривать Государственную думу как парламент, который может полноправно включиться не только в российский политический процесс, но и в международную жизнь, в межпарламентское сотрудничество. «326 членов старейшего парламента в свете приветствуют членов самого юного русского парламента и надеются встретиться с его представителями в имеющей состояться Междупарламентской конференции в Вестминстерском дворце»¹⁷⁶, – телеграфировали из Лондона.

Саратовский депутат-трудовик И. В. Жилкин полагал, что эта конференция «только первый маленький шаг новой грандиозной системы, которая обещает полное мирное переустройство всех государств... ослабление различных поводов ненависти одного народа к другому..., когда представители всех национальностей подадут друг другу руки..., когда будут придавать значение, как в настоящем случае, дружескому союзу народных представителей; когда представители эксплуатируемых народных масс будут все больше и больше овладевать властью и все больше и больше будет укрепляться объединение...». Профессор Казанского университета кадет А. В. Васильев пояснял, что в программе конференции стоят вопросы военные и дипломатические, «но приближается время, когда эта международная конференция самой крупной целью должна поставить не только достижение мирных отношений между отдельными государствами, но и водворение общечеловеческой солидарности»¹⁷⁷. Для участия в Межпарламентской конференции избрали шестерых депутатов от разных регионов: лидера партии демократических реформ профессора М. М. Ковалевского (Харьковская губ.), кадетов – профессора А. В. Васильева (Казанская губ.), адвоката Ф. И. Родичева (Тверская губ.), полковника в отставке А. А. Свечина (Черниговская губ.), беспартийного, юриста М. Я. Острогорского (Гродненская губ.), трудовика А. Ф. Аладына (Симбирская губ.)¹⁷⁸.

Огромное количество приветствий Думе и ее депутатам пришло со всех концов Российской империи, что являлось одновременно и свидетельством политической поддержки и знаком больших ожиданий общества. Председатель Думы С. А. Муромцев зачитал приветствия «от трех главных городов России», которыми оказались обращения из Москвы, Киева и Одессы (но в начале XX века, обыкновенно, под тремя главными городами России подразумевались три столицы – исторические Киев и Москва и официальная – Петербург). В телеграмме Московской городской думы говорилось, что «древняя Москва приветствует

¹⁷⁶ Там же. С. 1853.

¹⁷⁷ Там же. С. 1855, 1857.

¹⁷⁸ Там же. С. 1907–1908, 1941.

избранников народа... Москва полна веры, что великий подвиг, принятый на себя представителями народа, одухотворенный горячей любовью к России, внесет в страну мир и будет оплотом торжества законности и свободной гражданственности». Требования «правильного народного представительства, истинного правосудия и свободной гражданственности» содержала также приветственная телеграмма от группы Московских гласных, которые, таким образом акцентировали необходимость для страны более глубоких политических преобразований в духе соблюдения принципов и норм демократии. Более традиционалистски и помпезно звучало приветствие из Киева: «Граждане Древней Столицы Русской земли, молитвенно призвав Божие благословение, приветствуют Государственную думу с началом ее деятельности и шлют горячие пожелания плодотворной работы в выполнении великих задач, на нее возложенных, на благо и процветание Русского Государства»¹⁷⁹. В то время, когда Москва и особенно Киев подчеркивали свою древность, причем киевляне выделяли как главные задачи благо и процветание государства, Одесская городская дума фактически солидаризировалась с оппозиционными депутатами, желала народным избранникам «сил крепости для осуществления заветных стремлений народа», надеялась, что «семена, брошенные на ниву освобождения страдальцами и мучениками за благо народа, будут взлелеяны и с непоколебимой твердостью возвращены на счастье и процветание родины». Здесь очевидно обращение к истории освободительного движения в России, высокая оценка самоотверженной деятельности участников этого движения, подвергнутых властью репрессиям, возможно, намек на необходимость амнистии. Чтением поздравлений открывались еще несколько заседаний Думы, что придавало им не только торжественность, но и способствовало политической самоидентификации депутатов, их консолидации вокруг сформулированного комплекса требований.

Сообщения о торжественном оглашении в Думе приветствий с мест, в свою очередь, быстро доходили до губерний, городов и сел и способствовали как распространению политических идей, так и развитию местной политической жизни, налаживанию политических контактов с Думой и с общественностью других регионов страны. Так, уже с первых дней своего функционирования Дума способствовала складыванию нового общеимперского политического пространства.

В Думе были зачитаны приветствия (некоторые из пришедших позднее – только упомянуты) от высших учебных заведений: Московского, Казанского, Новороссийского, Санкт-Петербургского, Харьковского и Киевского университетов, Лазаревского института восточных язы-

¹⁷⁹ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Т. I. С. 6.

ков, Московского технического училища, Московских высших женских курсов, Киевского политехнического института, Военно-медицинской академии, Томского технологического института. Следует заметить, что одной из самых заметных и политически активных групп депутатов, много сделавших для распространения идей конституционализма и парламентаризма, оказались профессора А. С. Муромцев, М. Я. Герценштейн – из Московского университета, Н. И. Кареев, Л. И. Петражицкий – из Петербургского, Н. А. Гредескул, М. М. Ковалевский – из Харьковского, А. В. Васильев, Г. Ф. Шершеневич – из Казанского, Е. Н. Щепкин – из Новороссийского университета и др. Немалая часть депутатов оканчивала эти высшие учебные заведения, поэтому их приветствия встречались с особым удовлетворением.

В общем списке приветствий Думе были перечислены более шести с половиной сотен посланий, среди которых было много телеграмм и писем от городских дум и городских правлений, от губернских и уездных земств, а также от биржевых обществ и комитетов, от высших и средних учебных заведений, от редакций газет и журналов, от местных комитетов политических партий, от общественных и профессиональных организаций и союзов, от групп граждан, от национальных и религиозных объединений.

Много поздравлений первому народному представительству пришло из центральных русских губерний, с Украины, из Белоруссии, из Поволжья, с Северного Кавказа, заметно меньше обращений из Прибалтики, и лишь единичные – с Кавказа, из Средней Азии и из Польши. Подавляющая часть приветствий презентовала общеполитические и социальные проблемы России. Среди телеграмм национальных политических объединений упоминались обращения от немецкой Прибалтийской конституционной партии, от Конституционно-демократической партии грузинских автономистов, Польского прогрессивно-демократического союза и от нескольких местных отделов Союза достижения полноправия евреев. Среди более чем сорока поздравительных обращений от национальных и религиозных групп по случаю созыва Государственной думы были приветствия от польской колонии Владивостока, сибиряков – народных учителей из Култуня, хоругвеносцев Астраханского Успенского собора, съезда духовенства Ставропольской епархии, духовенства 3 округа Сызранского уезда Симбирской епархии, молокан из Рассказова, Саратовского Митрофановского прихода, прихода села Мармыжей, духовенства Астрахани, духовенства Семипалатинска, от столичных псаломщиков, группы московских псаломщиков, Романовского церковно-приходского общества, Егорьевского старообрядческого братства, от студентов Киевской духовной академии, от Всероссийского съезда представителей старообрядческих обществ, молоканского

общества Владикавказа, Екатеринбургского старообрядческого общества, русских людей города Холм Люблинской губернии, Харьковской армянской колонии, буддистов Забайкальской области, мусульман Баку, магометанского населения Акташевской, Шарыповской, Семиостровской волостей Мензелинского уезда Уфимской губернии, соединенного схода мусульман Асяновской и Ельдякской волостей Казанской губернии, группы мусульман из Челнов, собрания Астраханских мусульман, мусульманского населения и духовенства шестой соборной мечети деревни Бурасвой Бирского уезда Уфимской губернии, мусульман Семипалатинска, частного собрания избирателей Асхабада, граждан Семипалатинска, граждан Белебея и др.¹⁸⁰. Наряду с обращениями мусульман, заметное число приветствий составили телеграммы и обращения от еврейских общин и обществ украинских и белорусских губерний, а также Бессарабии (городов Бендеры, Херсона, Оргеева, Брест-Литовска, Пружан, Екатеринослава, Бобруйска, Киева, Гомеля, Несвижа и др.), а также Петербургского отделения Союза для достижения равноправия евреев, Владимирской городской еврейской общины, Сибирского и Новгородского еврейских обществ¹⁸¹.

Обращения представителей инославных и иноверных конфессий концентрировали внимание депутатов на остроте проблем национально-религиозного неравенства и свидетельствовали о надеждах части национальной общественности на парламентский путь разрешения этих вопросов.

Отдельно, по просьбам депутатов Думы, были зачитаны под аплодисменты телеграммы от политических арестованных, заключенных и ссыльных. Проблема политических репрессий была близка представителям практически всех регионов империи, к апрелю 1906 года в тюрьмах находилось около 75 тысяч политических заключенных. О политических репрессиях, тюрьме и ссылке не понаслышке знали многие десятки членов I Думы. Например, харьковский профессор Н. А. Гредескул, саратовский учитель Г. К. Ульянов, симбирский крестьянин А. П. Андреев, кутаисский учитель И. И. Рамишвили и семипалатинский агроном А. Н. Букейханов были освобождены лишь благодаря их избранию в Думу¹⁸². Вопрос об амнистии поставил еще при открытии Думы 27 апреля 1906 г. один из лидеров кадетов И. И. Пеструнkevич.

¹⁸⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Т. I. С. 3, 9, 251–252, 587–588.

¹⁸¹ Там же. С. 9, 10, 33, 251–252.

¹⁸² Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Т. I. С. 37; ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 194; РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. 1906. Д. 9а. Л. 31; *Рамишвили И. И.* Из тюрьмы в Государственную думу // К 10-летию I-й Государственной думы. 27 апреля 1906–27 апреля 1916. Сб. ст. переводимцев. Пг., 1916. С. 174–175; *Букейханов А. И.* Выборы в Степном крас // Там же. С. 48.

Уже в первые дни работы Думы при обсуждении содержания думского ответного адреса на царскую тронную речь проявилась острота национальных проблем. Ответный адрес должен был представлять «заявление о политических намерениях» большинства новоизбранной Думы. 30 апреля 1906 г. депутат от Ломжинской губернии Я. Гарусевич представил заявление 27 польских депутатов с обращением к Думе совместно «бороться за наши права и за общую свободу»¹⁸³. Польские депутаты протестовали против проводившейся в течение целого века целенаправленной политики упразднения польской автономии, проявившейся не только в отмене польской конституции и самоуправления, но и в устранении из новой редакции Основных законов 23 апреля 1906 г. даже самого названия «Царство Польское». Это заявление сразу же обозначило программное требование наиболее крупной национальной фракции, которая предлагала обратиться к обстоятельному обсуждению национального вопроса вслед за разрешением неотложных политических требований: амнистии, отмены смертной казни, гражданского равноправия и демократических свобод. Минский депутат поляк А. Ледницкий (член ЦК кадетов и организатор думской фракции автономистов) образно говорил о положении в национальных регионах империи: о Царстве Польском, «задыхающемся в атмосфере пороха», о Грузии и Кавказе, «горы и долины которых увлажнены кровью и слезами», о Лифляндии, Эстляндии и Литве, «изнемогающих в тисках карательных отрядов», о Мусульманском съезде, поднимающем свой голос в защиту политических прав народов Востока России¹⁸⁴. Профессор Е. Н. Щепкин (Одесса) заявил, что нельзя «допустить, чтобы все нерусские народности, входящие в состав Российской империи, продолжали жить под страхом погромов и карательных набегов»¹⁸⁵.

Многие деятели национальных групп Думы рассчитывали на сотрудничество с общероссийскими оппозиционными силами для достижения национального равноправия и местного самоуправления. А. Ледницкий доказывал возможность и необходимость таких преобразований в интересах новой демократической государственности: «Справедливое стремление отдельных областей в предоставлении им полной свободы в организации самостоятельного народного быта, в организации его на началах автономии и автономного самоуправления... направлено не к подрыву основ русского государства, а представляет из себя один общий напор к установлению... начала, бесспорно ведущего государство

¹⁸³ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Т. I. С. 50.

¹⁸⁴ Там же. С. 102.

¹⁸⁵ Там же. С. 93.

к мирному, лучшему и крепкому будущему»¹⁸⁶. Но решение национального вопроса посредством национально-территориальной автономии и самоуправления входило в противоречие с идеями государственности, понимаемой по-имперски. На это расхождение обратил внимание саратовский депутат С. А. Котляревский: «Самое роковое, – говорил он, – это утрата идеи государственности... Политическое прошлое скомпрометировало идею государственности, приучило к мысли, что от государства можно ждать только насилий и угнетений, что лишь на почве борьбы со всем государством, вопреки ему, можно чего-либо достигнуть»¹⁸⁷. Прозвучавшее в ходе обсуждений предложение петербургского профессора Н. И. Карсева внести в адрес выражения, которые указывали бы на то, что Россия населена разными народами, которые имеют «свои» территории и «свои» земли, встретило возражение и было отвергнуто Думой¹⁸⁸. Сам Н. И. Карсеев был убежден, что «Россия должна предоставить всем народам, ее населяющим, полную свободу своего национального самоопределения»¹⁸⁹. Однако идея территориальной национальной автономии народов России звучала парадоксом или рискованной новацией даже для многих думских депутатов, причислявших себя к оппозиционно-демократическим фракциям.

Принятый ответный адрес обозначил национальный вопрос весьма общими и умеренными формулировками: «Государственная дума считает, наконец, необходимым указать в числе неотложных задач своих и решение вопроса об удовлетворении давно назревших требований отдельных национальностей. Россия представляет собой государство, населенное многоразличными племенами и народностями. Духовное объединение всех этих племен и народностей возможно только при удовлетворении потребности каждого из них сохранять и развивать своеобразие в отдельных сторонах быта. Государственная дума озабочена широким удовлетворением этих справедливых нужд»¹⁹⁰. Хотя в адресе и содержались намерения добиться отмены ограничений, связанных с национальным происхождением, и сформулировать государственный порядок, основанный на принципах мирного сожительства всех народностей и классов и всеобщности выборов в Думу, однако способы достижения этих целей так и не были расшифрованы. Политику кадетского большинства в I Думе, на которое возлагали большие надежды национальные фракции, отчасти разъяснил позднее П. Н. Милюков:

¹⁸⁶ Цит. по: Гредескул Н. Указ. соч. С. 79.

¹⁸⁷ Ледницкий А. Указ. соч. С. 158–159.

¹⁸⁸ Гредескул Н. Указ. соч. С. 80.

¹⁸⁹ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Т. I. С. 122.

¹⁹⁰ Там же. С. 241.

«Вопросы национальные сами по себе грозили осложнить вопросы социальные и конституционные, составлявшие нашу главную задачу. Разница желаний и требований различных национальностей слилась бы в общие формулы: я уже понимал, что это есть способ к повышению требований наименее готовых к “автономии” народностей»¹⁹¹.

Депутатские объединения, сложившиеся в российской Думе, были *двух типов: партийные фракции и группы* (кадетская, трудовая, мирно-обновленческая, социал-демократическая и т. д.) и *национально-региональные группы*. Национально-региональные думские группы не были однородными и образовались по нескольким признакам и принципам: по **этно-территориальному** (польское коло, украинская громада, латышская, литовская и эстонская группы), по **этно-конфессиональному** (мусульманская), по **этно-сословному** (казацкая группа), по **региональному** (группа западных окраин – польско-литовско-белорусское коло; сибирская группа).

За 72 дня жизни первой Думы национальная проблема многократно привлекала к себе внимание депутатов. Обсуждая декларацию правительства в Думе 13 мая 1906 г., депутаты А. Р. Ледницкий и М. М. Винавер были возмущены игнорированием властью самого существования национального вопроса и требований думского адреса о необходимости национально-религиозного равноправия. Через два дня 151 член Думы внесли законопроект о гражданском равенстве, предлагавший отменить все «ограничения в правах, обусловленные принадлежностью к той или другой национальности или вероисповеданию»¹⁹². Докладывавший при обсуждении законопроекта, один из идеологов кадетской партии депутат Ф. Ф. Кокошкин выступил весьма резко: «У нас существует то, чего не существует ни в одном культурном государстве мира. У нас существует средневековый варварский пережиток – ограничение прав отдельных национальностей или лиц отдельного вероисповедания. Мы знаем, что у нас, например, лица так называемого польского происхождения – причем закон даже не определяет, каким образом можно доказать, что данный человек польского происхождения, – подвержены многочисленным и существенным ограничениям»¹⁹³. «Но самым важным пережитком варварства, – отмечал Ф. Ф. Кокошкин, – разлагающим весь наш быт, является несомненно то тяжелое ограничение, которое наложено у нас на еврейское население... Они лишены у нас совершенно свободы передвижения... они замкнуты и стеснены тесным кольцом оседлости в известной части империи. Они ограничиваются в правах

¹⁹¹ Милоков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 246.

¹⁹² Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Т. I. С. 379.

¹⁹³ Ледницкий А. Указ. соч. С. 162.

государственной службы и образования, они сверх того подлежат тяжелому, унижительному, несправедливому ограничению по отношению к отбыванию воинской повинности»¹⁹⁴. Дискриминацию евреев и погромы резко осуждали с трибуны Думы депутаты-кадеты М. М. Винавер (Петербург), М. И. Шефтель (Екатеринославская губ.), трудовик В. Р. Якубсон (Гродненская губ.). Доктор философии и виленский общественный раввин Ш. Х. Левин, выступив за установление равноправия, на своем примере пояснил, что когда он в 1905 г. на сутки захотел задержаться в Петербурге, то был выслан, а сейчас официально находится в столице как депутат, но на основании закона должен быть выслан, как только закончится сессия¹⁹⁵.

При обсуждении законопроекта о равноправии выступали представители большинства национальных районов. Члены Польского коло Ф. Новодворский (Варшава), А. Ржонд (Лодзь), А. Христовский (Ломжинская губ.) говорили не только о политических ограничениях польского населения, но и о беззакониях и насилиях, творившихся представителями имперской власти в губерниях Царства Польского. Члены Мусульманской группы А. А. Ахтямов и Ш. Ш. Сыртланов (Уфимская губ.) выступили с требованиями равноправия для мусульман России, требовали отмены религиозных и гражданских притеснений для исповедующих ислам двадцати миллионов жителей империи¹⁹⁶. Ш. М. Матинов (Оренбургская губ.) предлагал отменить закон о призыве мулл на военную службу и уравнивать мусульманское духовенство с правами служителей других вероисповеданий. Вместе с русскими депутатами – сторонниками демократизации общественной жизни за гражданское равноправие – выступили члены Группы автономистов: поляк П. Массониус (Минская губ.), латыш Ф. Трасун (Витебская губ.), трудовики-украинцы Т. В. Локоть (Черниговская губ.) и И. К. Заболотный (Подольская губ.), трудовик-молдаванин Ф. А. Сеффер (Бессарабская губ.) и др.

Обсуждение в I Думе в мае 1906 г. аграрного вопроса не могло не затронуть представителей народов и регионов в Думе, поскольку земельная проблема в многонациональных губерниях империи, как правило, была связана также с национальным неравенством и отсутствием местного самоуправления. Об остроте аграрного вопроса в национальных регионах говорили члены I Думы литовец Л. Лопас (Ковенская губ.), украинец Л. Е. Штефанюк (Подольская губ.), белорус С. П. Кондрашук (Гродненская губ.), латыш Я. Крейцберг (Курляндская губ.), казах

¹⁹⁴ Первая Дума о евреях. Речи депутатов. СПб., 1908. С. 5–8.

¹⁹⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. СПб., 1906. Т. II. С. 1105.

¹⁹⁶ Циунчук Р. А. Развитие политической жизни мусульманских народов. С. 191.

А. К. Беремжанов (Тургайская обл.), башкир Ш. Ш. Сыртланов (Уфимская губ.) и др. Трудовик Л. Лопас (Ковенская губ.) заявил: «Эта реформа в Литве может получить надлежащее осуществление лишь при условии существования местного органа самоуправления»¹⁹⁷. Депутат Люблинской губернии Я. Стецкий доказывал, что аграрный вопрос в Царстве Польском «может быть правильно разрешен только волею местного населения, т. е. решением местного законодательного собрания»¹⁹⁸. Уфимский депутат Ш. Ш. Сыртланов поставил вопрос о расхищении башкирских земель и необходимости их возмещения. Об этой проблеме говорили также трудовик Т. И. Седельников (Оренбургская губ.) и кадет В. Д. Набоков (Петербург). Депутат Тургайского края А. К. Беремжанов сообщил о земельной неурядице среди казахского населения и предложил ввести в состав думской аграрной комиссии национальных представителей. Лидер Мусульманской фракции I Думы А.-М. А. Топчибашев (Баку) 4 июля 1906 г. заявил о необходимости перевода обращения Думы по аграрному вопросу на национальные языки, в том числе, на татарский¹⁹⁹.

Представители народов и регионов широко использовали право думского запроса, подавляющее большинство которых адресовалось министру внутренних дел и касалось незаконных действий местных властей и репрессий в регионах против оппозиции. О притеснениях латышей, эстонцев, поляков сообщали депутаты Ф. Трасун (Витебская губ.), Я. Теннисон (Лифляндская губ.), А. Парчевский (Калишская губ.). О положении ингушей, чеченцев, кабардинцев, осетин и кумыков говорил Т. Э. Эльдарханов (Терская обл.). Национального вопроса на Кавказе касались депутаты И. А. Зиятханов, Х. И. Багатуров (Елизаветпольская губ.), К. М. Тер-Петросян (Эриванская губ.), И. И. Рамишвили (Кутаисская губ.). Особую озабоченность думцев вызывала политика разжигания межнациональной розни и систематического натравливания одних народов на другие. Таким образом, уже в первой Государственной думе депутатами был поставлен вопрос об исходящей от власти политике национальной нетерпимости и народофобии. В ходе нескольких заседаний депутаты обсуждали трагические подробности еврейского погрома в Белостоке, вскрывая подстрекательскую роль центральных и местных гражданских и военных властей. Возмущенные депутаты требовали отдать под суд виновных и недопущения национальной травли. Министр внутренних дел П. А. Столыпин 7 июля 1906 г. передал депу-

¹⁹⁷ Гредескул И. Указ. соч. С. 86.

¹⁹⁸ Сидельников С. М. Указ. соч. С. 313.

¹⁹⁹ Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции. Оксфорд, 1987. С. 60.

татам, что готов дать им объяснения по думскому запросу. Однако 8 июля 1906 г. Дума была распущена. Национальный вопрос был среди важнейших тем, постоянно присутствовавших в думских прениях с первого до последнего дня существования I Государственной думы, обозначив, таким образом, одну из линий усиливающегося политического разлома самодержавной имперской системы. Профессор Н. А. Гредескул, отмечая десятилетие I Думы, указал на ее особое историческое значение: «русское освободительное движение и выросшая из него I Дума навсегда останутся прочным фундаментом для дальнейшего развития России не только в политическом, но и в национальном отношении»²⁰⁰.

Сделанный в кризисном 1905 году под всеобщим напором народов Российской империи первый шаг к разделению власти и созданию законодательной Государственной думы мог бы открыть путь к демократизации и децентрализации и тем самым начать новую главу истории, положив первые камни в фундамент правового многонационального государства.

Вынужденные начать преобразования, властные структуры сначала демонстрировали хроническое отставание нормативно-правового реформирования этноконфессиональных и региональных компонентов политической системы, а затем избрали тактику затормаживания и даже свертывания реформ. Эта политика выразилась в разгоне Думы первого, а затем и второго созывов и в изменении избирательного закона, особенно, в части представительства национальных окраин. Пагубным для реформаторов оказались их непоследовательность и отрыв реформ в экономике от социальных, политических и национально-конфессиональных преобразований. При этом имперская власть стремилась ограничить и противопоставить идеи горизонтальной и вертикальной децентрализации.

Отсутствие реальных реформаторских шагов в области национальных отношений, слабость и нерешительность российских эволюционистов опосредствованно укрепляли позиции крайних политических сил: правых – консервативно-охранительных, левых – радикально-революционистских, а также национально-сепаратистских.

Нежелание аристократической имперской элиты и самого монарха поделить бременем «шапки Мономаха» с многонациональным обществом, самоуверенная претензия власти на владение монопольной политической истиной привели первый «конституционный эксперимент» в России к неудаче, а саму политическую систему, отвергавшую идеи модернизации и национально-конфессионального равноправия, а тем более

²⁰⁰ Гредескул Н. Указ. соч. С. 868.

самоопределения народов, к её краху в огне ожесточенных революций и классовых битв.

Вместе с тем, в исторической ретроспективе ясно, что, с появлением Государственной думы, с развитием думской политической практики, социально-политическая жизнь страны необратимо обретала новые, достаточно четко выраженные этноконфессиональное и региональное измерения, происходило становление парламентской партийно-политической культуры и формировались новые политические элиты, чуть позже проявившие себя в государствах и местных правительствах, возникавших на национальных окраинах бывшей Российской империи. В Польше – это премьер-министр В. Грабски и член правительства Р. Дмовски, в Белоруссии – глава правительства Р. Скирмунт, в Латвии – президент Я. Чаксте и премьер-министр П. Юрашевскис, в Литве – министр П. Леонас, в Эстонии – премьер-министр Я. Тынниссон, в Грузии – руководитель правительства Н. П. Жордания, министры А. И. Чхенкели, И. Г. Церетели, в Азербайджане – председатель парламента А.-М. А. Топчибашиев, премьер-министр Ф. И. Хан-Хойский и др. А. Букейханов и М. Тыныштаев были идеологами и организаторами правительства Алаш-Орды. К. Л. Бардиш, М. А. Караулов, В. А. Харламов были среди лидеров казачьих правительств и движений и т. д. Мусульманские депутаты от Волго-Уралья С.-Г. Ш. Алкин, И. А. Ахтямов, Х. М. Апласов, М. М. Биглов, С. С. Джантюрин, К. Г. Хасанов, М. М. Рамеев активно включились в организацию национальной автономии Идель-Урал итаты. Казанский думец С. Н. Максудов был одним из организаторов и руководителей Национального Собрания мусульман внутренней России и Сибири (Миллэт Меджлиси) и председателем его исполнительного органа (Милли Идаре), после эмиграции в Турцию – стал депутатом Великого национального собрания Турции и профессором Стамбульского университета.

В этом вкладе в развитие политической жизни, формировании основ парламентской традиции и политической культуры и состояло историческое значение первого опыта российского парламентаризма для народов и регионов обширного государства.

Б. Д. ГАЛЬПЕРИНА

Первая Государственная дума и роль М. М. Винавера

Первая Государственная дума, несмотря на то, что существовала всего 72 дня, постоянно привлекала внимание исследователей не только советского и постперестроечного времени, но и самих депутатов.

Это не случайно. Ведь в условиях самодержавной России был создан парламент, хоть и с весьма ограниченными правами. Но, как отмечал В. С. Дякин, это был первый опыт его существования, опыт запоздалый, так как в западных странах уже переходили к всеобщему избирательному праву²⁰¹.

Об этом опыте писал один из лидеров «Союза 17 октября» профессор В. И. Герье: «Опыт с Первой Государственной думой, первое выступление на историческую сцену “народных представителей” получает особенное значение. В ней должна была отразиться политическая зрелость людей, призванных к столь высокой роли, – степень культурности самого общества, облекшего их своим доверием... Первая русская Дума представляла собой интересное и во многих отношениях верное отражение современного состояния России...»²⁰².

Рассматривая деятельность I Государственной думы, причины ее столь кратковременного существования, историки и ее депутаты неизбежно писали о конфликте, возникшем с первых же дней, между Думой и Советом министров Российской империи²⁰³.

Состав партийных фракций и групп, их численность, взгляды достаточно изучены исследователями. Мне бы хотелось остановиться на внутренней, межфракционной борьбе, ее причинах, в конечном счете, повлиявших на столь быстрый разгон Первой Государственной думы.

П. Н. Милуков озаглавил § 9 шестой главы своих воспоминаний «Наша сомнительная победа»²⁰⁴, имея в виду победу кадетской партии на выборах, так как угроза конфликта нависла над еще не собравшейся Думой. И, как известно, уже 4 мая 1906 г. Совет министров обсуждал

²⁰¹ См.: Дякин В. С. Выступление на вечере «Государственная дума вчера и сегодня. 1906–1917–1993» 10 ноября 1993 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–начала XX века (Сборник статей памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева). СПб., 1999. С. 19.

²⁰² Герье В. И. Первая Государственная дума. Политические воззрения и тактика ее членов. М., 1906. С. 6–7.

²⁰³ Этому и посвящены работы авторов данной статьи: Гальперина Б. Д., Тютюкин С. В. Введение // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. М., 1982. Ч. 1; Гальперина Б. Д. Совет министров Российской империи и I Государственная Дума // История парламентаризма в России. К 90-летию Первой Государственной Думы. СПб., 1996. Ч. 1; Она же. Особые журналы Совета министров Российской империи как источник для исследования компетенции и функций исполнительной и законодательной власти в условиях конституционной монархии // Проблемы истории государственного аппарата и реформ в России. СПб., 2004. Ч. 2; Она же. Первое объединенное правительство и первый российский парламент // Информационное обеспечение законодательного процесса и государственного управления: история и современность (К 100-летию со дня основания библиотеки Государственной Думы). СПб., 2006.

²⁰⁴ Милуков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. I. С. 351.

вопрос о ее роспуске²⁰⁵. Милюков писал: «Пусть конфликт грозит, пусть даже он неизбежен. Но... нужно успеть дать материал стране для суждения о смысле конфликта. Для этого нужно не только “быть в Думе”, но и оставаться там на более или менее продолжительное время. На это время нужно избегать самых острых столкновений, предоставив инициативу конфликта правительству»²⁰⁶. Об этом же писал и М. М. Винавер: «Беречь Думу, этих слов, ставших символом веры для думцев второго призыва, не было слышно по отношению к Первой Думе»²⁰⁷. Правда, мы знаем, что Вторая Дума была еще радикальнее и лозунг «берсжения» ее не спас.

Однако Винавер замечал, что раздражение между депутатами «то и дело толкало Думу на конфликт по любому поводу»²⁰⁸. Да и как могло быть иначе? Слишком велик был контраст между депутатами по их образованию, культуре, социальному и общественному положению, «книжников, ревнителей английской парламентской истории и техники и малограмотных рабочих и крестьян»²⁰⁹, как писал В. И. Герье.

Ему вторил трудовик Т. В. Локоть, отмечая, что на стороне кадетской фракции были преимущества высшего образования, прочного материального и общественного положения ее членов, прочных связей и влияния в наиболее культурных слоях русского общества; опыт в общественно-политической деятельности в многочисленных съездах и собраниях, комиссиях и комитетах, в легальных и полулегальных организациях вроде «Союза освобождения», сильная сплоченность и партийная дисциплина. Общей для всех ее членов была цель – борьба со старым самодержавно-демократическим режимом и замена его на началах народного представительства²¹⁰.

Но И. К. Кирьянов и М. Н. Лукьянов убедительно показывают, что идси не зависели от благосостояния, что октябристы зачастую были беднее кадетов и порой в спорных вопросах кадетов поддерживали не трудовики, а социал-демократы²¹¹.

Нельзя согласиться с профессором Локтем, что вина кадетов в том, что они не замечали классовой борьбы и ее роли²¹². Ведь конфликты

²⁰⁵ Из записок А. Ф. Редигера // Красный архив. 1933. № 5 (60). С. 110.

²⁰⁶ Милюков П. П. Указ. соч. С. 361.

²⁰⁷ Винавер М. М. Конфликты в Первой Думе. СПб., 1907. С. 3.

²⁰⁸ Там же. С. 4.

²⁰⁹ Герье В. И. Указ. соч. С. 8.

²¹⁰ Локоть Т. В. Первая Дума. Статьи, заметки, впечатления бывшего члена Государственной Думы. М., 1906. С. 107–108.

²¹¹ Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь, 1995.

²¹² Локоть Т. В. Указ. соч. С. 110.

внутри Думы возникали отнюдь не только по классовым признакам. В. И. Герье, наоборот, упрекал кадетов в «резко революционном характере», в том, что Первая Дума стала ареной революционных партий, из которых самой многочисленной и влиятельной стала партия народной свободы, что она желала видеть в социал-демократических группах не противников, а союзников. «Уже это одно делало ее революционной»²¹³.

Автор книги о партийных фракциях в Первой и Второй Государственных думах В. А. Козбаненко пишет, что «большой информативностью о расстановке партийно-политических сил в Думе отличаются работы В. И. Герье и Т. В. Локоть (так! – Б. Г.)». Они дают свое объяснение политике партий и тактике думских фракций по разным вопросам, волновавшим депутатов обеих думских созывов. Но вызывает удивление, что исследователь ограничивается в своем введении ссылкой только на них²¹⁴. Герье же, как мы видим, говорил, что самой влиятельной была партия народной свободы. Как же можно было ограничиваться ссылкой только на упомянутых двух авторов?!

Правда, нельзя не согласиться с Герье, который в одном из эпиграфов к своей работе о Думе привел слова «из старины»: «Брань велля и крик, и шум велик и слова многие бранные»²¹⁵.

Что же касается освещения взаимоотношений в Думе, то один из лидеров кадетской фракции в Думе М. М. Винавер в работе «Конфликты в Первой Думе»²¹⁶, которую многие историки упоминают, убедительно показал, что Т. В. Локоть в своих опубликованных статьях весьма искажал происходившее на фракционных заседаниях, а зачастую попросту лгал. О бурных конфликтах в Думе писали и П. Н. Милюков, и В. А. Оболенский, и историк Н. И. Кареев, и лидер кадетской фракции И. И. Петрункевич, и многие другие. Чем же вызвано такое предпочтение Т. В. Локтя и В. И. Герье в книге историка В. А. Козбаненко?

Из историков советского времени большой интерес в связи с рассматриваемой темой представляет весьма серьезная работа С. М. Сидельникова, выдержавшая два издания²¹⁷. Сидельников отмечает, что Первая Дума с начала и до конца работала в неполном численном составе (из 524 депутатов на первом заседании было 436, а к моменту разго-

²¹³ Герье В. И. Указ. соч. С. 10–11.

²¹⁴ Козбаненко В. А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России (1906–1907). М., 1996. С. 11.

²¹⁵ Герье В. И. Указ. соч. С. 16.

²¹⁶ Винавер М. М. Указ. соч.

²¹⁷ Сидельников С. М. Образование и деятельность Первой Государственной думы. М., 1962; М., 1967.

на было избрано 499 депутатов). Из 204 крестьянских депутатов только чуть больше половины занимались земледелием, остальные были рабочими, служащими или сочетали торговлю с сельским хозяйством, являлись купцами, представителями крупной торговой или промышленной буржуазии и т. д.²¹⁸. Все это, естественно, отражалось на результатах голосования. К тому же состав фракций постоянно менялся. 11 человек ушли от трудовиков к социал-демократам, но после 15 мая 9 из вновь прибывших депутатов вошли в трудовую группу. Если в начале работы Думы в трудовую группу входили 10 крестьян-учителей, то к концу их было 17. А из кадетской фракции ушло 24 депутата²¹⁹. Уделяя внимание межфракционным отношениям, он объясняет, что наиболее острая борьба велась между кадетами и трудовиками потому, что трудовики занимали второе место по численности после кадетов. В связи с этим кадеты стремились привлечь трудовиков на свою сторону. Что же касается социал-демократов, то они полагали, что между трудовиками и кадетами разницы нет.

Показывая конфликтную ситуацию в Думе по поводу ответного Адреса и вопроса об амнистии, Сидельников упрекает трудовиков в соглашательской позиции и вряд ли справедливо называет А. В. Аладина «кадетствующим руководителем трудовиков»²²⁰. Тем более, сам исследователь пишет, что голосованием по поводу замены правительства И. Л. Горемыкина «правительством доверия» закончился «недолгий период солидарных выступлений кадетов и трудовиков»²²¹, и показывает далее, какие споры возникали между ними по любому вопросу (разумеется, с единственно возможной в 1962 г. оценкой этой борьбы). Тем более, нельзя назвать справедливым упрек кадетам в том, что они выступали против «обращения к народу»²²², поскольку это сразу вызвало бы роспуск Думы, а реакция народа стала понятна после Выборгского воззвания.

Но еще раз повторюсь, что иначе в 1962 г. Сидельников писать не мог, точно так же как и В. В. Шелохаев в 1983 г. в своей монографии «Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией, 1905–1907». Заслуга В. В. Шелохаева в том, что, критически оценивая деятельность кадетов, разоблачая их с точки зрения радикальных фракций и советских партийных установок, он подробно, шаг за шагом, показывает, какие споры разгорались внутри Думы почти по всем

²¹⁸ Сидельников С. М. Указ. соч. М., 1962. С. 187, 188.

²¹⁹ Там же. С. 191–193.

²²⁰ Там же. С. 212–219.

²²¹ Там же. С. 232.

²²² Там же. С. 236.

вопросам: об амнистии, содержании ответного Адреса царю на его тронную речь, об аграрном вопросе, отмене смертной казни, неприкосновенности личности, гражданском равенстве, свободе слова и собраний, о социальных вопросах, о помощи голодающим и т. д., и т. п.²²³. Автор пишет, что кадеты приняли решение «ни в коем случае не выходить за рамки конституции», т. е. «Основных законов»²²⁴. Кадеты и не скрывали своей позиции, а наоборот постоянно заявляли, что всячески ведут борьбу за конституционные рамки в деятельности Думы, чтобы не давать повода к ее роспуску.

В 1987 г. В. В. Шелохаев написал работу об октябристах, в которой осветил их позицию в Первой Думе. От «Союза 17 октября» в ней было лишь 16 человек, из них 10 – крупных и средних землевладельцев (в том числе 5 предводителей дворянства и 1 председатель губернской земской управы), а также управляющий пароходством, директор промышленного предприятия, станичный атаман, чиновник, купец и сельский хозяин²²⁵. Как отмечает Шелохаев в Думе они оказались самой правой фракцией. Но кем же тогда считать националистов, членов торгово-промышленной партии и т. д.? С одной стороны октябристы выступали против кадетов, а с другой – вместе с ними против социал-демократов. Левые октябристы, как пишет исследователь, во главе с графом П. А. Гейденом, считали, что следует объединиться с правым крылом кадетов, но большинство полагало, что это не только преждевременно, но и может привести к перерождению партии²²⁶. Октябристы выступали против трудовиков по вопросу об амнистии, против социал-демократов и трудовиков по вопросу всеобщего избирательного права и реформы местного самоуправления, против принудительного отчуждения помещичьей земли (хотя их левое крыло во главе с графом Гейденом внесло поправку, что на такую меру можно пойти в случае крайней необходимости, большинство отвергло ее²²⁷). Граф Гейден выступал также против кадетского законопроекта о гражданском равенстве, заявляя, что после реформы 1861 г. дворяне практически не имеют никаких привилегий. Но проект кадетской фракции о свободе собраний, а также об оказании продовольственной помощи населению, пострадавшему от неурожая, был октябристами поддержан²²⁸.

²²³ Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией, 1905–1907. М., 1983.

²²⁴ Там же. С. 189.

²²⁵ Шелохаев В. В. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987. С. 97.

²²⁶ Там же. С. 99.

²²⁷ Там же. С. 100–101.

²²⁸ Там же. С. 104–105.

Конфликтам в Первой Думе уделяет внимание в своем серьезном труде «У истоков Российского парламентаризма» И. В. Лукоянов²²⁹. Однако рамки работы, к сожалению, не позволили ему подробно рассмотреть этот вопрос.

Как мы видим споры между фракциями шли в течение 72 дней работы Думы по всем направлениям, что, разумеется, не способствовало продуктивности ее работы. И если левые обвиняли самую многочисленную фракцию Думы – кадетов, что они выступали против радикальных мер, то правые партии – бюрократия, члены Совета министров обвиняли их в революционности (вспомним оценку В. И. Герье), а реакционная пресса в том, что они шли за трудовиками, боясь утратить свою популярность.

Что же касается трудовиков, то, как писал один из основателей «партии народной свободы» И. И. Петрункевич, они представляли собой внутри Думы группу, «отвергавшую всякую парламентскую борьбу, всякую законодательную работу и видевшую в парламентской трибуне лишь могущественное орудие пропаганды и организации революционных сил для полного социального переворота»²³⁰.

Петрункевич писал, что «их шумная деятельность, их несдержанность, резкость, нападки на правительство и отдельных министров, требование взамен “государственной” “народной” Думы – вызывали полное осуждение и опасение в правящей бюрократии и симпатии в народных массах. Для реакционных газетчиков имена А. Ф. Аладына, И. В. Жилкина стали нарицательными»²³¹.

Сам Т. В. Локоть признавал: «Как создавалась и сложилась трудовая группа, был ли при ее создании, вернее при ее образовании, какой-либо определенный план, с определенными политическими целями, задачами, приемами, тактикой? Была ли однородность составляющей ее элементов? На все эти вопросы приходится отвечать отрицательно, но если мы спросим, были ли в трудовой группе – и в момент ее образования, во время ее дальнейшего существования – однородность политического настроения, мы, несомненно, должны будем отвечать утвердительно. И настроение это было тем самым глубоко народным и стихийно революционным (курсив автора. – Б. Г.), которым были проникнуты народные массы, которое и отражало, и двигало быстро развивающуюся русскую революцию»²³².

²²⁹ [Лукоянов И. В.] У истоков Российского парламентаризма. СПб., 2003.

²³⁰ Петрункевич И. И. Политическая роль Первой Государственной думы // Первая Государственная дума. СПб., 1907. С. 43–44.

²³¹ Там же. С. 85.

²³² Локоть Т. В. Указ. соч. С. 88.

Эта группа, к которой он принадлежал, со стихийно-революционным настроением составляла не более одной пятой части состава Думы. Она в целом не имела представления о роли конституционных учреждений, их значении. И. И. Петрункевич писал, что «партия народной свободы, в отличие от трудовой группы, была *не* (курсив мой. – Б. Г.) носителем стихийно-революционного настроения, а имела ясную и определенную программу и убеждения, что Россия давно переросла формы своего политического, гражданского и социального быта, что этот быт требует немедленных коренных демократических реформ, что осуществить их может только действительно конституционный строй»²³³.

Но, располагая в Думе, несмотря на то что они были самой многочисленной фракцией, только третью голосов, кадеты могли выполнить свою программу только в союзе с другой партией или группой, которая бы дала им численный перевес.

Наиболее близкой к ней были революционные демократы, но их было в Думе всего 5 человек. Польское коло имело свои особенности и задачи, что в одних случаях эти партии могли оказаться вместе, а в других придерживались противоположных позиций.

Коалиция кадетов с трудовиками была неизбежна, т. к. давала им численный перевес. Вот почему так необходимо было убедить трудовиков голосовать вместе с партией народной свободы за проекты, предлагаемые последней²³⁴.

Но ни идея диктатуры пролетариата социалистов, ни идея «народной» Думы трудовиков, ни захват власти, ни социальный переворот с социализацией имущества и орудий производства не только не входили в программу кадетской партии, но встречали решительное противодействие с ее стороны, т. к. она оставалась на реальной почве. Кадеты понимали, что все подобные задачи в борьбе с правительством лишают их сторонников всякого практического значения, и дают правительству сильное оружие против укрепления конституционного строя.

П. Н. Милюков с горечью вспоминал: «Свести разногласия к единству... среди собравшихся в Государственной Думе депутатов разных течений... оказалось просто невозможно... Наша победа на выборах оказалась вовсе не такой полной, как нам казалось сторяча...». Кадетская партия вынуждена была вести партийную борьбу в Думе с противниками и справа, и слева. В этой обстановке, отмечал Милюков, был совершенно незаменим М. М. Винавер, таланты которого «могли развернуться в полном своем блеске»²³⁵.

²³³ Петрункевич И. И. Указ. соч. С. 90, 92, 93, 95.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Милюков П. Н. Указ. соч. С. 363.

Милюков писал, что он не желает принизить значение в Думе талантливых и знающих людей, с которыми они вместе вышли «на бранное поле», но коллективная работа, повседневное творчество чаще всего велись Винавером, который являлся одним из главных руководителей кадетской фракции в Первой Думе, и был знаменит своим умением придавать политической мысли блестящую, резко отточенную форму и защищать свою формулу строго-логической тонкой аргументацией. Бороться с ним на этой почве было невозможно: даже не убеждая, он покорял соперника и проводил свое решение в многоголовом колеблющемся собрании ²³⁶.

Милюков признал, что на долю Винавера выпала неблагоприятная задача не столько отговорить левых от революционных иллюзий, сколько уговорить их отложить решительную схватку для более благоприятного момента ²³⁷.

Левые партии смотрели на Думу как на временную трибуну для немедленной организации народных масс и для перехода сию же минуту к революционным действиям. В этих условиях стоял вопрос только об окончательном разрыве Думы с правительством ²³⁸.

В. А. Оболенский в статье о Первой Думе вспоминал, что Винавер был «среди наиболее *активных участников, руководителей и творцов ее политики* (курсив автора. – Б. Г.) <...> Первой Думе он отдал не только всю энергию своей активной натуры, свою работоспособность и огромный запас своих умственных сил, но и поэзию своей души» ²³⁹.

Перводумцы, вспоминая о своих творческих попытках, неразрывно связывали их с образом одного из главных руководителей Думы, с М. М. Винавером. Для того, чтобы не поставить Думу под удар правительства, требовалась исключительная выдержка и умение ориентироваться в весьма сложной обстановке, и этими качествами более других обладал М. М. Винавер. И кадетская партия постоянно возлагала на него обязанности посредника в дипломатических переговорах с левыми группами. Он так умел убеждать противников, что не он им, а они ему делали основные уступки ²⁴⁰.

Оболенский писал о том, что большинство думцев (не только крестьяне) совершенно не разбирались в вопросах государственного права, не представляли себе законодательной работы и правила парламентской

²³⁶ Милюков П. И. М. М. Винавер как политик // М. М. Винавер и русская общественность начала XX века (к десятилетию со дня смерти М. М. Винавера). Париж, 1937. С. 22.

²³⁷ Там же. С. 20.

²³⁸ Там же. С. 23–24.

²³⁹ Оболенский В. А. Первая Дума // М. М. Винавер и русская общественность. С. 99.

²⁴⁰ Там же. С. 102, 105, 108.

тактики. С ними занимались и С. А. Муромцев, и М. М. Ковалевский, но более всего М. М. Винавер²⁴¹.

В. А. Маклаков восхищался Винавером не только как блестящим политическим деятелем и адвокатом, но и как талантливым ученым, блеском и глубиной его мыслей, его писательским талантом²⁴². О книге Винавера «Недавнее» он пишет, что только она одна была бы достаточной, чтобы нечто после себя оставить. Вышедшее в Петрограде, первое издание мгновенно разошлось, второе увидело свет уже в Париже²⁴³. Но Винавер оставил много великолепных работ, посвященных Первой Государственной думе²⁴⁴.

Как же можно было в большой статье, написанной М. Голостеновым и И. Нарским, сказать о М. М. Винавере, что он был лишь одним из депутатов кадетской фракции в Думе и одним из подписавших Выборгское воззвание!?!²⁴⁵.

Разумеется, энциклопедическая статья не даст возможности подробно написать о таком разностороннем человеке, как М. М. Винавер, но ведь можно было коротко и точно написать, что он был одним из главных руководителей кадетской фракции в Первой Думе, ее идеологом и автором Выборгского воззвания.

Среди работ Винавера прямое отношение к теме данной статьи имеет его уже упомянутая книга «Конфликты в Первой Думе», изданная вскоре после ее роспуска, которая получила высокую оценку первоумцев Оболенского, Маклакова, Петрункевича и др. и, конечно же, лидера кадетской партии Милукова. Именно в ней наиболее полно и, пожалуй, объективно освещена обстановка в Первой Думе, в которой, как организации с определенными программами, были представлены кадеты, социал-демократы и польское коло. И. И. Петрункевич дает первому российскому парламенту следующую характеристику: «Из 8 партий, бывших в Думе, только три имели определенную программу – кадеты,

²⁴¹ Там же. С. 104.

²⁴² Маклаков В. А. 1905–1906 гг. // М. М. Винавер и русская общественность. С. 57.

²⁴³ Винавер М. М. Недавнее (Воспоминания, характеристики). Пг., 1917; 2-е изд. Париж, 1926.

²⁴⁴ Перечислим только те из многочисленных трудов М. М. Винавера, которые непосредственно относятся к Первой Думе: 1) Конфликты в Первой думе. СПб., 1907; Муромцев – адвокат и председатель думы. М., 1911; В ожидании роспуска и после роспуска // К 10-летию Первой Государственной думы. 27 апреля 1906–27 апреля 1916. Пг., 1916; История Выборгского воззвания. Воспоминания. М., 1917; Недавнее (Воспоминания и характеристики). Пг.; М., 1917; 2-е изд. Париж, 1926; Тактика партии Народной свободы. Пг., 1917.

²⁴⁵ Политические партии России. Конец XIX – начало XX в. Энциклопедия. М., 1996. С. 112–113.

социал-демократы и польское коло, остальные были организациями или группами»²⁴⁶. У одних была программа, но не было организации (октябристы и партия демократических реформ), у других была организация, но не было программы (трудовики). Но дело в том, что именно настрое-ние трудовиков отражало настроение масс, «хотя если быть совершенно точными, — писал Петрункевич, — стрелки быстрее двигались к буре, чем это было в действительности»²⁴⁷.

Именно это привело к бесконечным конфликтам в Думе, а также полное непонимание реальной обстановки в стране, реальных соотношений сил верховной и исполнительной власти — с одной стороны и Государственной думы — с другой.

Разногласия в Думе возникли еще до ее открытия. На заседании 26 апреля обсуждался вопрос о торжественном Обещании монарху. Трудовики считали, что такое Обещание является поддержкой самодержавия. К ним присоединились некоторые недовольные из других фракций, организаций и групп, т. е. еще до открытия Думы мог разгореться скандал. Положение спас Винавер, выступив с предложением занести в протокол, что над словом «самодержавие» не подразумевается неограниченная монархия, и напечатать об этом во всех газетах 27 апреля. Это предложение было единогласно принято. А вечером этого же дня (26 апреля) трудовики опять предлагали полностью отказаться от Обещания. Профессор Локоть писал, что только голоса трудовиков заставили написать в тексте Обещания «конституционный монарх». Винавер считал эту поправку незначительной: «конституционная» монархия и «не неограниченная» монархия — разница невелика²⁴⁸. А вот как он описывал первое заседание 27 апреля: «Кулуары Таврического дворца, когда мы в них оказались, наконец, представляли (после Зимнего. — Б. Г.) картину необычайного волнения: обычно спокойные люди бегали, размахивали руками, отмахивались от всяких спокойных увещаний. Я помню особенно возбужденные фигуры Петрункевича, Шершеневича, нечего говорить о более молодых, более “левых”».

Это привело к тому, что даже очень зрелые люди сразу после тронной речи настаивали на принятии требования об амнистии, которая, как известно, была прерогативой монарха. Такая резолюция Думы, принятая сразу после тронной речи царя должна была быть расценена как ответ на нее. Странно было бы после этого первого ответа приступить к обсуждению второго, что было решено еще накануне. Таким образом, Дума сама лишала себя возможности изложить все свои планы и надежда на

²⁴⁶ Петрункевич И. И. Указ. соч. С. 43, 85, 86.

²⁴⁷ Там же. С. 87.

²⁴⁸ Винавер М. М. Конфликты в Первой Думе. С. 13–14.

будущее, т. к. двух Адресов быть не могло. Учитывая крайнее возбуждение, трибуна Думы могла превратиться в митинговую площадь, «трудно было удержать эмоции, владевшие всеми, необходимо было спасти Думу от бесформенности, от резолютивно-митингового образа»²⁴⁹. И 29 апреля Ф. И. Родичев внес предложение об избрании комиссии из 33-х депутатов для подготовки ответного Адреса монарху. Было предложено «возложить ныне же на комиссию неперменную обязанность включить в Адрес указание на безусловную необходимость объявления ныне же полной амнистии по всем делам – религиозным, аграрным и политическим, разумея под последними все преступления и проступки, вытекающие из политических побуждений»²⁵⁰.

Потекли прения, пар был выпущен, предложение Родичева было принято единогласно, т. к. трудовая группа не смогла сформулировать свою точку зрения²⁵¹. Несмотря на это, 30 апреля во фракции трудовиков вновь стали говорить об амнистии.

1 мая на заседании Думы резко выступали Н. А. Гредескул, Г. Ф. Шершеневич и Ф. Ф. Кокошкин; они говорили, что бессмысленно сводить дело только к амнистии, что невозможно ограничить вопросом о ней весь ответ на тронную речь, не говоря о земле, свободе собраний и т. д. Трудовики требовали, чтобы текст ответного Адреса был подготовлен как можно быстрее. Очень резко выступил октябрист, граф П. А. Гейден, заявив, что не может быть плодотворной работа Думы, если свои права Дума не будет отстаивать в самой почтительной форме.

Проект Адреса составляли Винавер и Кокошкин с редакционными правками Милокова²⁵². Свой проект они должны представить на следующий день в специально избранную комиссию из шести человек: трех от партии народной свободы (П. Н. Милоков, М. М. Винавер, Ф. Ф. Кокошкин) и трех от трудовиков (А. Ф. Аладьин, С. В. Аникин и И. В. Жилкин). Националисты не смогли прислать двух своих представителей.

Представители трудовиков были проектом удовлетворены, не представив со своей стороны контрпроекта. В пункте об аграрной реформе было сказано: «Трудовое крестьянство с нетерпением ждет удовлетворения своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы...». Далее было оставлено место для совместной с трудовиками редакции, и трудовики добавили: «если бы она не приняла немедленно самых решительных мер удовле-

²⁴⁹ Винавер М. М. Конфликты в Первой Думе. С. 17–20.

²⁵⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1. С. 38.

²⁵¹ Винавер М. М. Конфликты в Первой Думе. С. 22–23.

²⁵² Там же. С. 33–35.

творения этой насущной потребности». Таким же образом был сформулирован пункт, касающийся рабочего вопроса. После фразы: «Государственная дума признает столь же неотложным урегулирование рабочего вопроса...» было вписано в результате общего обсуждения: «...потому Государственная дума приступит к выработке законов об улучшении условий наемного труда и вообще мер, направленных к ограждению интересов рабочего класса».

Проект был зачитан на «33-х членной» комиссии и принят за основу, но депутат от Костромы, кадет П. А. Сафонов заявил, что в Адресе должно быть точное перечисление земель, подлежащих конфискации, и провозглашен принцип их принудительного отчуждения. Сафонов поддержал другой депутат, тоже кадет, З. Г. Френкель. За это голосовали все члены кадетской фракции и представители трудовой группы. Но идеолог трудовой группы Т. В. Локоть, который сам входил в Адресную комиссию, на заседании Думы заявил, а потом напечатал в газете «Наша жизнь» (3 мая), что только под влиянием трудовиков были сделаны дополнения по земельному вопросу, которые имеются в проекте Адреса, хотя точно знал, что эти дополнения были сделаны представителями кадетской фракции. Но эту ложь никто не опроверг²⁵³. Более того, в «Нашей жизни» даже было напечатано, что депутат С. В. Аникин познакомил группу трудовиков с той борьбой, которую пришлось вести ее представителям в заседании «33-х членной» комиссии! А через 4 дня в той же газете было напечатано, что только по настоянию «трудовой думской партии» кадетом пришлось внести пункт о принудительном отчуждении, что члены кадетской партии были вынуждены пожертвовать своими классовыми интересами, т. к. их благосостояние тесно связано с земельной собственностью. Эта легенда усиленно внедрялась в массы. Члены кадетской фракции напечатали в газетах опровержение и даже в той же газете «Наша жизнь» (9 мая), но это не помешало Локтю повторить позднее эту ложь в своей книге²⁵⁴.

Трудовики, не имея ни определенной программы, ни определенной тактики, все время хотели выглядеть левее и, как писал Винавер, даже хотели бы, чтобы кадеты были правее. Профессор Локоть заметил: «И сами кадеты не были в Думе “настоящими кадетами”, они были в Думе значительно более левыми, чем они должны были бы быть по своему существу»²⁵⁵.

В литературе социал-демократического направления ставилось в заслугу рабочим депутатам, что они воздержались от голосования по

²⁵³ Там же. С. 37–40.

²⁵⁴ Локоть Т. В. Указ. соч.

²⁵⁵ Там же. С. 116, 298.

поводу ответного Адреса. Но это не соответствует действительности. Наоборот, в «комиссию 33-х» входил социал-демократ П. А. Ершов и он, на бурном заседании 3 мая защищал проект Адреса от нападок по вопросам о смертной казни и стачках, а депутат М. И. Михайличенко (социал-демократ) заявил, что со стороны рабочих никакого протеста не будет²⁵⁶.

Проект Адреса, наконец, был утвержден в ночь на 5 мая, против проголосовало 11 человек во главе с графом П. А. Гейденом.

Содержание Адреса, как и реакция царя на него, широко известны, и нет надобности их пересказывать, но вот реакция депутатов на действия монарха была различной. Так, председатель Думы С. А. Муромцев отнесся к этому весьма холодно, как к вопросу придворного этикета. Возмущение кадетской фракции вызвало то, что ответ был передан через И. Л. Горемыкина, что таким образом исполнительная власть хочет быть посредником между верховной и законодательной. Вот тогда и произнес В. Д. Набоков свою знаменитую фразу о том, что исполнительная власть должна покориться законодательной²⁵⁷. Но трудовики требовали радикальных действий, что могло привести к разгону ничего не успевшей сделать Думы – ведь речь шла о протесте против верховной власти. Именно об этом говорили Милоков и Винавер, которые пришли к трудовикам и убеждали их не принимать радикальных мер²⁵⁸.

История с Адресом весьма характерна для ситуации, возникшей в Думе в первые же дни ее существования и продолжавшейся вплоть до самого ее роспуска.

Но главная проблема была в самой организации Думы. Для принятия закона нужно было подготовить законопроект, который поддержало бы 30 человек. Правительство должно было рассмотреть его в течение месяца, а до тех пор Дума не имела права обсуждать его. Только через три недели после открытия Думы, 15 мая, поступил в Думу ответ от Министерства народного просвещения на законопроект об открытии частных женских курсов и постройке оранжереи и прачечной при Юрьевском университете. Никаких других законопроектов за все время существования Думы правительство больше не рассматривало, а ее упрекали в бездеятельности. Петрункевич возмущался, – ведь никто не упрекает министров в том, что весь их план реформ выразился только в этом одном рассмотренном законопроекте²⁵⁹.

12 мая кадетская фракция поставила на обсуждение Думы вопрос о выборе комиссии для выработки законопроекта о неприкосновенности

²⁵⁶ Винавер М. М. Указ. соч. С. 43–44.

²⁵⁷ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1. С. 154.

²⁵⁸ Там же. С. 101–104.

²⁵⁹ Петрункевич И. И. Указ. соч. С. 42–43.

личности. Это создавало прецедент предварительного обсуждения законопроектов. Такая практика позднее применялась во всех других думах, вызывая недовольство правительства.

Резкий конфликт возник по поводу отмены смертной казни. Представители трудовиков требовали немедленно провести этот закон, не сдавая проект в комиссии, а С. В. Аникин даже заявил, что если это требование не будет удовлетворено, то он предлагает Думе разъезжаться по домам. Другой депутат требовал, чтобы Дума, отменив смертную казнь, направила закон прямо царю, минуя Государственный совет. Граф Гейден заявил, что Аникин выступает от имени всей Думы, в то время как октябристы с ним не согласны, считая, что новый порядок нужно заводить новыми приемами: глубоким уважением к закону и к личности своего врага²⁶⁰. Кроме того, он вообще выступал против непосредственного отношения Думы к монарху по поводу смертной казни. «Бесспорно, – говорил Гейден, – смертная казнь не вызывает нравственного чувства у людей, но нужно это делать (отменять ее. – Б. Г.) в форме конституционной, а не революционной²⁶¹. Кадетская фракция послала лучших своих ораторов, чтобы доказать бесплодность и опасность этого решения, и трудовики сняли свое предложение и передали его в «комиссию 15-ти». 23 мая был получен ответ от Совета министров, что ему потребуется месяц для рассмотрения этого вопроса. Через месяц законопроект вернулся в Думу, и ей было объявлено, что мера несвоевременна, что отмена смертной казни не входит в компетенцию Думы. Законом он так и не стал.

Винавер предложил изменить правило о месячном сроке, в течение которого правительство должно рассматривать запросы Думы. 23 мая это обсуждалось на заседании Думы, и опять возник конфликт с трудовиками, которые предложили, чтобы Дума возложила на комиссии обязанность выработать в течение трех дней законопроект об отказе от месячного срока для ответа министров. А С. В. Аникин заявил, что надо «ломать весь устав», удалить правительство Горемыкина и заменить народным правительством, его поддержал Аладыин. Но никакого практического результата эта бурная полемика не дала, Совет министров не отказался от месячного срока. И тогда трудовики выступили с предложением использовать думскую трибуну для Обращения к народу. Но Муромцев отказался даже баллотировать это предложение²⁶².

²⁶⁰ Винавер М. М. Указ. соч. С. 78; Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 2. С. 1482–1483.

²⁶¹ Там же. Т. I. С. 646.

²⁶² Винавер М. М. Указ. соч. С. 81–84.

Как писал А. С. Пушкин, «меж ними все рождало споры». Это относилось и к образованию Особой думской комиссии для сосредоточения в ней всех поступающих в Думу данных о незаконных действиях администрации, проверки их достоверности и принятия соответствующих мер. Трудовики предложили создать комиссию для расследования преступлений должностных лиц с момента подписания Манифеста 17 октября. Но так как еще не был выработан Наказ о внутренних правилах деятельности Думы, который был принят только III Думой, то было решено отсрочить решение этого вопроса²⁶³.

26 мая споры разгорелись по поводу тактики партии народной свободы – тактики сохранения Думы. Трудовики заявили, что сохранять ее надо, но они не знают как. В. Д. Набоков говорил, что раздоры в Думе полезны только учреждению, которое желает ее разгона, что поскольку Дума считает себя законодательным учреждением, то и должна идти по конституционному пути. Социал-демократическая фракция призывала население взять в свои руки «охрану жизни и имущества», к вооружению самого народа²⁶⁴.

Министр внутренних дел П. А. Столыпин внес предложение в Думу об ассигновании 50 миллионов рублей для помощи голодающим от неурожаев, предполагалось взять деньги для этого за счет нового государственного займа. 23 июня социал-демократическая фракция предложила сократить военные расходы, распустить казачьи войска, сократить пенсии чиновников всех высших гражданских и военных ведомств и создать новые общественные организации. Трудовик Аникин призвал Думу не давать ни копейки правительству и взять дело помощи голодающим в свои руки, а также передать комитетам, созданным из самих голодающих, доходы с кабинетских, удельных, монастырских и церковных земель²⁶⁵. Кадеты убеждали трудовиков в невыполнимости и опасности этого плана и необходимости передать дело в Продовольственную и Бюджетную комиссии. Гейден в ходе дискуссии отмечал, что «нельзя лишать население... ссуд на обсеменение только потому, что мы не доверяем министерству». И далее: «мы стоим перед альтернативой: или открыть министерству, или отказать населению в пособии»²⁶⁶. В итоге обе комиссии решили ассигновать 15 миллионов рублей с требованием отчета в их расходах.

Принципиальное разногласие было и по поводу запросов: кадеты рассматривали их как давление на правительство с целью добиться его

²⁶³ Подробн. см.: [Лукоянов И. В.] У истоков Российского парламентаризма. С. 156.

²⁶⁴ Государственная дума. Сессия 1. СПб., 1906. Т. 2. С. 1825–1826.

²⁶⁵ Там же. С. 1249–1251, 1690.

²⁶⁶ Там же. С. 1683–1684.

отставки, социал-демократы и трудовики считали их важным фактором воздействия на массы. Так, 8 и 9 июня на заседании Думы обсуждали ответ Столыпина по поводу Белостокского погрома. И. И. Рамишвили (социал-демократ) предложил следующее: весь состав администрации, члены нынешнего и предыдущих кабинетов подлежат суду по обвинению в тяжких уголовных преступлениях против жизни, имущества и чести русских граждан, и в укрывательстве таких преступлений. Трудовики выступали за эту формулу, кадеты – против. В. Д. Набоков и Л. И. Петражицкий отговаривали трудовиков от этого опасного шага, и только убедившись, что кадеты не пойдут на него, трудовики сняли свое предложение. А ведь 22 июня Аладьин выступал три раза от имени трудовиков и заявил, что не ручается за безопасность министров. В. Д. Набоков выступил и от своего имени отмежевался от физического воздействия на министров. Фракция кадетов тайным голосованием одобрила поведение Набокова, несмотря на негодование трудовиков²⁶⁷.

Борьба велась и вокруг закона о неприкосновенности личности, и вокруг законопроекта о гражданском равенстве на заседании 15 мая. Трудовики предлагали, чтобы в нем было сказано, что все сословия упраздняются, все граждане равны и обладают одинаковыми правами. Аладьин предлагал издать об этом декларацию. Кадеты категорически отвергли эти поправки и настаивали на сохранении таких формулировок: «полицейское задержание может проводиться в случаях злонамеренного и противозаконного нарушения спокойствия отдельных лиц или общественной благопристойности»²⁶⁸. Бесконечных споров по аграрному вопросу, которые занимали в Думе центральное место, касаться не буду, поскольку они достаточно подробно освещены в литературе.

Разногласия между левыми фракциями и кадетами вызывал и законопроект о свободе собраний, внесенный социал-демократической фракцией. В нем говорилось: «1. Все российские граждане вольны собираться всегда и везде без всяких ограничений, не спрашивая на то никакого разрешения и вести обсуждения на каком угодно языке. 2. Должностные лица, виновные в посягательстве на свободу собраний, подлежат уголовной ответственности. 3. Отменяются все законы и все ограничения, основанные на исключительных законах».

Трудовики поддержали этот законопроект, но кадеты добились передачи его в думскую комиссию²⁶⁹. Нападки левых на законопроект, выработанный кадетской фракцией по этому вопросу, касались, глав-

²⁶⁷ Винавер М. М. Указ. соч. С. 150–151.

²⁶⁸ Государственная дума. Сессия 1. СПб., 1906. Т. 2. С. 1101.

²⁶⁹ Шелохаев В. В. Указ. соч. С. 202.

ным образом, трех его положений: 1) Запрещения устраивать собрания, мешающие движению на площадях, улицах и на полотне железной дороги. 2) Запрещения собраний вблизи резиденции императора и в местах законодательных учреждений. 3) Предоставления полиции права закрывать публичные собрания, «когда они непосредственно угрожают общественной безопасности»²⁷⁰.

Все это существовало в цивилизованных государствах, но не было приемлемо для людей с революционной психологией, которые привыкли иметь дело не с законами, а с декларациями. На одном митинге приват-доцент университета серьезно доказывал, что запрещение митинговать на рельсах является серьезным нарушением прав железнодорожных рабочих²⁷¹.

Как было сказано выше, кадетский проект поддерживали октябристы. Граф Гейден в своем выступлении по этому поводу заметил, что бывают и черносотенные собрания. «Если будет установлена безграничная свобода собраний, – говорил он, – которую нам предлагают, то ведь не одни благодетели пролетарии будут собираться, а могут собраться и другие благодетели, и притом недалеко от Думы. Это общение нежелательно...». И далее о праве собираться на железнодорожных путях: «Полотно железной дороги есть путь, принадлежащий всему обществу и для сообщения всех лиц государства, и этот путь должен быть огражден... В правовом государстве все граждане имеют право жить, дышать воздухом и наслаждаться свободой. В социалистическом государстве только один пролетарий имеет это право»²⁷².

М. М. Винавер с горьким юмором описывал заседания 1, 3 и 6 июля, где обсуждался кадетский проект и предпринимались попытки убедить противников, что «негоже устраивать собрания на железных дорогах». Он видел причину такого поведения левых, и в частности трудовиков, в том, что они, не имея определенного плана «окрылялись беспочвенными надеждами», что и сыграло роковую роль в судьбе Думы²⁷³. А ведь до ее роспуска оставалось 2 дня...

Несмотря на постоянную тревогу и ожидание роспуска Думы, поражаает нижеследующий документ, в котором отражено заседание ЦК партии народной свободы, намечающей программу для фракции.

В протоколе ЦК от 2 июля было записано постановление о необходимости поставить на обсуждение кадетской фракции Думы 3 июля следующие вопросы: об амнистии, отмене смертной казни, отмене воен-

²⁷⁰ Оболенский В. А. Указ. соч. С. 106.

²⁷¹ Там же. С. 107.

²⁷² Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 2. С. 1415–1416.

²⁷³ Винавер М. М. Указ. соч. С. 108.

ного положения, чрезвычайной и усиленной охране, аграрной реформе, о Государственном совете, праве инициировать отмену Основных законов, о вхождении в Совет министров на должности морского, военного министров и министра иностранных дел представителей кадетской партии²⁷⁴.

Но в ночь с 8 на 9 июля был подписан указ о роспуске Думы, что, совершенно очевидно, для депутатов Думы уже не было полной неожиданностью.

В воскресенье, в 7 часов утра, на даче, Винавер получил телеграмму Петрункевича: «Приезжайте немедленно, с первым же поездом». Винавер писал, что он все понял, но в город попал только в двенадцатом часу дня. По дороге к Петрункевичу он встретил И. В. Жилкина с несколькими товарищами (трудовиками). Жилкин сказал с глубокой скорбью в голосе: «Теперь будем с Вами заодно, ведите». Поздно²⁷⁵.

М. М. Винавер вспоминал: «Я ехал к Петрункевичу, оглядывался, искал на лицах людей, искал на мертвых камнях отражение нашего несчастья. Сонливые пешеходы, сонливые лошади, сонливое солнце. Безлюдье – никакой жизни, никакого признака движения. Кричать хотелось от боли и ужаса...»²⁷⁶.

Как писал А. С. Пушкин в трагедии «Борис Годунов»: «народ безмолвствует». М. М. Винавер дал яркую характеристику событий, связанных с историей Выборгского воззвания²⁷⁷. Его «История Выборгского воззвания» была высоко оценена не только перводумцами, в частности, лидером кадетской партии П. Н. Милюковым, но и современными российскими историками, и с такой оценкой трудно не согласиться. Проект Выборгского воззвания первоначально был написан Милюковым, но Винавер его раскритиковал как слабый. Новый проект был составлен Винавером и Кокошкиным. Милюков заметил, что это было великой жертвой, на которую они пошли сознательно. Цвет партии отныне был лишен права участвовать в политической жизни России²⁷⁸.

И. И. Петрункевич подвел итог: «Первой Думе не удалось достигнуть для народа гражданской и политической свободы, так как она просуществовала только 72 дня, и деятельность ее была насиль-

²⁷⁴ Протоколы ЦК Конституционно-демократической партии 1905–1911. М., 1994. С. 85–86.

²⁷⁵ Винавер М. М. Указ. соч. С. 183.

²⁷⁶ Винавер М. М. В ожидании роспуска и после роспуска // К 10-летию Первой Государственной Думы. 27 апреля 1906–27 апреля 1916. Пг., 1916. С. 13.

²⁷⁷ Винавер М. М. История Выборгского воззвания (написано в сентябре 1910 года в Тверской губернии). Пг., 1917.

²⁷⁸ Милюков П. Н. Винавер как политик // М. М. Винавер и русская общественность. С. 25–26.

ственно оборвана». И далее: «Вряд ли в таких условиях пришлось работать другому народному представительству. Его работу старались поставить в полную зависимость от правительства и каждого министра в частности»²⁷⁹.

«Трагедия депутатов Первой Думы в том, — писал Оболенский, — что превращенная Основным законом в обыкновенную нижнюю палату с ограниченными правами, Дума для населения и самих думцев психологически оставалась Учредительным собранием»²⁸⁰.

Спустя десятилетие, в 1916 г., депутат Первой Думы М. М. Ковалевский вспоминал: «Дума не дала нам ни одного важного законодательного мероприятия, но она определила программу деятельности русских законодателей на ряд поколений... Она не принадлежала к числу тех явлений, которые проходят бесследно для поступательного хода истории»²⁸¹.

В. Н. ГИНЕВ

Волость: административная или земская единица? (Противоборство сторонников думского и правительственного законопроект в III Государственной думе)

Назревание напряженности в стране перед началом первой российской революции, а затем и сами революционные события 1905–1907 гг. заставили царизм, наряду с усилиями по подавлению выступлений масс, задуматься и о необходимости проведения ряда реформ, долженствующих в какой-то степени удовлетворить народ и общество, внести успокоение и не допустить всплеск массового возмущения в будущем. Наиболее дальновидные представители высшей российской бюрократии и, прежде всего, П. А. Столыпин это хорошо понимали. Расширение прав губернских и уездных земств и образование более приближенной к населению мелкой земской единицы являлось одной из таких необходимых реформ, инициативу, разработку и проведение в жизнь которой должно было провести правительство, если в нем более дальновидные министры преобладали над узколобыми защитниками эгоистических классовых помещичье-дворянских сиюминутных интересов.

11 декабря 1906 г. в Совет министров за подписью Столыпина поступила записка «Об установлении главных начал устройства местного

²⁷⁹ Петрункевич И. И. Указ. соч. С. 41, 46.

²⁸⁰ Оболенский В. А. Указ. соч. С. 117.

²⁸¹ Ковалевский М. М. Дума и ее заветы // К десятилетию Первой Государственной думы. С. 89, 93.

управления». В том же деле имеется более краткое ее изложение – «Главные начала устройства местного управления». Затем помещена совсем короткая «Справка», по-видимому, резюме «Главных начал...»²⁸².

Очевидно, в МВД и в Совете министров спешили выработать документ, который можно было бы сразу после начала работы II Государственной думы внести на ее рассмотрение. 19 и 22 декабря 1906 г., 3 и 6 января 1907 г. проект реформы местного самоуправления обсуждался в Совете министров. Результатом стал новый документ – «Об установлении главных начал устройства местного управления»²⁸³.

7 февраля 1907 г. появилась обширная пояснительная записка для Совета министров за подписью Столыпина, повествующая об установлении главных преобразований земских и городских учреждений, а затем выжимка из нее с конспективным перечислением основных положений пояснительной записки и выводами²⁸⁴.

В правительственных бумагах имеется также документ под грифом Земского отдела МВД, который по содержанию можно определить как одну из объяснительных записок о принципах проекта «Положения о волостном управлении», датированную 20 февраля 1907 г. – днем начала работы II Государственной думы. «Волостное собрание» определялось в нем как «распорядительный орган» и, что важно, называлось низшим земским органом: «Входя в обсуждение вопроса об основах волостного представительства, необходимо иметь в виду, что, по основной мысли настоящего преобразования, волости предполагается придать значение низшей земской единицы»²⁸⁵.

К 20 февраля 1907 г. были готовы тексты с разбивкой по статьям трех проектов, касающихся местного управления: проект Положения о поселковом управлении, проект Положения о волостном управлении и проект Положения о правительственных участковых комиссарах. Все три, напечатанные типографским способом, были подписаны П. А. Столыпиным и сопровождалась пояснительными записками. Документ датирован 20 февралем и имеет гриф «МВД. Земский отдел» «В Государственную думу»²⁸⁶. По всей видимости, это – первый вариант законопроекта о волостной реформе, который под давлением критики справа Столыпину пришлось отозвать из Думы (тогда уже III Думы) и замесить другим вариантом, который, забегая вперед, подвергся критике не только справа (что в значительной степени изучено В. С. Дяки-

²⁸² РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 63. Л. 2–13, 14–19 об., 38, 38 об.

²⁸³ Там же. Л. 96–111 об.

²⁸⁴ Там же. Оп. 3. Д. 22. Л. 2–73, 74–81 об.

²⁸⁵ Там же. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 3. Л. 80.

²⁸⁶ Там же. Ф. 1278. Оп. 1. 2-й созыв. Д. 926. Л. 2–56 об.

ным и П. И. Зыряновым)²⁸⁷, но и слева, со стороны либеральной части III Думы (на что, на наш взгляд, обращено недостаточное внимание).

6 марта 1907 г. П. А. Столыпин представил подготовленные правительством законопроекты Государственной думе. Общая цель всех законопроектов, по заявлению Столыпина, заключалась в том, чтобы постепенно сделать Россию правовым государством. «В основу всех тех правительственных законопроектов, которые министерство вносит ныне в Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта – создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, т. е. не будут прочно установлены»²⁸⁸.

Перейдя к вопросу о реформировании самого низшего уровня местного управления – «ячейке, в которой население могло бы найти удовлетворение своих простейших нужд», Столыпин сделал перед депутатами важное заявление: такой ячейкой, «таким установлением по проекту министерства должна явиться бессословная самоуправляющаяся волость, в качестве мелкой земской единицы <...> В ведение волости должны входить все земли, имущества и лица, находящиеся в ее пределах». Однако при этом внутри волости выделялись крестьянские наделенные земли, которые должны были объединяться в «кособые земельные общества».

Но, определяя проектируемую волость в качестве «мелкой земской единицы» Столыпин далее сделал уточнение, которое должно было бы насторожить либеральных приверженцев распространения самоуправления на уровень волости: «Волость будет самою мелкою административно-общественною единицею» (выделено мною. – В. Г.). Правда, при этом утверждалось, что «полицейские обязанности должны ограничиться простейшими обязанностями местной общественной полиции, а административные предполагается свести к делам, касающимся воин-

²⁸⁷ См.: Дякин В. С. Столыпин и дворянство (Провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972; Зырянов П. И. Третья Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления // История СССР. 1969. № 6.

²⁸⁸ Государственная дума. Созыв второй. Стенографический отчет. Сессия II. СПб., 1907. Стлб. 107.

ской повинности, ведение посемейных списков, некоторым податным действиям и т. п.». Конкретно о предметах хозяйственного ведения мелкой земской единицы Столыпин не сказал, ограничившись общим заявлением, что «компетенция же органов самоуправления увеличивается передачею им целого ряда новых обязанностей» и что правительство приступает «к существенному и необходимому труду пересоставления всех уставов, точно устанавливающих обязанности земства и администрации». Кроме обещания разграничить сферы деятельности органов самоуправления и местной администрации, важным пунктом в выступлении Столыпина было заявление, что надзорные права администрации по отношению к органам самоуправления «закключаются в надзоре за законностью их действий», что могло пониматься как ликвидация надзора за целесообразностью, чего после принятия нового закона о земстве в 1890 г. долго и безуспешно добивались либералы.

Правительство в лице П. А. Столыпина провозгласило намерение «представительство», т. е. участие различных слоев населения в земствах, строить «на принципе налогового ценза». Этим, по словам Столыпина, с одной стороны, расширялся «круг лиц, принимающих участие в земской жизни», но, с другой стороны, обеспечивалось «участие в ней культурного класса землевладельцев»²⁸⁹.

Думцы с готовностью откликнулись на предложение председателя Совета министров принять к скорейшему обсуждению предложенные правительством законопроекты. Уже 19 марта 1907 г. 32 члена Думы заявили о необходимости незамедлительного обсуждения законопроектов о реформе местного управления и самоуправления и об избрании для этого думской комиссии. 15 мая было принято постановление: «Образовать комиссию из 33 членов: передать в нее внесенные министром внутренних дел законопроекты о поселковом управлении, о волостном управлении, о правительственных участковых комиссарах, об изменении и дополнении действующих узаконений об уездных установлениях и о преобразовании учреждений губернского управления». Избранная 18 мая комиссия 28 мая получила название Комиссии о местном управлении и самоуправлении²⁹⁰.

Однако II Государственная дума не успела приступить к обсуждению правительственных законопроектов, так как 3 июня 1907 г. была распущена.

Правительственный законопроект о волостном земском управлении с началом работы III Государственной думы 1 ноября 1907 г. перешел

²⁸⁹ Там же. Стлб. 110–112.

²⁹⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Состыв второй. Д. 926. Л. 59, 60.

к ней по наследству из II Думы поначалу в том виде, в каком он был 20 февраля 1907 г. внесен во II Думу. Но этот законопроект, наряду с другими законопроектами по реформе местного управления, подготовленными правительством Столыпина, подвергся резкой критике со стороны реакционных дворянских кругов. Содержание и тон этой критики хорошо показаны в вышеназванных работах В. С. Дякина и П. Н. Зырянова.

В ответ на критику справа Столыпин 16 ноября заявил о своем решении передать законопроекты на обсуждение Совета по делам местного хозяйства – совещательного органа при МВД.

В январе 1908 г. правительство отозвало свой проект местной реформы из III Думы, а в марте того же года правительственные проекты волостного и поселкового управления и земской избирательной реформы рассматривались на открывшейся первой сессии Совета по делам местного хозяйства²⁹¹.

Во вступительной речи на открытии сессии Совета 11 марта П. А. Столыпин более жестко, чем в речи во II Думе, определил приоритетность административных функций будущей волости над земско-хозяйственными: «Министерство настаивает на необходимости иметь крепкую, упорядоченную мелкую административную единицу, хотя и основанную на выборном начале, но ни в коем случае не могло бы помириться с созданием одной мелкой земской единицы, на которую в качестве превходящей функции было бы возлагаемо исполнение некоторых административных поручений»²⁹².

Таким образом, вопрос о соотношении и значимости двух составляющих функций будущей всесословной волости был для Столыпина принципиальным. Соответственно этому в правительственном законопроекте были поставлены и доминировали административно-полицейские обязанности волостных должностных лиц: «Основной задачей волостного управления ставится исполнение тех административно-полицейских функций, которые, согласно действующим уставам управления, исполняются существующими волостными и сельскими сословно-крестьянскими учреждениями». И только «в дополнение к этому» и только «ввиду отсутствия на местах низших органов уездных земских учреждений и невозможностью возложения всех поручений, вытекающих из деятельности земств, на разъездных агентов» – только поэтому – «волостные учреждения призываются также к постоянному исполнению обязанностей местных органов земства». За реформированными волостными земствами сохранялись «некоторые» полномочия «по местному благоустройству», которые были и у прежней крестьян-

²⁹¹ Дякин В. С. Столыпин и дворянство. С. 251–257.

²⁹² РГИА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 29. Л. 4; Дякин В. С. Столыпин и дворянство. С. 259.

ской волости, но возможность их расширения предусматривалась лишь «факультативно»²⁹³.

К середине апреля 1908 г. образованная Советом по делам местного хозяйства Комиссия по волостному управлению представила доклад по итогам обсуждения правительственного проекта волостного управления. Комиссия констатировала, что «руководящую идеею сего проекта является создание, взамен ныне существующей сословной волости, низшей вссословной административно-земской единицы».

В докладе устанавливалась связь между привлечением «выборных от населения к законодательной деятельности», т. е. появлением в общественно-политической реальности страны законодательной Государственной думы, и большим оживлением общественной самостоятельности на местах. «Уравнение же крестьян в правах с лицами прочих сословий точно также не может не отразиться на всей постановке местного управления, имея неизбежным последствием придание ему бессословного характера и устранение господствовавшего донныне в области крестьянского управления принципа административной опеки»²⁹⁴.

Комиссия соглашалась с правительственной объяснительной запиской к законопроекту в том, что «коллегияльный состав волостных управлений, установленный законом, в действительности обратился в фикцию», на практике всем ведают только волостной старшина с волостным писарем. С течением времени «волость из самоуправляющегося союза с широкой компетенцией в делах местного благоустройства превратилась на деле в низшую административную инстанцию, заваленную массой поручений правительственных и земских учреждений»²⁹⁵.

Либеральные элементы в обществе за много лет до появления на свет столыпинского законопроекта о волости писали о несправедливости несения расходов на волостные нужды одними крестьянами. Со временем это стало признавать и правительство, о несправедливости заговорили все, даже консерваторы. Комиссия от МВД в своем заключении по правительственному законопроекту тоже записала, что явно несправедливо, когда «общее государственное управление на низших своих ступенях осуществляется за счет одного только сословия и сословия наименее обеспеченного – крестьян», по к этому Комиссия добавила новый, весьма примечательный аргумент в обоснование необходимости перемен в волостном управлении. Несправедливость оказывалась не только в том, что расходы на управленческие нужды в волости несли одни крестьяне. «Равным образом, – по мнению Комиссии, – представляется

²⁹³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 34. Л. 251 об.

²⁹⁴ Там же. Л. 250.

²⁹⁵ Там же. Л. 250 об., 251, 252 об.

нецелесообразным, что участие в этом управлении оказывается привилегией этого же одного сословия, наиболее из всех к тому же неподготовленного»²⁹⁶. Это была явная заявка на руководящую роль в будущей всесословной волости так называемого «культурного элемента» – так любили себя именовать владельцы больших имений, от имени которых в Совете по местному хозяйству при МВД выступали приглашенные туда уездные и губернские предводители дворянства и консервативный дворянский элемент из земств.

Что же касается принципиального вопроса о соотношении административных и земских функций всесословной волости, то документы Комиссии по волостному управлению зафиксировали борьбу мнений и наличие разногласий.

Консервативно настроенное меньшинство Комиссии «высказалось за необходимость скорейшего усовершенствования лишь административной части волостного управления», мотивируя это, конечно, преодолением все той же «явной несправедливости несения волостных тягот за счет одного только крестьянского сословия». Что касается «административных функций волостных учреждений», то предлагалось «упорядочить их компетенцию» и поставить их «в определенные отношения к прочим звеньям государственно-административного строя вообще и к полицейским учреждениям <...> в особенности», т. е. используя современные понятия, встроить в государственную вертикаль с соответствующим подчинением вышестоящему административному органу. Таким образом, реформированная волость должна была остаться тем же низшим административным звеном, но теперь роль первой скрипки в нем должна была принадлежать представителям более высокой цензовой группы²⁹⁷.

Что касается второй стороны проектируемого реформирования волости – придания ей всесословно-хозяйственных функций, то в этом меньшинство Комиссии призывало к осторожности и неспешности.

«Между тем, другая сторона предполагаемого преобразования, а именно обращение существующей сословно-хозяйственной волости во всесословно-хозяйственную, иначе говоря, в земскую, представляется настолько сложною, настолько органически зависящею от имеющих быть преобразованным земства, платежных его сил и целого ряда местных условий, что, по мнению меньшинства членов комиссии, желательны особая осторожность в разрешении этого вопроса и всестороннее рассмотрение его на земских собраниях реформированного состава. Ныне же означенный вопрос можно разрешить лишь временно в смысле

²⁹⁶ РГИА. Ф. 1278. Он. 6. Д. 34. Л. 253.

²⁹⁷ Там же. Л. 253, 253 об.

придания волостным учреждениям характера вспомогательно-исполнительных органов уездного земства, с присоединением к их компетенции хозяйственных функций названного земства по соглашению с уездными земскими собраниями»²⁹⁸.

Большинство Комиссии попыталось было придумать такой вариант, который удовлетворил бы всех. Предлагалось создать в новой волости самостоятельные параллельные структуры управления – хозяйственную и административную. Первая являлась бы низшей мелкой земской единицей, вторая – низшим административно-государственным органом. Соответственно, мелкая земская единица должна была как-то координироваться с уездным земством, а административно-полицейское волостное управление встраивалось в общую властную государственную вертикаль.

По мнению Комиссии по волостному управлению Совета по делам местного хозяйства при МВД, этот вариант был наиболее желательным и теоретически возможным, но, к сожалению, чрезмерно финансово затратным.

«Переходя к обсуждению вопроса об административно-хозяйственном характере волостного управления, комиссия нашла, что как бы ни желательно было создание такой мелкой земской единицы, которая ведала бы исключительно дела местного благоустройства и благосостояния, дела земско-хозяйственные, и составляла бы низшее звено в цепи земских учреждений, от мысли этой приходится отказаться за невозможностью по финансовым соображениям содержать две параллельные организации, одну, обслуживающую потребности общего управления и состоящую в непосредственной зависимости от лиц и учреждений порядка административного, и другую, специально предназначенную для удовлетворения хозяйственных и общественных дел волости и находящуюся в определенном взаимоотношении к уездным земским учреждениям»²⁹⁹.

В итоге волость функционально осталась неразделенной, но ее административные функции, как и предусматривал правительственный проект, были поставлены на первое место: «Преобразуемая волость должна носить характер административно-хозяйственного органа»³⁰⁰.

В правительственном варианте законопроект вернулся в декабре 1908 г. в Государственную думу. В Думе он был подвергнут существенной критике.

Критическое отношение к правительственному проекту проявилось очень скоро после начала работы «Подкомиссии о волостном управле-

²⁹⁸ Там же. Л. 253 об.

²⁹⁹ Там же. Л. 252, 253 об., 254.

³⁰⁰ Там же. Л. 257.

нии», которая была образована думской «Комиссией по местному самоуправлению» 13 декабря 1908 г. Докладчиком от подкомиссии по правительственному законопроекту о волостном управлении был избран член фракции октябристов Ю. Н. Глебов. 31 января 1909 г. на третьем заседании Комиссии по местному самоуправлению он докладывал о мнении Подкомиссии об основных принципах правительственного законопроекта в форме вопросов, предлагавшихся на утверждение или отклонение Комиссией.

Так второй вопрос был сформулирован следующим образом: «Должна ли волость находиться в связи с уездным земством или же она должна представлять из себя совершенно обособленную организацию?»³⁰¹.

Ответ должен был прояснить, останется ли волость «по-прежнему единой управлений» или она будет «звеном», частью «общественного самоуправления», т. е. связана с уездным земством. Комиссия согласилась с последним положением. В такой постановке вопроса уже намечалось расхождение с правительственным вариантом законопроекта, хотя и в нем прописывались определенные взаимоотношения между волостным и уездным земствами. Это расхождение более определенно выявилось при обсуждении третьего вопроса, поставленного Подкомиссией:

«Должна ли волость быть чисто хозяйственной единицей или же ей могут быть приданы и некоторые функции местно-административного характера?»).

Нетрудно заметить, что акценты в такой постановке вопроса были расставлены совершенно иначе, чем в выступлении П. А. Столыпина на открытии первой сессии Совета по делам местного хозяйства при МВД. Докладчик Ю. Н. Глебов этого и не скрывал. Он прямо заявил, что «по этому вопросу взгляд подкомиссии расходится с правительственным законопроектом». У правительства волость – «единица управления», имеющая в дополнение «некоторую сумму обязанностей и полномочий местно-хозяйственных». Тогда как подкомиссия, «напротив того <...> пришла к определенному заключению, что волость должна быть, прежде всего, и главным образом хозяйственной единицей». Думская подкомиссия соглашалась с тем, что «создавать еще одну отдельную административную единицу является крайне неудобным и нежелательным», поэтому преимущественно хозяйственной волости «должны быть приданы некоторые (выделено мною. – В. Г.) функции местно-административного характера». При этом Глебову не нравилось слово «должны», означавшее, по его мнению, возможность обязательного накладывания на волость административно-полицейских обязанностей в количестве,

³⁰¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3509. Л. 7 об.

потребном вышестоящему начальству. Слово «должны» предлагалось заменить словом «могут».

Некоторые члены Комиссии по местному самоуправлению возразили против определения реформируемой волости как «хозяйственной единицы», оно казалось недостаточно определяющим земские функции волостных органов. Они предложили заменить его выражением – «единица общественного самоуправления». Наконец, член фракции «польское коло» В. Ф. Грабский предложил определение волости, которое устроило большинство Комиссии. Оно гласило: «Волость должна быть низшим органом общественного самоуправления с местными хозяйственными и некоторыми, определенными в законе, административными функциями»³⁰².

В ходе дискуссии присутствовавший на заседании Управляющий земским отделом МВД Я. Я. Литвинов попытался убедить членов думских Комиссии и Подкомиссии в том, что «в существе правительственный законопроект не расходится с комиссией во взгляде на волость, как на хозяйственную единицу, и та часть объяснительной записки к проекту Положения о волостном управлении, на которую ссылался докладчик подкомиссии, имеет, по преимуществу, исторический характер, являясь результатом существующего с давних времен взгляда на волость, как на единицу управления»³⁰³. Однако это не соответствовало принципиальному положению, высказанному в программном выступлении П. А. Столыпина 11 марта 1908 г. на открытии весенней сессии Совета по делам местного хозяйства.

Реформированная всесословная волость, по мнению большинства членов думских Комиссии и Подкомиссии, была призвана стать помощником уездным и губернским земствам в качестве более мелкой земской единицы, которая занималась бы в основном теми же делами, что и уездные и губернские земства, но на менее значительном пространстве, исполняя те местные хозяйственные нужды, до которых у уездных и тем более губернских земств не доходили руки вследствие нехватки людей и удаленности от конкретных поселений. Хозяйственные обязанности при этом должны были находиться на первом месте.

В апреле 1910 г. Комиссия по местному самоуправлению III Государственной думы вместе с образованной ею Подкомиссией о волостном управлении вновь заслушали доклад товарища председателя Комиссии Ю. Н. Глебова об итогах работы Подкомиссии по обсуждению основных положений думского комиссионного варианта законопроекта о волостном самоуправлении в сопоставлении с правительственным вариантом о волостном управлении.

³⁰² Там же. Л. 7 об.–8 об.

³⁰³ Там же. Л. 8.

В итоговом докладе был вновь поднят вопрос о соотношении хозяйственных и административных функций новой волости. Было признано, что реформированная волость «должна иметь и известные административные обязанности». Но при этом опять подчеркивалось, что «обязанности хозяйственные земские должны быть поставлены во главе». При чем «изложенный взгляд на характер будущей волости подкомиссия признала нужным оттенить и в самом названии законопроекта, изложив его как “Положение о волостном земском (выделено мною. – В. Г.) управлении”»³⁰⁴. (Правительственный законопроект именовался «Положение о волостном управлении»).

Подкомиссия сочла нецелесообразным детализировать хозяйственную деятельность земской волости, чтобы избежать «толкование предметов ведения волостного земства со стороны администрации».

Территория волости должна была представлять собою сплошные округа, без чересполосицы с другими волостями, и с населением не менее трех тысяч человек обоего пола. Именно такой минимум народонаселения, по мнению Подкомиссии, позволял волости самообеспечивать хозяйственные нужды. Право изменять границы волости очень либерально предоставлялось «местным учреждениям, близко знакомым с условиями и требованиями местной жизни».

Ведать всеми делами волостного земства должно было «волостное земское собрание», право выбирать которое предоставлялось «лишь лицам, владеющим недвижимым имуществом, обложенном волостным сбором». «Никаких размеров ценза подкомиссия решила не устанавливать, находя, что и мелкие плательщики могут быть существенно заинтересованы» в правильном ведении волостного хозяйства». Но устанавливалось деление избирателей на отдельные курии, и количество гласных между куриями распределялось «сообразно тому, сколько уплачивает волостного сбора каждая курия в отдельности». Крестьяне-общинники выделялись в отдельную курию. Вопреки настояниям крупных землевладельцев они не выделялись в отдельную курию, было принято «основанием деления более или менее крупное владение, а не различие торгово-промышленных и земледельческих интересов». Женщинам, «обладающим имущественным цензом», предоставлялись избирательные права наравне с мужчинами.

Исполнительным органом волостного собрания устанавливалась волостная земская управа, которая рассматривалась как «учреждение коллегиальное», причем принцип коллегиальности рассматривался не только как реально необходимый в настоящее время, а и как инструмент для приучения населения к более демократическим способам управления. «Установление коллегиального начала, по мнению подкомиссии,

³⁰⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3509. Л. 180.

будет иметь известное воспитательное значение для населения, и если теперь в некоторых местностях обязанности волостной управы могли бы быть исполнены единоличным органом (т. е. председателем управы. — В. Г.), то в скором времени жизнь волости, несомненно, разовьется настолько, что коллегиальный состав исполнительного органа явится необходимым». Впрочем, предполагалось, что полицейские и административные обязанности председатель управы должен исполнять единолично, но при этом «подкомиссия стремилась сложить с председателя волостной управы те из них, возложение которых не обуславливается необходимостью».

Вообще «положению исполнительного органа волостного управления Подкомиссия находила нужным придать возможно большую самостоятельность» и даже «отвергла утверждение должностных лиц, находя, что избрание данных лиц местным населением достаточно устанавливает пригодность их для исполнения возложенных на них обязанностей»³⁰⁵.

Однако не все члены Комиссии по местному самоуправлению были согласны с рядом корректировок Подкомиссией правительственного законопроекта. 13 членов Комиссии из фракций умеренно правых и русской национальной фракции выразили особое мнение по поводу изменения названия правительственного законопроекта, а именно высказались против включения в него слова «земское». Их не остановило то, что с этой корректировкой названия согласилось большинство Комиссии. Свое несогласие они мотивировали следующим образом:

«Комиссия по местному самоуправлению заменила заголовок правительственного законопроекта “Положение о волостном управлении” новым заголовком “Положение о волостном земском управлении”. Мы полагаем, что предлагаемый правительством заголовок более соответствует содержанию законопроекта, так как волость административная единица смешанного характера и функции управления будут в ней преобладать над функциями самоуправления даже согласно проекту комиссии. Таким образом, придача волости характера земской единицы и подчеркивание в заголовке непосредственной связи ее с земством не соответствует существу дела»³⁰⁶.

Правые были также против передачи права изменения границ волостей на места, считая это компетенцией государственных органов. Их представители в Комиссии с присоединением двух октябристов выразили протест против предоставления женщинам права быть избираемыми в гласные волостного собрания, считая достаточным дать им право быть только избирателями.

³⁰⁵ Там же. Л. 181–182.

³⁰⁶ Приложения к топографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия IV. СПб., 1910. Т. 1. С. 67.

Представители тех же фракций высказались против обязательного коллегиального характера исполнительных органов волости. Однако по всем этим вопросам они остались в меньшинстве.

В то же время надо сказать, что на одном из последних своих заседаний (вероятно, весной 1911 г.) думская Комиссия по местному самоуправлению сделала шаг к компромиссу с правительственным проектом, записав, что «цель как управления, так и самоуправления должна быть несомненно одна и та же – благо государства и благополучие отдельных его граждан». Поэтому новая всесословная волость должна исполнять «обязанности как хозяйственного, так и административного свойства». Тем не менее, в определении характера проектируемого территориального образования на первое место все же были поставлены его хозяйственно-земские, а не административные признаки.

«Означенное решение Комиссии об образовании единицы хозяйственно-административного характера выдвинуло весьма существенный вопрос о том, чтобы вновь создаваемое учреждение было поставлено в такие условия, которые содействовали бы правильному выполнению обоего рода обязанностей, условия, при которых административные обязанности не заглушали бы земской деятельности, но вместе с тем и не являлись бы придатком, имеющим второстепенное значение»³⁰⁷.

Пункт первый «Положения о волостном управлении» (правительственный вариант названия) и пункт первый «Положения о волостном земском управлении» (думский вариант), трактующие о предметах ведения реформированных волостных органов имели одинаковый текст, за исключением одного слова – «земского»:

«1. К ведомству волостного (земского) управления, в пределах власти, указанных в сем Положении, относятся: 1) попечение о местном благоустройстве и благосостоянии, 2) охрана общественного порядка и безопасности лиц и имущества и 3) обеспечение надлежащего исполнения государственных и земских повинностей, а также законных распоряжений как правительственных, так и общественных учреждений»³⁰⁸.

Вопрос состоял в том, как на практике были бы расставлены приоритеты между первым пунктом «ведомства» и двумя последующими. После вступления закона в действие, очевидно, началось бы «перетягивание каната». Первые признаки этого намечались уже весной 1911 г., еще до думского голосования по законопроекту. Думская комиссия по местному самоуправлению согласившись в итоге поставить непрочный

³⁰⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографический отчет. Сессия IV. 1910–1911. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1911. С. 302–303.

³⁰⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3509. Л. 189 об.; Государственная дума. Третий созыв. Стенографический отчет. Сессия IV. СПб., 1911. Ч. 3. Стлб. 4609–4610.

знак равенства между всеми функциями волостного земства, одновременно объявила, что она «пересмотрела вместе с тем все административные обязанности, которые возложены в настоящее время на исполнительные органы волостного управления, и точно определила в законе те из них, которые должны будут выполняться исполнительными органами волостного земства, поставив в сем отношении эти последние под надзор местных административных учреждений»³⁰⁹.

Таким образом, следует, на наш взгляд, подвергнуть корректировке высказанное авторитетным исследователем политики П. А. Столыпина В. С. Дякиным мнение, что принятый III Государственной думой «закон о волостном управлении» был принят «на основе правительственного проекта»³¹⁰.

Государственная дума на пленарном заседании 13 мая 1911 г. после обсуждения в трех чтениях правительственного законопроекта о волостном управлении приняла его в основном в варианте, предложенном думскими комиссиями.

Предлагая свой вариант законопроекта о волостном земском управлении Государственной думе, его сторонники считали, что этим проектом они вносят вклад в постепенное создание в России элементов гражданского общества. «Важность проектируемой реформы, — резюмировал докладчик от Подкомиссии Ю. Н. Глебов, — заключается в том, что она создаст крайне необходимый в местной жизни новый орган общественного самоуправления, являющийся вместе с тем помощником правительственной власти в деле административного управления, внесет жизнь в деревню, приучит население к самостоятельности, воспитает его на началах законности и создаст, таким образом, элементы, при наличии которых возможно существование правового государства»³¹¹.

Оценивая с кадетской точки зрения ход работы думской Подкомиссии о волостном управлении, «которая в настоящее время почти заканчивает выработку всего законопроекта» А. И. Шингарев писал в 1910 г.: «Его основные принципы, а в особенности его детали, довольно далеко разошлись с проектом правительственным и приняли, сравнительно с ним, более соответствующие решения по пути организации мелкой самоуправляющейся земской ячейки, хотя все же далеки от принципиальных положений»³¹². Более критически он был настроен в

³⁰⁹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографический отчет. Сессия IV. 1910–1911. Обзор деятельности комиссий и отделов. С. 303.

³¹⁰ Дякин В. С. Столыпин и дворянство. С. 273.

³¹¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3509. Л. 182.

³¹² Шингарев А. И. Волостное земство (работа думской подкомиссии 1909 г.) // Земское дело. 1910. № 2. С. 105.

1911 г., когда разбирал основные положения и детали конечного думского продукта. Но и тогда он считал, что «даже вполне понимая всю искаленность принятого Думою проекта, всю его двойственность, можно, тем не менее, в заключение все же желать его скорейшего прохождения в жизнь»³¹³.

Этого не получилось. Как известно, после трех лет проволочек «Положение о волостном земском управлении» 20 мая 1914 г. было отвергнуто Государственным советом большинством всего в пять голосов. Борьба за законопроект о всесословной волости продолжилась в IV Думе. Но это – тема отдельной статьи.

А. А. ИВАНОВ

Г. А. Щечков: «Не могу сочувствовать умеренности в истине». К вопросу о политических взглядах парламентария-монархиста

Георгий Алексеевич Щечков был одним из наиболее заметных депутатов фракции правых III–IV Государственной думы. Опытный юрист, самобытный консервативный публицист и активный участник монархического движения, Щечков, однако же, до сих пор не стал предметом пристального внимания историков. На сегодняшний день, насколько нам известно, этому правому политику посвящено лишь три справочных статьи³¹⁴, достаточно подробно фиксирующие вехи жизненного пути Щечкова, но довольно схематично представляющие его политические взгляды. Между тем, принадлежа к крайне правому лагерю, Г. А. Щечков нередко излагал довольно интересные мысли, отличные от взглядов таких своих софракционеров как В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков, Г. Г. Замысловский и др.

Г. А. Щечков родился 1 августа 1856 г. в селе Волынцево Путивльского уезда Курской губернии в семье потомственных дворян. Получив образование в основанном М. Н. Катковым Лицее Цесаревича Николая

³¹³ Шингарев А. И. Волостное земство по проекту Государственной думы // Земское дело. 1911. № 18. С. 1233.

³¹⁴ Кирьянов Ю. [И.]. Щечков Г. А. // Политические партии России. Концы XIX–первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 698; Степанов А. [Д.], Щечков Г. А. // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм / Гл. ред., сост. О. А. Плагонов, сост. А. Д. Степанов. М., 2003. С. 870–871; Николаев А. Б., Романов Р. Б., Щечков Г. А. // Государственная дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Государственная дума Российской империи (1906–1917) / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2006. Т. 1. С. 725–726.

(1876), он поступил на юридический факультет Московского университета, по окончании которого (1880), ввиду смерти отца, поселился при матери в родовом имении и занялся ведением хозяйства. Отдавшись общественной деятельности (Шечков был почетным мировым судьей, уездным земским гласным и уездным предводителем дворянства), Георгий Алексеевич не оставлял занятий наукой, работая над трактатом «Об отношении Церкви к Государству и об организации власти, по православному сознанию», в котором стремился выяснить с исторической и догматической точки зрения как цели, так и методы православной политики. К сожалению, работа эта не была завершена и местонахождение ее до сих пор остается неизвестным.

Придерживаясь консервативных взглядов, Шечков вскоре стал активным участником правого движения. Он входил в монархический «Кружок москвичей», был близок с А. Д. и Ф. Д. Самаринными, Д. А. Хомяковым, К. П. Степановым и другими продолжателями славянофильских традиций. В 1902 г. он вступил в петербургское Русское собрание, в заседаниях которого регулярно делал доклады на различные темы («О несостоятельности начала большинства голосов», «О гонениях на Православие в России», «О масонстве, масонах и об их отношении к Государственной думе», «Внешняя политика России» и др.). С началом первой российской революции Шечков из консерватора-теоретика превратился в политика-практика – он вступил в основанную графом В. Ф. Доррером Курскую народную партию порядка, позже вошедшую на правах отдела в Союз русского народа. Вскоре Шечков также стал членом Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела (с 1909); в 1907–1917 гг. состоял членом фракции правых III–IV Государственных дум; был активным участником монархических съездов и совещаний, а также членом Устроительного совета всероссийских съездов правых (1912); входил в состав правления, основанного В. М. Пуришкевичем Всероссийского Филаретовского общества народного образования (1914). С этого же времени Шечков начинает активно печататься в монархической периодике – «Московских ведомостях», «Мирном труде», «Вестнике Русского собрания» и других правых изданиях.

Что же касается политического кредо Г. А. Шечкова, то, поскольку оно напрямую вытекало из православного вероучения, сам он сформулировал его следующими словами: «Я, господа, правый, просто правый, и потому не могу сочувствовать умеренности в истине»³¹⁵. «Мы, признавая кораблем спасения святую Церковь, обязаны, прежде всего,

³¹⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1909. Ч. I. Стиб. 1153.

надеясь на ее ограду, а кони, колесницы и броневые стены – все это приложится нам. И эту истину мы теперь более чем когда-либо должны иметь мужество в слове и деле исповедовать пред лицом восставшего на нас языческого мира», – подчеркивал православный политик ³¹⁶.

Исходя из этих взглядов, Щечков выступал с резкой критикой «секулярного консерватизма», критиковал взгляды русских националистов и в частности их тезис «Россия для русских»: «Это, якобы очевидное положение все почти склонны принимать нынче за аксиому и ... все же, почему-то, считают необходимым еще и еще раз провозглашать его во всеобщее сведение в патриотических речах и газетных передовицах. Обо всем этом не стоило бы и говорить, если бы дело ограничивалось кружком сторонников шаблонного европейского национальничанья (! – А. И.), но «Россия для русских» возглашается устами двигателей нашего самосознания. Этот клич националистического сепаратизма (!! – А. И.) выкрикивается борцами нашего единства. Тут, очевидно, досадное недоразумение»³¹⁷. Далее Щечков отмечал, что, во-первых, этот, набиравший популярность в правых кругах лозунг ³¹⁸ не является самобытным, а лишь «рабским осколком» с известных формул: «Англия для англичан», «Германия для германцев» и т. д.; а во-вторых, – таит в себе опасность разрушения империи: «Нет, Россия не для русских (sic), если мы не хотим, чтобы в черте еврейской оседлости она мечталась якобы призванной служить только для евреев, а в черте армянской – для армян и т. д. <... > Россия – для православных! <...> Мы не “язык”; мы – народ крещеный. Нам недостаточно одной кровной связи: у нас на первом месте связь духовная. Мы, прежде всего, православные, а потом уже великорусы, грузины, малорусы, молдаване, литовцы, белорусы и т. д.», – доказывал правый публицист ³¹⁹.

Лозунг «Россия для православных», подчеркивал Щечков является наиболее точным и не для кого необидным, поскольку, полагал он, «только тот истинно русский, кто православен и только тот православен, кто истинно веротерпим» ³²⁰. Раскрывая смысл своих слов, политик отмечал, что православие всегда было «веротерпимейшим» из всех вероисповеданий, и потому только при его государственном господстве всем другим религиям обеспечивается разумная свобода и право мир-

³¹⁶ Щечков Г. А. Наше знамя. Харьков, 1905. С. 8.

³¹⁷ Там же. С. 4.

³¹⁸ Подробнее см.: Иванов А. А. «Россия для русских»: pro et contra. Правые и националисты конца XIX – начала XX вв. о лозунге «русского Возрождения» // Трибуна русской мысли. Религиозно-философский и научно-публицистический журнал. 2007. № 7. Сентябрь. С. 92–102.

³¹⁹ Щечков Г. А. Наше знамя. С. 4–5.

³²⁰ Там же. С. 11.

ного существования. Исходя из этого, Шечков полагал, что в сохранении православия заключается сущность русского народа в частности и славянства в целом, ибо «где у соплеменников наших нет православия – нет славянства»³²¹. Подчеркивая, что для западноевропейского мира главной ценностью является государство, Шечков писал, что для православно-славянского мира преданность государству является лишь «послушанием, возлагаемым на верующих святою Церковью», отмечая, что подчинение власти происходит «для Бога, ради исполнения Его воли, а не ради своих личных или общих хотений или расчетов»³²².

Поэтому, естественно, что царскую самодержавную власть Шечков понимал как бремя, священный долг, возложенный на царя Богом, как «высший вид обязанности, а не право и вольность или привилегию»³²³. Подчеркивая, что русское самодержавие принципиально отличается от власти королевской или императорской (добытой силой и зависящей от прихоти ее носителя), Шечков рассматривал его как власть отеческого характера при которой «Царь-батюшка» относится к своим подданным не как господин к рабам, а как отец к детям: «“Царь-Отец” не властен отрицать лежащих на нем обязанностей к своим детям – подданным, потому же, почему и всякий обыкновенный отец (по народному, “Государь-Батюшка”) нравственно не в праве освобождать себя от лежащего на нем долга родительского»³²⁴. При этом Шечков отмечал, что власть русского царя вовсе не является неограниченной: «Самодержавие в своем истинном <...> значении находится в неразрывном союзе с Русской народностью и с Православием. Без Православия и Народности Самодержавие практически невозможно, ибо религия и национальность – это два ограничивающие Царскую власть начала. Без них Самодержавие перестало бы быть таковым и обратилось бы в простое самовластие, в абсолютизм или деспотию»³²⁵. Понимая под абсолютизмом продукт романо-германского мира, политик писал: «Русь Самодержавием строилась, а абсолютизмом болела», а потому: «Да здравствует Самодержавие и долой абсолютизм!»³²⁶.

Укрепление государственности Шечков видел не в урезании прав самодержца (т. к. царь «самим народом выращенный» и «Самим Богом поставленный» не волен отречься хотя бы от части дарованной ему

³²¹ Там же. С. 6.

³²² Там же. С. 11.

³²³ Шечков Г. А. Сущность самодержавия. Харьков, 1906. С. 6.

³²⁴ Там же. С. 3.

³²⁵ Там же. С. 6.

³²⁶ Шечков Г. А. Об истинном значении некоторых слов. Харьков, 1906. С. 6, 17.

власти), а в «очищении» самодержавия «от всего несогласного со святыми канонами» (путем созыва Поместного Собора Российской церкви) и «освобождения самодержавия от бюрократического искажения» (путем созыва Земского Собора) ³²⁷.

Согласно Щечкову, «по исторической природе своей Россия есть Государство соборное, а не полицейское или счетно-конторское, и Царь русский, как всеми людьми Земли соборно чтимый Самодержец, есть по природе своей соборный человек» ³²⁸. По его мнению, Земские Соборы, существовавшие в Московской Руси, были идеальной формой взаимоотношений основных составляющих русской государственности – православия, самодержавия и народности, пришедших в лице данного представительного учреждения «в полное единение между собой». При этом Щечков отмечал, что Земские Соборы возникли не из народных собраний, а из Освященного собора (соборания высшего православного духовенства) и потому не имели ничего общего с европейскими представительными учреждениями. Поэтому он считал необходимым восстановить соборное начало в государственном управлении в его первоначальном виде, и призывал всех православных подданных русского царя противопоставить в своем сознании начала соборности «хилым принципам парламентаризма» ³²⁹.

Отношение к государству у Щечкова также базировалось на сугубо религиозных принципах, а потому «государствопоклонничество», стремящееся лишь к увеличению славы своего отчества, было для него чуждым. «Для нас, – писал он, – государственность – не все и вся, и мы для нее не можем жертвовать решительно всем на свете. Мы не можем, например, поступиться ради вящей славы отчества требованиями нашей христианской веры и нравственности, а этого стеснения не знают наши враги <...> Наша преданность государству – “послушание”, возлагаемое на верующих Святой Церковью. Церковь требует подчинения всяческой власти, как установлению Божию, и мы подчиняемся государству “для Бога”, ради исполнения Его воли, а не ради своих личных или общих хотений или расчетов». При этом, Щечков тут же отмечал, что всякий православный должен быть счастлив, что должен повиноваться православному самодержцу, власть которому дана над русским народом «по Божией к нам милости, а не по Божиему грозному поущению, как то было некогда при <...> царях ордынских времен...» ³³⁰.

³²⁷ Щечков Г. А. Сущность самодержавия. С. 3, 7.

³²⁸ Цит. по: Омельяничук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006. С. 298.

³²⁹ Цит. по: Омельяничук И. В. Указ. соч. С. 299–300.

³³⁰ Щечков Г. А. Наше знамя. С. 8–10.

Выступая против бюрократического засилья, Щечков называл его одним из виновников революции 1905 года, т. к. «абсолютизм чиновников» превратил их из «слуг Родины» в «слуг собственной карьеры», чуждых понимания исторической роли России и русского народа. Винил политик российских чиновников всех рангов и за то, что вместо того, чтобы слушать законопослушную часть русского общества, те вели себя как на хмельном пиру: «Кто стекл не бьет, вина не просит, того слуга всегда обносит...». «Мы стоим на легальной почве, а противники наши – на нелегальной, ведут они себя нагло, буйно, революционно и... их слушают; их незаконные требования не остаются без удовлетворения»³³¹.

Ситуацию, сложившуюся после издания Манифеста 17 октября, Щечков характеризовал как «безотечество», полагая, что «прежней, своей России – у нас не стало, а новой, заграничной – еще пока не введено»³³². «Мы – сироты: у нас не стало отечества; надо иметь мужество в этом сознаться. Это – не сенсационная выдумка, не бред потрясенного событиями сознания, это – не преувеличение даже ради чьего-либо запугивания... Это – истина очевидная, осязаемая, несомненная. Именно в безотечестве и ни в чем ином – весь трагизм нашего теперешнего политического бытия, или вернее небытия. Здесь загадка нынешнего, очевидного у нас торжества космополитических идей и элементов, торжества гуманных антимилитаристов, антипатриотов, антинационалистов и всяких идейных и практических антихристов и анархистов»³³³.

Видя преодоление «революционной смуты» в консолидации всех патриотических сил вокруг церкви, Щечков отмечал, что если в Смутное время XVII в. «на безгосударстве оставался <...> государем патриарх <...>, [то] на безотечестве у нас теперь отечество – Церковь Православная»³³⁴. Если же русскому народу не удастся вернуться к своим духовным основам, писал публицист, то раз «людям дастся по вере их», а «мы утратили веру в свою духовную личность, то, стало быть, мы ее потеряли». «Раз мы уверовали в свою изжитость, то нам будет дано испытывать одно умирание»³³⁵.

Впрочем, оставаясь убежденным монархистом, Щечков был вынужден «со смирением» принять новое государственное устройство, вводимое царским Манифестом 17 октября 1905 г., отмечая, что пра-

³³¹ Щечков Г. А. Лихолетье на безотечестве. Харьков, 1906. С. 6.

³³² Там же. С. 10.

³³³ Там же. С. 4.

³³⁴ Там же. С. 11.

³³⁵ Щечков Г. А. Государственная дума и несостоятельность начала большинства как принципа государственно-общественного строительства. Харьков, 1911. С. 8.

В годы Первой мировой войны Щечков, состоявший уполномоченным Курской организации помощи армии и часто «доходивший до самых окопов»³⁴⁵, в отличие от позиции большинства правых монархистов придерживался англофильских позиций. Он принимал участие в работе Петроградского совещания монархистов (1915 г.), на котором выступил по вопросу о борьбе с либеральным Прогрессивным блоком; был сторонником жестких мер по наведению порядка в тылу, считая, что «нельзя безнаказанно жить при условиях военного времени, но не по законам военного времени»; призывал ввести на время войны полевые законы; был противником отмены черты еврейской оседлости «без замены ее чем-нибудь более действенным»; до последнего поддерживал правительство, считая, что требовать его отставки вместе с либеральной оппозицией, значит «капитулировать перед сволочью и выдавать сторонников порядка головой»³⁴⁶.

После раскола в ноябре 1916 г. думской фракции правых Щечков остался в наиболее консервативной группе сторонников Н. Е. Маркова. Несмотря на это, видимо, из-за своей проанглийской внешнеполитической ориентации, за 2 недели до Февральской революции депутат получил приглашение от думских либералов подключиться к антимонархическому заговору, но в резкой форме отклонил предложение. После февраля 1917 г. Щечков перебрался в Москву, где перенес сердечный приступ. Поправившись, депутат-монархист уехал в родовое имение Волинцево, а оттуда, после разгрома усадьбы – в Киев. После падения власти гетмана П. П. Скоропадского Щечков, как и многие правые русские деятели, остававшиеся в Киеве, был арестован петлюровцами и 2 месяца пробыл в Лукьяновской тюрьме. С момента второго занятия Киева большевиками (январь 1919 г.) Щечков находился на нелегальном положении, скрываясь под чужим именем до занятия города белыми.

К большевизму Г. А. Щечков отнесся резко отрицательно, понимая под ним воплощение борьбы сил зла с христианством, т. к. большевизм, по его мнению, опирался на самые низменные свойства человеческой души: эгоизм, жадность, вероломство, разврат, жестокость. Если не положить ему конец, предсказывал Щечков, «то Россия останется без Церкви, без национальной интеллигенции, без традиций и обратится в страну измученных, голодных, обнищавших рабов, готовых за кра-

³⁴⁵ Из дневника Л. А. Тихомирова (1915–1916 годов) // Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX–начало XX вв.): Монография. М., 2006. С. 355.

³⁴⁶ См.: Иванов А. А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917). СПб., 2006. С. 94–95, 127–128.

Таврический дворец

11 декабря 2007 года.
Научно-практический семинар.
Думский зал

Выступление М. И. Кротова
на пленарном заседании

Участники пленарного
заседания И. В. Алексеева,
И. В. Лукоянов

Выступление на пленарном
заседании Р. А. Циунчука

Выступление на пленарном
заседании В. А. Ачкасова

Заседание секции № 1.
Руководитель секции
И. В. Лукоянов,
участники секции
В. А. Нардова, Б. Д. Гальперина

Руководители секции № 2
А. Ю. Воликов, С. Э. Калюжин, Н. Н. Лазукова

Заседание секции № 2

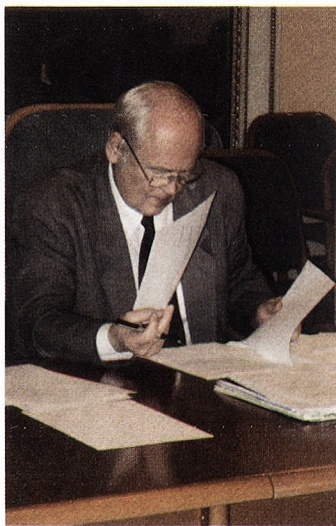
25 мая 2007 года. Открытие выставки «Первый день Государственной думы (27 апреля 1906 года)». Выставку открыл председатель попечительского совета Музея Б. В. Грызлов. Выставку освятил настоятель храма Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной пл. протоиерей Константин

Научный сотрудник Музея О. Н. Гавриленко проводит экскурсию для О. В. Муромцевой (внучки Председателя первой Государственной думы С. А. Муромцева), а также консула Франции в Санкт-Петербурге М. Обри с супругой

Директор Музея
Л. А. Крохина

Председатель научно-методического
совета при Музее К. А. Пшенко

Заседание научно-методического совета

А. Б. Николаев и Том Мешери (потомок В. Н. Львова
депутата III и IV Государственных дум) в Думском зале
Таврического дворца

С. В. Куликов

юшку заплесневелого хлеба работать физически на кого угодно, кто только обеспечит им кое-какую безопасность и относительное спокойствие»³⁴⁷.

После отступления в ноябре 1919 г. генерала А. И. Деникина из Киева, Щечков бежал из города и «после трехнедельного мучительного странствования в холодных скотских вагонах, очутился в Одессе, под тем же чужим именем, под которым он укрывался в Киеве»³⁴⁸. Скончался Георгий Алексеевич от сердечного приступа 5 июля 1920 г. и был похоронен на Преображенском кладбище г. Одессы.

А. В. КОСТЫЛЕВ

Избирательная кампания в IV Государственную думу в Санкт-Петербурге

Нужно отметить, что выборная тематика в историографии традиционно отступала на второй план, являясь лишь вспомогательным сюжетом при изучении думской деятельности. Между тем, именно выборы в Думу являлись проверкой партийных лозунгов и программ на «прочность», на популярность в среде избирателей, именно в их ходе осуществлялась реальная связь страны с Думой. Кроме того, думские избирательные кампании всегда чутко реагировали на все колебания маятника политической модернизации, на все взлеты и падения российского парламентаризма. В этой связи особенно актуальным и, можно сказать, злободневным будет изучение выборов в IV Государственную думу, бывших, по словам Ю. Б. Соловьева, одним из наиболее важных этапов политической реконксты, которую проводило самодержавие после 1907 г.³⁴⁹ Они проходили в условиях жесточайшего административного прессинга, который имел своей целью любыми путями создать твердое реакционное проправительственное большинство.

Выборы в крупнейших центрах, в том числе и столицах, имели ряд характерных особенностей. Они были, во-первых, наиболее политизированными, охваченными партийными структурами; во-вторых, гораздо более свободными от вмешательства властей; в-третьих, в них принимал реальное участие гораздо больший в процентном отношении ко всему

³⁴⁷ Цит. по: [Жевахов Н. Д.] Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 2. С. 88.

³⁴⁸ Там же. С. 87.

³⁴⁹ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990. С. 237.

населению контингент избирателей, они ближе всего подходили ко всеобщим. Не стоит, наконец, забывать, что третьеиюньский избирательный закон впервые в истории России ввел практику прямых выборов в некоторых мегаполисах, в том числе обеих столицах.

Другим нововведением акта 3 июня 1907 г. было искусственное разделение городских избирателей на две курии, причем в городах с отдельным представительством они раздельно избирали равное количество депутатов Думы. В Петербурге, сохранившем свои 6 мест, трех депутатов выбирал первый съезд избирателей и трех – второй. Съезды делились по имущественному принципу. Согласно ст. 42 третье июньского закона, избирательным правом по 1-й курии в столицах обладали: 1) владельцы недвижимости, оцененной при взимании земского или городского сбора в сумму не менее 3000 рублей; 2) владельцы торгово-промышленных предприятий, выплачивающих промысловый налог для торговых – 1-го разряда, для промышленных – первых трех разрядов. Разумеется, это были крупнейшие собственники, обладатели состояний не меньше чем в несколько десятков тысяч рублей. По 2-й курии голосовали: 1) все остальные владельцы обложенной налогами недвижимости; 2) владельцы менее крупных торгово-промышленных предприятий; 3) плательщики квартирного налога, 4) плательщики личного промыслового налога (ремесленники, мелкие торговцы, работники сферы услуг); 5) съемщики отдельных квартир; 6) государственные чиновники, служащие сословных, земских, городских учреждений (за исключением «нижних служителей» и рабочих), а также пенсионеры всех указанных категорий³⁵⁰. Несмотря на заложенный в законе имущественно-служебный принцип, круг избирателей этой курии был довольно широк.

Стартом избирательной кампании в северной столице можно считать 8 сентября 1912 г., когда в «Ведомостях Санкт-Петербургского градоначальства» были опубликованы списки избирателей. Списки также были вывешены в Александровском зале Городской думы для того, чтобы каждый имевший избирательное право мог удостовериться в наличии там своего имени. В случае его отсутствия в двухнедельный срок можно было подать заявление в избирательную комиссию, представив соответствующий документ, удостоверяющий обладание правом голоса (промысловое свидетельство, свидетельство о выплате квартирного и т. д.). Всего в губернскую избирательную комиссию поступило порядка 400 жалоб на невнесение, из них только 40 было удовлетворено. В основном это были заявления от квартирантов, которые были настоящей головной болью ответственных за подготовку выборов орга-

³⁵⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVII. 1907. СПб., 1910. С. 326.

нов. Многие избиратели жаловались также на неправильные адреса, что вполне можно понять, учитывая внутригородскую миграцию. В целом нареканий по поводу избирательных списков по сравнению с первыми выборами стало значительно меньше, что вполне логично. С одной стороны, в течение шести с половиной лет была проведена значительная работа по учету избирателей, с другой – их самих стало значительно меньше. С 1906 г. различные сенатские разъяснения, изменение избирательного закона неуклонно сокращали число городских избирателей: на выборах в I Государственную думу их было около 146 тыс., во вторую – 119,2 тыс., в третью по обеим куриям – 87 тыс., наконец на последних выборах – только 75,5 тысяч.

Важнейшим средством агитации на городских выборах были предвыборные собрания, начавшиеся за полтора месяца до дня голосования. На них происходило знакомство избирателей с партийными лозунгами и программами, и что важно для прямых выборов, живое общение с кандидатами в депутаты. Именно они были главными ораторами. Нередко для этого даже приходилось переезжать из собрания в собрание. Так, например, 8 октября 1912 г. П. Н. Милуков выступил на кадетском собрании в зале фон Дервиза, а затем успел поучаствовать в полемике с левыми на организованном ими митинге в Народном доме графини Паниной. 21 октября, когда в разных частях города состоялось 5 собраний, организованных кадетами и левыми, на всех из них успел побывать Ф. И. Родичев, на четырех – П. Н. Милуков, на трех – А. И. Шингарев.

Вообще, полемика кадеты–левые была главным явлением предвыборной борьбы в Петербурге. Не случайно передовицы большевистской «Правды» своим острием были направлены исключительно против кадетов, а в заглавной статье, опубликованной в день выборов, подчеркивалось решающее значение петербургских выборов для определения политического лица горожан: «На выборах по 2-й курии столкнутся между собой 2 лагеря – либеральной буржуазии в лице кадетов и рабочей демократии в лице социал-демократов. За этой борьбой скрывается, в сущности, другая, более глубокая борьба – демократии с реакцией»³⁵¹. В отличие от предшествующих выборов, октябристы практически не участвовали в устной пропаганде своих взглядов, воздерживались от полемики и сами почти не организовывали предвыборных собраний. В прессе упоминался только один эпизод, когда случайный октябрист пытался с места полемизировать с кадетами на «их» собрании, но от приглашения на трибуну отказался, сославшись на отсутствие текста выступления.

Полемика на предвыборных встречах приобретала нередко личный характер. Упомянутый лидер кадетов практически на каждом собра-

³⁵¹ Правда. 1912. 25 октября.

нии становился мишенью для первого номера списка социал-демократов известного адвоката Н. Д. Соколова, который на все лады обыгрывал известное лондонское выступление Милюкова об «оппозиции Его Величества», обвиняя кадетов в сговоре с правительством. Нужно сказать, что это имело некоторый успех, и лидер кадетов, хотя с большим отрывом победил своих конкурентов, но собрал меньше голосов, чем другие избранные от Петербурга виднейшие кадеты Ф. И. Родичев и А. И. Шингарев, в то время как на третьих выборах он обходил своих однопартийцев. Нельзя не заметить, что лондонская речь лидера откликнулась кадетам не только в Петербурге. Как вспоминал член кадетского ЦК В. А. Оболенский, «бестактная фраза Милюкова... около двух лет фигурировала на всех митингах и собраниях и, вероятно, отвлекла от кадетской партии немалое число голосов при выборах в четвертую Думу»³⁵².

Главным мотивом критики левых была кадетская тактика, ориентированная на думскую деятельность. Социал-демократы Н. Д. Соколов, Н. Н. Крестинский, трудовики и энесы В. В. Водовозов, М. Е. Березин, С. К. Вржосек всячески пропагандировали принципиальный тезис всех левых о Думе как трибуне для пробуждения народных масс и в этой связи обвиняли кадетов в «конституционных иллюзиях», закулисных попытках сговора с правительством, неспособности к активным действиям, предательстве народных интересов. Довольно концентрированно и образно все эти обвинения обобщил, например, в своем выступлении 7 октября известный журналист и литературовед С. К. Вржосек, заявивший, что кадеты давно «растеряли все свои лозунги и свернули свое знамя», что они «сидят в креслах и принимают законы», а их лидера власти вполне безбоязненно могли бы назначить в Сенат³⁵³. Речи большевиков были куда более жестче, а один из социалистов-рабочих договорился даже до того, что назвал Милюкова и Родичева «врагами народного просвещения».

Кадеты весьма удачно парировали эти инвективы левых. Милюков из собрания в собрание повторял, что сами социал-демократы занимались в Таврическом дворце законотворчеством, посылали запросы, т. е. «проводили в Думе тактику нашу кадетскую и иной вести не могли». Отвергая обвинения левых, лидер кадетской фракции также указывал на совместное голосование социалистов и левых по большинству пунктов повестки в III Думе. Некоторые речи Милюкова можно оценить как настоящие гимны парламентской деятельности. Так, на собрании 14 сентября в зале Калашниковской биржи он назвал думские выборы

³⁵² Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С. 439.

³⁵³ Речь. 1912. 8 октября.

едва ли не единственным возможным средством борьбы с политической реакцией и призвал послать в Думу тех, «кто скажет смелое слово и будет его повторять 10–15 лет, сколько потребуется для окончательной победы народа»³⁵⁴. Возвращаясь к критике кадетов левыми, нужно отметить, что существовали нюансы в позиции социал-демократов и блока трудовиков-энесов. Если первые однозначно дистанцировались от «буржуазных соглашателей», то вторые не оставляли попыток присоединиться к кадетскому локомотиву и выторговать одно депутатское место от столицы для себя. Во всяком случае, подобные призывы звучали иногда из уст некоторых их ораторов.

Сами, являясь мишенями для критических стрел левых, кадеты в свою очередь, строили свою избирательную кампанию на критике политики правительства и думской деятельности октябристов. Здесь главным застрельщиком выступал кадетский «златоуст» Ф. И. Родичев. Как нельзя актуально звучат, например, его тирады по поводу третьесионьского избирательного законодательства и роли пресловутого «административного ресурса» на выборах. В речи 13 октября в Тенишевском училище он вполне в духе Зюганова и нынешних либералов заявлял, что «выборы заменены махинациями из Петербурга... и назначаемых таким путем людей хотят выдать за представителей народа. Это все равно, что завести 7200 граммофонов и потом сказать, что это голос народа»³⁵⁵. Сосредоточиваясь на критике думской деятельности правых и октябристов, Федор Измайлович неоднократно называл III Государственную думу то Думой «сквернословия» (намек на речи Пуришкевича и Маркова), то «прислугоспособной» Думой (в противовес октябристским тезисам о «рабоспособной» Думе). Многие речи Родичева содержали настоящий апофеоз идей правового государства, равенства всех перед законом. Вот как образно, пламенно и искренне определял перед избирателями цели и задачи своей партии этот ветеран конституционного движения: «Задача остается прежней – бороться со старой Россией, в которой господствует не право, а привилегия и милость. С той Россией, в которой общественное благо является каким-то пирогом, разрезаемым на куски и раздаваемым по заслугам. Где есть классы любимые и нелюбимые, национальности – поощряемые и угнетенные, религии – покровительствуемые и пресекаемые. Пусть русский гражданин хорошо поймет ту азбучную истину, что у кого бы на Руси ни отрицали право – его за ним отрицают»³⁵⁶. Думается, эти слова Родичева не потеряли остроты и сегодня.

³⁵⁴ Речь. 1912. 14, 15 сентября.

³⁵⁵ Там же. 14 октября.

³⁵⁶ Там же. 8 октября.

Не меньший вклад в предвыборную пропаганду кадетов вносил П. Н. Милоков, довольно метко характеризую кадетских оппонентов справа. Думское большинство в целом он называл «продуктом искусственного правительственного творчества», националистов – «фракцией борьбы за милости», правых – избранными в Думу «за темные правительственные деньги». Политическое лицо октябристов, по мнению Павла Николаевича, определял «личный союз их лидера с главой правительства». «Первым пороком большинства (Думы. – *А. К.*) была его полная зависимость от правительства, от всех колебаний его воли, а вторым – скудость творческой мысли», – заявлял лидер кадетов, ведь из 3000 законов, которыми гордились октябристы, основная масса была законодательной «вермишелью». Не менее остро звучала критика националистического курса П. А. Столыпина, который таким образом «придумал костюм, рубище, чтобы прикрыть политическую наготу» власти³⁵⁷. По мнению кадетов, этот курс не только не укреплял российскую государственность, а наоборот, сеял сепаратистские тенденции.

Хотя ораторские эффекты на последних думских выборах играли все же меньшую роль, чем на первых, прошедших, как писала А. В. Тыркова, «в состоянии повального словесного упоения»³⁵⁸, невозможно отрицать, что устная агитация таких талантливых и маститых ораторов, каковыми были кадетские лидеры, оставалась всею. Культура слова, дар убеждения играл в политике того времени неизмеримо большую роль, чем теперь, и избиратель приходил на собрания с изначальной целью не только определить, чья возьмет в ходе жарких дебатов, но и просто получить удовольствие от понравившегося выступления. А даром внушения и умением заинтересовать кадеты, мягко говоря, обделены не были. Современники и коллеги отмечали прямо-таки магическое воздействие на слушателей Родичева, который редко тщательно готовился к своим выступлениям и произносил наиболее блестящие свои речи по наитию, в порыве чувства. «Говорил Родичев не гладко, бросая отрывочные, точно с трудом дававшиеся ему фразы, плохо между собой связанные. Но, по мере развития его речи, все громче и громче звучал его богатырский голос, отрывочные фразы загорались огнем страсти, били как молотом врагов, воодушевляли единомышленников. Пламенная вера в будущее, гимн правде и свободе, благородное негодование и сарказм, – все это в художественной форме и в неожиданно блестящих образах! Он совершенно завладевал аудиторией, которая сливалась с ним в порывах его чувства», – вспоминал не раз слушавший Родичева и в Думе, и на предвыборных митингах кадет В. А. Оболен-

³⁵⁷ Там же. 14 сентября.

³⁵⁸ Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. London, 1990. С. 255.

ский³⁵⁹. Оратором совершенно противоположного, рассудочного типа был П. Н. Милюков: «В речах Милюкова, как и в его писаниях, не было блеска. Но он ясно, точно, умно ставил и развивал политические вопросы, делился с аудиторией своими обширными знаниями, развивал политическое понимание избирателей, будил в них сознательное отношение к общественным делам. Это были речи опытного лектора, привыкшего обучать студентов»³⁶⁰. Наконец, удачно дополнял «папу» Милюкова и в партии, и на трибуне «мама» Шингарев, обладавший свойствами, отсутствующими у первого: «...его все любили и уважали, а в речах его всегда было столько искренности и подлинного чувства, что, отстаивая мысли Милюкова, он оказывался более убедительным, чем их рассудочный автор»³⁶¹.

Подводя итоги хода предвыборных дебатов, стоит отметить, что большинство публики, вопреки утверждениям советских историков, явно поддерживало кадетских ораторов. Попытки социал-демократов с помощью ранее не раз апробированной практики предварительных голосований в специально подготовленной аудитории убедить избирателей в обратном были лишь эффектным, но бессильным тактическим приемом.

Помимо устной агитации проводилась и печатная, хотя и в значительно меньшем объеме, чем на первых выборах. Так, кадеты раздавали и продавали избирателям популярную брошюру «Что делала и что сделала третья Государственная Дума», «Отчеты фракции народной свободы» за свое пребывание в III Думе. Октябристы отвечали им популярными очерками А. В. Еропкина и Я. Микетова³⁶².

Новым явлением на выборах в IV Думу было неожиданно успешное выступление прогрессистов. В каком-то смысле тон ему задавали именно петербургские выборы. Еще в конце сентября 1912 г. прогрессисты опубликовали свой избирательный список по 1-й городской курии, заручившись при этом поддержкой кадетов, которые отказались от выдвижения здесь собственных кандидатов, призвав своих сторонников голосовать за него. Список включал в себя имена А. А. Барышникова, Л. А. Велихова, М. Д. Калугина. Все из них были активными городскими гласными, членами группы «Обновление», а последний еще занимал и пост в ЦК партии прогрессистов. Л. А. Велихов после избрания в Думу присоединился к кадетской фракции.

³⁵⁹ Оболенский В. А. Указ. соч. С. 362.

³⁶⁰ Тиркова-Вильямс А. В. Указ. соч. С. 252.

³⁶¹ Оболенский В. А. Указ. соч. С. 447.

³⁶² Еропкин А. В. Что делала и что сделала Третья Государственная дума. (Ответ кадетам.) СПб., 1912; Микетов Я. Что сделало народное представительство третьего созыва. СПб., 1912.

Поскольку выступали прогрессисты на поле «Союза 17 октября», в первой курии, то все свои немногочисленные предвыборные собрания (первое из них состоялось только 22 октября, за 3 дня до выборов), они посвятили резким нападкам на тактику и стратегию октябристов. Так, А. А. Барышников назвал угодничество «основным законом этой партии», а другой прогрессист, Коробко, самих октябристов определил как «друзей – предателей русской свободы», в «левой руке державших знамя Манифеста 17 октября, а правую руку подающих Пуришкевичу»³⁶³. Немалое место в предвыборной кампании прогрессистов занимала дискредитация хозяйственно-управленческой деятельности октябристских кандидатов в Городской думе, ведь один из них, П. И. Лелянов, фактически олицетворял в ней т. н. «стародумскую партию», в течение многих лет являясь городским головой. Слабые попытки октябриста Г. Г. Лерхе, депутата III Думы от Петербурга, выступить в защиту законодательных заслуг октябристов, потонули в общем хоре негативных возгласов.

Сам процесс голосования 25 октября 1912 г. прошел достаточно буднично, лишь на некоторых участках иногда собирались небольшие очереди в вечернее время (после окончания работы). Немногочисленные избиратели I разряда голосовали в здании Городской думы, а избиратели победнее – по избирательным участкам, приуроченным к административно-полицейским частям города. Явка избирателей была сопоставима с нынешними выборами и составляла 59% по первому разряду и 47,9% по второму. Как всегда не обошлось без курьезов. Уносить с собой бюллетени избиратели не догадывались, тем более, что они доставлялись им предварительно по почте в запечатанном конверте, а скорее наоборот – несколько женщин хотели проголосовать за своих работающих мужей, один избиратель пытался бросить в урну сразу несколько бюллетеней, некоторые «серые» обыватели просили указать им «кадетский ящик». Масса остроумцев и протестующих использовала избирательные листы для различных надписей (наказы депутатам, жалобы на жилищно-коммунальные условия, вообще на «белый свет», голосование «за себя»). Всего испортили свои бюллетени лишь 324 избирателя из 34 325 проголосовавших по второму разряду (чуть более 1%, что является среднестатистическим показателем на большинстве выборов).

Хотя номинально, в соответствии с законным порядком голосования, выбирали не партийные списки, а отдельных депутатов, и каждый желающий мог выбрать представителей из разных списков, фактически голосование проходило именно за партии, большинство из которых прикрывались расплывчатыми определениями вроде «группа избирателей»,

³⁶³ Речь. 1912. 23 октября.

т. к. все оппозиционные партии не получили статуса легализованных. Даже кадеты рекламировали участников своего списка в «Речи» как членов не партии, а «фракции народной свободы». Избиратель мог как самостоятельно заполнить бюллетень от руки, так и подать заранее приготовленный печатный партийный бюллетень, что делал гораздо чаще. Избирательная записка представляла собой листок бумаги, снабженный печатью комиссии, и разделенный на три графы, куда нужно было вписать или впечатать фамилию, имя, отчество кандидата, его должность или социальное положение, избирательный участок, к которому он прикреплен, а также адрес.

Результаты выборов показали все усиливавшуюся оппозиционность петербургского избирателя. Даже в первой курии, этой созданной специально для них вотчине, октябристы с треском провалились. Для победы прогрессистам не понадобилось даже второго тура: в среднем три их кандидата набрали 58,2% голосов, в то время как октябристы В. К. Анреп, Г. Г. Лерхе и П. И. Лебянов на троих собрали только средние 35,1%. Кадеты, выступавшие только во второй курии, заметно повысили свой рейтинг и им, по сравнению с третьедумскими выборами, не понадобилось перебаллотировки. В среднем П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев и А. И. Шингарев заработали 55,8% (45,8% на предыдущих выборах), в то время как октябристы уступили даже второе место социал-демократам Н. Д. Соколову, Н. С. Чхсидзе и Н. Н. Крестинскому и собрали ничтожные для себя 12,8 % (на выборах в III Думу их средний результат был более чем в полтора раза выше – 19,6%). В данном случае произошла своеобразная рокировка: эсдеки получили 19,5% голосов на выборах в IV Думу и только 9,4% в 1907 г. Очень неудачно выступил блок энесов и трудовиков, проиграв даже таким записным аутсайдерам, какими были на всех столичных выборах монархисты. Последние получили средние 2,4% (8,9% – на выборах в III Думу), а правые – 5,2% (соответственно 9,5%)³⁶⁴. Самый лучший из самовыдвиженцев, или, как говорили тогда, «диких» кандидатов, отставной контр-адмирал Л. Ф. Добротворский на всех участках собрал только 246 голосов из 34 тыс. проголосовавших.

Обобщая результаты выборов, нельзя не констатировать, что они продемонстрировали относительно существенную перегруппировку предпочтений столичных избирателей. Существенный рост симпатий к кадетам (+20% относительно ранее голосовавших и +10% по отношению к абсолютному показателю) был достигнут массовым оттоком октябристского электората. Вдвое выросший политический рейтинг социал-демократов получился вследствие значительного перехода к ним

³⁶⁴ Подсчитано автором по: Речь. 1912. 27 октября.

левых избирателей, ранее голосовавших за блок трудовиков – энесов, и, вероятно, протестного голосования части правых избирателей. Этот относительный успех никак не возможно приписать колебанию про-кадетского электората. Избирательная кампания в IV Думу в Петербурге лишней раз подтвердила репутацию столицы как бастиона кадетизма и устойчивость леволиберальных симпатий средних городских слоев в целом.

В. А. НАРДОВА

IV Государственная дума и проблема реформы городского общественного управления

В начале XX века в обстановке общеполитического подъема и активизации движения городских дум за пересмотр Городового положения 1892 г. в числе других реформ, заявленных в Манифесте 26 февраля 1903 г., была обещана и городская реформа. Необходимость ее проведения была очевидна и для самого правительства. Данные, приведенные в издании Центрального статистического комитета МВД «Города России в 1904 г.» (СПб., 1906), свидетельствовали о крайне неудовлетворительном состоянии всех отраслей городского хозяйства и благоустройства. В 1907 г. кабинетом П. А. Столыпина были разработаны «Главные начала по преобразованию городского самоуправления», которые должны были стать основой для выработки нового Городового положения³⁶⁵.

Стремительный рост населения городов привел к обострению всех проблем в жизни органов городского самоуправления: финансовой, транспортной, жилищной и т. д. Их разрешение в рамках действующего Городового положения оказывалось невозможным. Однако с отступлением революции всякая деятельность правительства по подготовке общероссийской городской реформы была надолго прекращена. Потребовался энергичный напор общественных сил, чтобы власть возобновила работу по пересмотру Городового положения. В силу ряда обстоятельств руководители муниципальных органов были в те годы не в состоянии выступить инициаторами движения за реформу. Огромную роль в мобилизации общественных сил в поддержку городской рефор-

³⁶⁵ Нардова В. А. Правительственная программа преобразования городского самоуправления и городская общественность. 1905–1907 гг. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сб. ст. к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 313–326.

мы сыграла российская интеллигенция: представители печати, научных и культурных учреждений. Неоценима заслуга создателей общероссийского муниципального органа «Городское дело» Л. А. Велихова и Д. Д. Протопопова³⁶⁶. Проблема реформирования городского самоуправления к 1912 г. стала предметом широкого общественного внимания. Она поднималась на заседаниях городских дум, на городских съездах, обсуждалась в печати, на партийных конференциях, в научных обществах, на частных совещаниях, созданных по инициативе редакций ряда газет и журналов.

27 февраля 1913 г. в Государственную думу было внесено законодательное предположение о городской реформе, подписанное 37 депутатами Думы³⁶⁷. Проект тезисов был подготовлен членами кадетской партии депутатом Думы М. М. Новиковым и гласным Московской думы Н. И. Астровым. 7 февраля проект обсуждался в Комиссии по местному самоуправлению фракции народной свободы, которая приняла решение о внесении его в качестве законодательного предположения в Государственную думу³⁶⁸.

Основные положения документа заключались в следующем: 1) Расширение компетенции органов общественного управления. Распространение ее на все дела местной общественной жизни, включая заботу о личной и общественной безопасности. (Иначе говоря, речь шла о создании муниципальной полиции). 2) Самостоятельность органов самоуправления в пределах предоставленных полномочий. Ограничение права надзора правительственной администрации наблюдением исключительно за законностью действий городских дум. 3) Окончательное разрешение разногласий между общественным управлением и административной властью возлагается на судебные органы. 4) Децентрализация общественного управления в больших городах с населением свыше 100 тыс. жителей, учреждение, наряду с городской думой, участковых советов с состоящими при них исполнительными органами. 5) Избрание особого председателя распорядительного органа как в городской, так и участковых думах. (По Городовому положению 1892 г. в распорядительном и исполнительном органах председательствовал городской голова). 6) Упразднение порядка утверждения администрацией лиц, избранных на должности по городскому общественному управлению, а также замеща-

³⁶⁶ Нардова В. А. Лев Александрович Велихов и реформа городского общественного управления (1907–1916 гг.) // Власть, общество и реформы в России. СПб., 2007. С. 165–178.

³⁶⁷ Из 37 поставивших подпись, 35 принадлежали к кадетской партии, один примыкал к ним, один был беспартийным.

³⁶⁸ Подробн. см.: Нардова В. А. Указ. соч. С. 170–172.

ющих их по найму. 7) Избирательным правом наделяются все горожане независимо от пола, национальности, вероисповедания, достигшие 21-летнего возраста и проживающие в городе до момента выборов 6 месяцев или же уплачивающие какой-либо налог за имущество, находившееся в городе. Лишались избирательного права некоторые категории «опороченных», чины армии и флота, состоящие на действительной службе, и лица, входящие в состав органов надзора за городским управлением³⁶⁹. Фактически можно говорить о всеобщем избирательном праве.

Законодательное предположение о городской реформе из канцелярии Государственной думы поступило к председателю Совета министров В. Н. Коковцову и было передано им на заключение министра внутренних дел Н. А. Маклакова. Свой отзыв министр сообщил в письме на имя Коковцова от 11 апреля 1913 г. Маклаков признавал, что действующее Городовое положение «не соответствует современным условиям жизни и хозяйства большинства наших городов и в особенности более крупных». Поэтому, писал он, реформа городского общественного управления является «вполне своевременной». Однако, по его убеждению, городская реформа не может «идти вразрез с теми началами, на коих исторически развивается наше местное общественное самоуправление и, во всяком случае, не должна противоречить идее государственности». Министр «не отрицал» необходимости в расширении компетенции городского общественного управления», в соответствии с развитием местной общественной жизни и ростом потребностей городского населения», но считал возможным предоставить думах управление исключительно хозяйственной стороной дела и то под контролем власти. Вопрос же личной и общественной безопасности должен быть отнесен «всецело» к ведению администрации, а потому проектируемое членами Государственной думы создание муниципальной полиции «не может быть признано приемлемым». В равной мере «неприемлемым» признавалось наделение городского общественного управления независимостью от администрации и передача разногласий между органами надзора и общественным управлением на окончательное разрешение судебной власти. Маклаков не мог согласиться и с требованием об ограничении надзорных функций со стороны администрации наблюдением только за законностью действий дум. При этом министр утверждал, что, хотя действующее Городовое положение наделило администрацию правом контроля за «целесообразностью», однако не обеспечило ее реальными средствами для реализации этого права, поэтому необходимо вооружить

³⁶⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 678. Л. 8–9; Четвертая Государственная дума. Сессия первая. Фракция народной свободы в период 15 ноября 1912–25 июня 1913. Отчет о деятельности фракции. СПб., 1913. Ч. III. С. 52–56.

власть дополнительными мерами по осуществлению надзора. Министерство внутренних дел категорически отвергало предложение о проведении городских выборов на основе всеобщего избирательного права как идущего вразрез с тем началом, на котором «исторически развивалось городское представительство», т. е. имущественно-налоговым цензом. Полное неприятие министра встретило предложение об устранении правительственной власти при замещении должностей по городскому управлению как выборных, так и наемных служащих.

Оценивая законодательное предположение 37 членов Думы в целом как «совершенно неприемлемое», Маклаков считал, что Министерство не может принять на себя разработку проекта городской реформы на намеченных в законодательном предположении основаниях ³⁷⁰.

Совет министров (заседание 2 мая) полностью согласился с заключением министра внутренних дел о неприемлемости законодательного предположения и полагал, что в таком смысле представителю ведомства и надлежит высказаться при обсуждении в Государственной думе настоящего законодательного предположения ³⁷¹.

8 мая 1913 г. законодательное предположение о реформе Городового положения было поставлено на обсуждение Общего собрания Думы. В прениях по вопросу о желательности октябристы, признавая «в принципе» желательным изменение Городового положения 1892 г., заявили о невозможности согласиться с некоторыми положениями проекта, в первую очередь с всеобщим избирательным правом, и высказались за передачу проекта на заключение Комиссии по городским делам. В защиту законодательного предположения выступили депутаты М. М. Новиков и Л. А. Велихов. «Чтобы доказать острую неотложность реформы, – говорил Велихов, – не надо затруднять себя подысканием аргументов. Достаточно сравнить благоустройство городов европейских и наших». Он привел данные официальной статистики. Только 28% российских городов имеют водопровод. Канализация имеется только в 28–30 городах... В 2/3 городов нет средних учебных заведений, библиотеки отсутствуют... Неутешительная картина становится зловещей, подчеркнул он, если вспомнить о колоссальном росте населения городов за последнее десятилетие.

Сославшись на цифры о количестве избирателей в российских городах (в Петербурге – 0,8, в Москве – 0,6, в Одессе – 0,5 избирателя на 100 человек), Велихов сказал: «У нас есть государственное самоуправление, хотя и несовершенное, но городское самоуправление есть ли у нас? Я в этом

³⁷⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 26. Л. 8–9; Ф. 1288. Оп. 5. 1913. Д. 167а. Л. 76. (Справка по Главному управлению по делам местного хозяйства к заседанию Совета министров, назначенному на 2 мая 1913 г.).

³⁷¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 26. Л. 10.

решительно сомневаюсь». Обратившись к предложению об избирательном праве, он сказал: «Мы думаем, что, если городское хозяйство ведется для всего населения, то и все население должно иметь свой голос в городском самоуправлении. Мы думаем, что особенно важно и необходимо привлечь к избирательному праву именно наименее обеспеченный люд... ведь городские школы, богадельни, приюты, ночлежные дома существуют преимущественно для бедняков». Велихов не был сторонником всеобщего избирательного права (по крайней мере, на тот отрезок времени), но он считал нужным во что бы то ни стало отстоять само законодательное предположение о реформе, не исключая того, что предложение об избирательном праве в ходе дальнейшего обсуждения может трансформироваться.

Выступая против предложения октябристов, Велихов отметил, что отправление законодательного предположения в Комиссию, является их обычной тактикой, когда они хотят провалить какое-либо неприятное для них начинание. Они прекрасно понимают, что вотум общего собрания за немедленную разработку проекта, признанного желательным, не предвещает еще признания желательными всех пунктов законодательного предположения. Свое выступление он закончил словами: «Так ставьте же ваши тормозы, но знайте, что тысячи русских городов этого Союзу 17 октября не забудут»³⁷².

Решением октябристов и поддержавших их правых законодательное предположение поступило в Комиссию по городским делам.

Обсуждение Комиссией вопроса о желательности законодательного предположения 37 депутатов проходило в ноябре 1913 г. (20 и 27 ноября). Предварительно докладчиком был избран городской голова Твери октябрист М. И. Арефьев. Его подход к оценке законодательного предположения по существу отражал позицию октябристов, заявленную в резолюции о городской реформе, принятой на проходившем 7–10 ноября 1913 г. в Петербурге Соповещании (конференции) партии «Союз 17 октября»³⁷³.

Ответ на вопрос о желательности реформы был дан докладчиком в самом начале его выступления: «1) О желательности реформы вряд ли можно спорить. Реформа не только желательна, но и необходима». В обоснование сделанного заявления он привел как политические, так и экономические причины. «Государство с представительным строем, — говорилось в докладе, — не может опираться на те же устои, на которых основывалось полицейское государство, т. е. на бюрократию;

³⁷² Государственная дума. IV созыв. I сессия. Стенографические отчеты. 1913. Стлб. 811–819.

³⁷³ С докладом на конференции выступал М. И. Арефьев. См.: Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конф. и заседаний ЦК: 1905–1915 гг. : В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 425–426, 444.

представительный строй покоится на правильно поставленном, широко развитом самоуправлении». Но основной акцент делался на изменениях в экономической жизни страны: вступление России на путь капиталистического развития вызвало бурный рост городов. Увеличение численности городского населения привело к усложнению задач, стоявших перед органами общественного управления в самых разных областях городского хозяйства. В их числе в качестве приоритетной была указана проблема оздоровления городов, диктующая целый комплекс мероприятий: строительство больниц, устройство водопроводов и канализации, снабжение населения качественными продуктами. Не менее важны задачи, связанные с городским благоустройством, общественным призрением и т. д. («При действующем Городовом положении, — заявил докладчик, — города не в состоянии разрешить стоящих перед ними задач. Поэтому проведение реформы является не только желательным, но и необходимым»).

По конкретным пунктам законодательного предположения Арефьевым были высказаны следующие соображения. В пункте 1 о компетенции органов самоуправления он находил «неприемлемым» предложение о «передаче в ведение города заботы “о личной и общественной безопасности”, т. е. об образовании... муниципальной полиции». Однако председателем Э. П. Беннигсенем и одним из подписавших законодательное предположение М. М. Новиковым было разъяснено, что имелось в виду отнюдь не создание муниципальной полиции, а обеспечение безопасности горожан при применении технических новшеств. После чего пункт 1 был принят Комиссией.

По пункту 2. Предложение об оставлении за государственной властью контроля лишь за законностью действий органов самоуправления, по мнению Арефьева, не может вызвать никаких возражений, ибо «произвол власти губернаторов в деле надзора... всем известен». Докладчик высказался за восстановление ст. 5 Городового положения 1870 г., в силу которой «городское самоуправление действует самостоятельно», но выразил несогласие с предложенным порядком разрешения недоразумений между административной властью и общественным управлением судебными органами. Он считал, что разрешение конфликтов следует предоставлять губернским присутствиям (более соответствующим понятию административной юстиции), но предлагал наделить их большей независимостью от администрации. На принятии данного пункта в первоначальном изложении настаивали В. И. Алмазов и М. М. Новиков, но при голосовании предложение о рассмотрении конфликтов органами судебной власти было отклонено.

Пункт 3. Предложение о децентрализации городского общественного управления Арефьев, ввиду усложнения городского хозяйства, находил желательным, но допускал возможность рассредоточения только

исполнительной власти. Против ограничительного толкования децентрализации выступили Э. П. Беннигсен, М. М. Новиков, В. И. Алмазов, А. А. Барышников. В итоге данный пункт был принят в редакции, предложенной 37 депутатами, но с поправкой Беннигсена о предоставлении права образования участковых советов и управ городам с населением не в 100, а 200 тыс. жителей. Полное неприятие докладчика встретил пункт 4 о всеобщем избирательном праве на муниципальных выборах. Арефьев расценил это предложение как «абсолютно неприемлемое». «Даже в таких культурных странах, как Англия и Германия, для участия в выборах требуется имущественный или налоговый ценз – население же наших городов, – заявил он, – в массе крайне некультурно и неразвито и в большинстве своем не может быть допущено к ведению городского хозяйства». Вследствие этого говорить о всеобщем избирательном праве «преждевременно». Однако расширение избирательного права, по его мнению, не только желательно, но и необходимо. Попытки Новикова и Алмазова отстоять принцип всеобщего избирательного права оказались безрезультатны.

Что касается остальных пунктов законодательного предположения, то они были поддержаны и докладчиком, и Комиссией: об особом председателе для распорядительного органа; об особых исполнительных комиссиях для заведования отдельными отраслями городского хозяйства (при условии подчинения их управе); об упразднении порядка утверждения должностных лиц администрацией. Кроме того, было подтверждено, что избранные в городские должности лица не должны состоять на государственной службе и подлежат ответственности только по суду³⁷⁴.

Итак, рассмотрев законодательное предположение, Комиссия по городским делам признала реформу Городового положения 1892 г. «совершенно назревшей и необходимой». Высказавшись за расширение круга избирателей путем понижения имущественного и налогового ценза, Комиссия полагала, что пределы этого расширения должны быть установлены при выработке самого законопроекта. В дополнении к предложениям, содержащимся в законодательном предположении 37 депутатов, Комиссия со своей стороны внесла предложение о предоставлении городским думам права избирать на должность городского головы лиц, не обладающих имущественным цензом и удовлетворяющих лишь прочим условиям, требуемым для избрания в гласные³⁷⁵. В январе 1914 г. доклад Комиссии был препровожден председателю Государственной думы М. В. Родзянко.

³⁷⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 561. Л. 1, 6–12.

³⁷⁵ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессия II. 1913–1914. Пг., 1915. С. 451–452.

Широкое общественное внимание к проблеме городской реформы и, прежде всего, внесение законодательного предположения в Государственную думу заставило правительство предпринять некоторые шаги по реанимированию своей деятельности в этом направлении. В июле 1913 г. губернаторам, начальникам областей, градоначальникам было направлено циркулярное распоряжение Главного управления по делам местного хозяйства. В нем констатировалось, что за последние десятилетия в условиях городской жизни наблюдаются значительные изменения, поставившие перед общественными управлениями городов ряд хозяйственных и культурных задач первостепенной важности. Городовое положение, изданное более 20 лет тому назад, в некоторых своих частях уже не отвечает современным условиям жизни российских городов, в особенности более крупных. «Ввиду этого, – говорилось в циркуляре, – пересмотр упомянутого положения признан правительством неотложной задачей». Одним из важных направлений реформы назывался закон о городских выборах. Для его разработки министерство запросило детальные сведения о составе населения городов: об имущественной состоятельности жителей, роде занятий, уровне образования, национальном составе и пр.³⁷⁶

В начале 1914 г. вопрос о возобновлении работ по реформированию городского самоуправления поднял управляющий Отделом городского хозяйства МВД К. А. Невинандт, назначенный на эту должность в середине 1913 г. Составленная Отделом справка начиналась со слов: «Давно стоящая перед Министерством внутренних дел задача – пересмотреть действующее Городовое положение 1892 г. – принимает в последнее время характер спешности и неотложности». В справке отмечалось, что широкие круги населения, начиная от городских общественных деятелей и кончая членами законодательных учреждений, настоятельно требуют от правительства пересмотра Городового положения, считая его тормозом рационального развития городского хозяйства и эффективной деятельности городского самоуправления. Со своей стороны, Невинандт находил требования общественности оправданными: некоторые нормы закона 1892 г. к настоящему времени утратили свое значение, другие оказались в прямом противоречии с новыми условиями и требованиями городской жизни. Он считал, что к пересмотру Городового положения следует приступить «безотлагательно»³⁷⁷. По его предложению, для подготовительных работ по пересмотру Городового положения было образовано Совещание из чиновников Отдела городского хозяйства. В феврале 1914 г. Совещание под председательством Невинандта приступило к работе. На первом заседании (5 февраля) председателем были

³⁷⁶ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1913. Д. 167а. Л. 7.

³⁷⁷ Там же. Л. 80–82.

сформулированы задачи, стоящие перед Совещанием – «привести статьи Городового положения в соответствие с современными условиями и потребностями местной жизни». Рекомендовалось принимать во внимание как поступившие в Отдел городского хозяйства в разное время ходатайства городских дум, так и недостатки, выяснившиеся в течение 22-летнего периода применения Отделом названного Положения. Вместе с тем было заявлено, что Совещание не должно считать себя связанным исключительно «техническим» редактированием отдельных статей Городового положения. Председатель указал на «желательность возможно полного освещения общих положений с точки зрения правильности и неправильности таковых положений, а равно соответствия их историческим началам, положенным в основу действующего закона»³⁷⁸. Из материалов Совещания видно, что его участники неоднократно обращались к обсуждению основополагающих принципов организации городского самоуправления: его места в системе органов государственной власти, предела самостоятельности и организации надзора за органами общественного управления, избирательного права и др. Суждения, высказанные членами Совещания в ходе дискуссии по этим проблемам, и их рекомендации в дальнейшем были приняты во внимание при определении правительственной позиции по вопросу о городской реформе. В декабре 1914 г. (9 и 17 числа) 2 заседания были посвящены специально рассмотрению доклада Комиссии по городским делам Государственной думы по законодательному предположению 37 членов Думы о городской реформе (журналы № 7 и 8)³⁷⁹.

К началу января 1915 г. Совещанием были рассмотрены первые 55 статей Городового положения (из 154)³⁸⁰. Согласно Справке, составленной для начальника Главного управления по делам местного хозяйства, пересмотр всего Городового положения предполагалось закончить к середине августа–началу сентября 1915 г., с тем, чтобы в ноябре–декабре проект реформы мог быть представлен в Совет по делам местного хозяйства и в начале 1916 г. внесен в Государственную думу³⁸¹.

Итак, возобновив после длительного перерыва (1907–1913 гг.) работу над городской реформой, Министерство внутренних дел в течение года существенно продвинулось в деле подготовки нового городского

³⁷⁸ Там же. Л. 44.

³⁷⁹ Там же. Л. 401–404.

³⁸⁰ Подробн. о работе Совещания см.: *Нардова В. А.* Проблема общероссийской городской реформы (законодательное предположение 37 депутатов Государственной думы и власть). 1913–1916 гг. // *Государство и общество в России XV–начало XX вв.*: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 450–470.

³⁸¹ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1913. Д. 167а. Л. 415.

положения. Удивляет то обстоятельство, что информировать общественность о работе Совещания, даже в самых общих чертах, Министерство не находило нужным.

Между тем в самой Думе продвижение законодательного предположения о городской реформе практически застопорилось.

Напомним, что доклад Комиссии по городским делам с заключением о «желательности» реформы был вручен председателю Государственной думы еще в январе 1914 г. Однако около двух лет он пролежал без всякого движения³⁸² и лишь к концу лета 1915 г. определилась дата его обсуждения на Общем собрании Государственной думы – 3 сентября 1915 г.³⁸³ Но и этот срок оказался отодвинутым еще на полгода. 1 сентября управляющий Министерством внутренних дел Н. Б. Щербатов, в июне 1915 г. сменивший Н. А. Маклакова, направил председателю Государственной думы М. В. Родзянко письмо с просьбой отложить обсуждение законодательного предположения о городской реформе до рассмотрения Советом министров представления министерства по этому вопросу³⁸⁴.

Одновременно им было подготовлено письмо на имя председателя Совета министров И. Л. Горемыкина. В нем указывалось, что внесенное в Думу в 1913 г. законодательное предположение о городской реформе министром внутренних дел Н. А. Маклаковым было признано «неприемлемым», с чем согласился тогда и Совет министров. При этом было упомянуто, что ответа на законодательное предположение со стороны правительства Государственной думе до сего времени не дано. Министр писал, что в связи с намеченным обсуждением в Думе вопроса о городской реформе, он посчитал нужным ознакомиться с законодательным предположением и, со своей стороны, нашел его «в известных частях приемлемым». Свои объяснения по законодательному предположению, говорилось далее, он собирается высказать Думе, но предварительно намерен представить «на одобрение» Совета министров «Записку», содержащую соображения Министерства по поводу законодательного предположения. Щербатов просил Горемыкина оказать содействие к скорейшему рассмотрению вносимой им «Записки»³⁸⁵. Надо полагать, что письмо отправлено не было³⁸⁶, поскольку отпала необходимость в

³⁸² Следует, правда, иметь в виду, что в 1914 г. после начала войны Дума заседала всего 1 день, в 1915 г. до середины лета – 3 дня и, возобновив занятия 19 июля, уже 3 сентября была распущена до 9 февраля 1916 г.

³⁸³ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1911. Д. 1486. Л. 316.

³⁸⁴ Там же. Л. 317.

³⁸⁵ Там же. Л. 320–321.

³⁸⁶ Отпуск письма не имеет номера и не проставлено число.

спешном рассмотрении «Записки»: 3 сентября 1915 г. занятия Государственной думы были прерваны, а 2 недели спустя Щербатов был отстранен от занимаемой им должности. В нашем распоряжении не имеется текста «Записки» с автографом Щербатова. Но, независимо от ее содержания, письмо Щербатова Горемыкину свидетельствует о готовности Министерства внутренних дел пересмотреть позицию полного неприятия думского законодательного предположения о городской реформе. Возможно, некоторое значение имела частичная корректировка законодательного предположения Комиссией по городским делам (отклонение ею всеобщего избирательного права и пр.), но решающую роль, безусловно, сыграла политическая обстановка, сложившаяся в стране летом 1915 г.: катастрофическое поражение на фронте, дезорганизация управления в тылу, нарастание протестного движения, обострение отношений правительства с Думой, падение авторитета власти и т. д. В условиях назревания политического кризиса царь был вынужден сместить наиболее непопулярных министров. На посту министра внутренних дел Н. А. Маклакова сменил Н. Б. Щербатов, член Государственного совета, избранный от земства Самарской губернии. И хотя Щербатов в Государственном совете примыкал к правым, в Совете министров он оказался на стороне тех, кто стоял за сотрудничество с представительными учреждениями. Внесение Думой на обсуждение Общего собрания (на 3 сентября) законодательного предположения волей-неволей заставило Щербатова обратиться к этой проблеме. Причастность Щербатова к выборным учреждениям, несмотря на его правые взгляды, в известной мере предопределяла его негативное отношение к ряду законодательных норм, регулирующих деятельность городских и земских учреждений: к формам надзора за их деятельностью, необходимости утверждения выборных должностных лиц и т. д. Поэтому вполне объяснимо его заявление о частичной «приемлемости» законодательного предположения.

Перерыв в работе Думы и отставка Щербатова отодвинули намеченное им выступление в Государственной думе с объяснениями по поводу законодательного предположения о городской реформе. Однако этот вопрос в силу многих обстоятельств не мог откладываться до бесконечности.

На открывшейся 9 февраля 1916 г. сессии Государственной думы в декларации, с которой выступил премьер-министр Б. В. Штюрмер, было заявлено, что правительство поручило министру внутренних дел «принять к разработке» три законопроекта, внесенных по инициативе Государственной думы, и в их числе об общей реформе Городового положения³⁸⁷. Уже 18 февраля новый министр внутренних дел

³⁸⁷ Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стлб. 1224.

А. Н. Хвостов представил в Совет министров «Записку по законодательному предположению 37 членов Государственной думы о реформе Городового положения 11 июня 1892 г.»³⁸⁸. На ней стоял гриф: «Весьма срочно». Такая оперативность вполне понятна: на 3 марта было поставлено обсуждение законодательного предположения о городской реформе на Общем собрании Государственной думы. Есть основания считать, что данная Записка была подготовлена Отделом городского хозяйства МВД еще при предшественнике Хвостова Н. Б. Щербатове. О ней и шла речь в его письме Горемыкину 1(2?) сентября 1915 г.

В Записке были изложены соображения Министерства внутренних дел по основным положениям реформы, выдвинутым как в законодательном предположении 37 депутатов, так и докладе думской Комиссии по городским делам. Отметим, что выводы министерства в значительной мере базировались на оценке названных документов Совещанием под председательством К. А. Невиандта.

Содержание Записки приведено нами в упомянутой выше статье о законодательном предположении 37 депутатов Думы³⁸⁹. Однако считаем необходимым воспроизвести ее основные положения, поскольку Записка является официальным документом, характеризующим позицию Министерства внутренних дел по принципиальным вопросам готовящейся городской реформы.

Рассмотрим мнение Министерства по главным пунктам реформы, представленным в думских документах.

О расширении компетенции городского общественного управления. Обратившись к вопросу о пределах компетенции городских дум, министр отметил значительное усложнение в последнее время деятельности органов общественного управления. Помимо выполнения разных обязанностей общегосударственного значения (содержание полиции, расквартирование войск и пр.), городскому управлению приходится создавать обширные предприятия в области городского благоустройства (водопроводы, канализация, трамваи, электрическое освещение и т. д.), заботиться о разностороннем культурном развитии населения, принимать меры в санитарной и других областях местной жизни, изыскивать источники городских финансов (учреждение городских банков, ломбардов, доходных предприятий). При таком положении дел министр находил «вполне понятным» высказанное в законодательном предположении пожелание о предоставлении городским думам возможности «ведать все дела местной общественной жизни». «Это пожелание, – говорится в Записке, – и должно быть принято к руководству при пере-

³⁸⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 26. Л. 16–44.

³⁸⁹ См. список 16.

смотре Городового положения в целях возможно большего расширения компетенции городского общественного управления, с тем, однако, что полиция безопасности в подлинном смысле должна по-прежнему оставаться учреждением правительственным»³⁹⁰.

Об ограничении надзора правительственной власти за деятельностью городского управления. В Записке констатировалось, что надзор за деятельностью городского общественного управления по действующему законодательству осуществляется в трех направлениях: в отношении законности действий городского управления, целесообразности действий в области местных интересов и соответствия их интересам общегосударственным. Было отмечено, что необходимость надзора за законностью действий городского общественного управления признается как в законодательном предположении 37 членов, так и в докладе Комиссии по городским делам, но в обоих документах отвергается контроль за целесообразностью действий городских дум. Министр полагал, что такой вид контроля из общероссийского Городового положения действительно следует упразднить, тем более что он уже исключен из проекта Городового положения для городов губерний Царства Польского, выработанного Министерством внутренних дел и одобренного Государственной думой. Вместе с тем, по мнению министра, могут встретиться случаи, когда требуется оградить государственные интересы. Для подобных случаев, считал министр, за правительством должно быть сохранено право отмены постановлений «по их несоответствию общегосударственным интересам».

Министр не поддержал предложение Комиссии по городским делам об образовании губернского по городским и земским делам присутствия в более независимом от местной администрации составе, в частности, исключил возможность замены губернатора в качестве председателя присутствия каким-либо иным лицом. «Интересы единства деятельности администрации, связанные с самой сущностью государственных задач, — говорилось в Записке, — требуют, чтобы председательство в губернском по земским и городским делам присутствии принадлежало губернатору, а не другому какому-либо лицу». Однако, считая нужным продемонстрировать готовность правительства пойти на определенные уступки обществу, министр предложил заменить в составе присутствия прокурора окружного суда на судью по выбору общего собрания³⁹¹.

О децентрализации городского управления. Министр высказался в пользу децентрализации общественного управления. В Записке отмечалось, что жизнь больших городов, бюджеты которых нынче до-

³⁹⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 26. Л. 21–22.

³⁹¹ Там же. Л. 22–25.

стигают нескольких миллионов рублей (в Петербурге и Москве 50 и 60 млн руб.), настолько усложнилась, что существующие органы городского управления «не в состоянии уже в надлежащей мере справляться с удовлетворением потребностей всего городского населения». При этом особенно страдают окраины. Децентрализация управления приблизит «выборный элемент» к отдельным частям города и обеспечит окраины «необходимым призором». В качестве возможного способа децентрализации предлагалось, как и в законодательном предположении, разделить города на участки с образованием в каждом из них участковой думы и управы, компетенция которых будет ограничена пределами и интересами данного участка³⁹².

О расширении городского избирательного права. По действующему Городовому положению, — отмечалось в Записке, — избирательным правом пользуются только домовладельцы и владельцы торгово-промышленных заведений «высших категорий». Значительная часть населения, включая «культурный слой» (представители государственных и общественных заведений, лица свободных профессий) совершенно отстранена от участия в городском управлении. Такое положение в условиях изменившейся за последнее время городской жизни министр находил особенно «несообразным». Кроме того, было обращено внимание на то, что сборы с недвижимых имуществ, с торговли и промыслов составляют в настоящее время в большинстве случаев незначительную часть городских доходов. При таком положении дел Министерство не видело «достаточных оснований для того, чтобы придавать исключительное значение в городском представительстве домовладельцам и торгово-промышленникам». Наоборот, говорилось в Записке, необходимо привлечь к участию в общественном управлении остальную часть городского населения путем предоставления избирательных прав лицам, снимающим квартиры. Министр считал, что круг городских избирателей может быть расширен также за счет более мелких домовладельцев и предпринимателей при условии возвращения к разрядной системе выборов 1870 г.

В Записке был затронут вопрос об участии в выборах евреев и женщин. По Городовому положению 1892 г. число гласных из нехристиан не должно было превышать 1/5 от общего числа гласных. Евреи вообще не допускались к участию в избирательных собраниях и к занятию выборных городских должностей. В черте еврейской оседлости евреи назначались в состав гласных Губернским присутствием в количестве не свыше 1/10 общего количества гласных думы. По заключению министра, «такое исключительное ограничение для евреев в деле участия в город-

³⁹² Там же. Л. 25–26.

ском общественном управлении представлялось бы соответственным в настоящее время устранить и им надлежало бы предоставить участие в выборах городских гласных наравне с нехристианами». Что касается избирательных прав для женщин, то министр предлагал воздержаться от предоставления им права непосредственного участия в выборах ³⁹³.

О председательствовании в городской думе. Министр считал целесообразным в виде общего правила председательствование в думе сохранить за городским головой, но допускал, что в более крупных городах думы могут решать этот вопрос по своему усмотрению ³⁹⁴.

Об условиях для избрания на должность городского головы и членов управы. Комиссия по городским делам находила полезным допустить к избранию на должность городского головы лиц не только из числа избирателей города, но и горожан, не обладающих избирательным цензом. Министерство признало желательным расширение условий для избрания городского головы и других руководителей общественного управления, указывая на трудности в подыскании кандидатов на руководящие должности (нехватка образованных, профессионально подготовленных людей). Однако министерство не находило возможным пренебречь основным условием выборной службы – наличием имущественного ценза. Предлагалось допускать к избранию на эти должности лиц, обладающих имущественным цензом в другом городе при условии его соответствия размеру ценза в данном городе ³⁹⁵.

Об утверждении должностных лиц городского общественного управления. Излагая свою позицию по данному вопросу, министр отметил, что действующий порядок утверждения должностных лиц правительственной властью «находит основание в признании государственного значения за деятельностью городских дум». «Должностные лица городского управления призываются к исполнению обязанностей не только по удовлетворению местных общественных потребностей, но и по выполнению некоторых весьма важных потребностей общегосударственного характера». К числу последних были отнесены: расквартирование войск, народное образование, оказание населению медицинской помощи и др. Правительственная власть не может безразлично относиться к тому, на кого эти обязанности будут возложены. Но по признанию министра, утверждение должностных лиц, как правило, происходит не по причине их служебного несоответствия, а исповедания политических взглядов, не отвечающих, по мнению власти, государственным интересам и задачам. В Записке обращалось внимание на «вредные последствия» ши-

³⁹³ Там же. Л. 26–30.

³⁹⁴ Там же. Л. 30–31.

³⁹⁵ Там же. Л. 32–33.

рокого применения дискреционного права: выражение недоверия затрагивает не только отдельных кандидатов, не удостоившихся утверждения, но и значительный круг избирателей, голосовавших за данное лицо. «В результате, – говорилось в Записке, – образуются два лагеря: правительственный и общественный – оппозиционно настроенный, и между этими двумя лагерями обнаруживаются все большие и большие расхождения».

Выход из этого «ненормального» положения министр видел в ограничении перечня должностей, подлежащих утверждению административной властью. Предлагалось вернуться к Городовому положению 1870 г., по которому требовалось утверждение только городских голов и их заместителей.

Таким образом, Министерство внутренних дел выразило готовность частично удовлетворить требование об отказе от утверждения должностных лиц. Было заявлено также о возможности при пересмотре Городового положения исключить правило, по которому определение на городскую службу по найму происходит с согласия губернатора. Кроме того, министр посчитал возможным согласиться и на предложение Комиссии о привлечении должностных лиц городского общественного управления к ответственности в судебном порядке ³⁹⁶.

О присвоении должностным лицам городского общественно-го управления прав государственной службы. Рассматривая органы общественного управления как «безусловно государственные учреждения», министр отметил, что «государственная служба в широком смысле слова складывается из двух различных систем: службы государственной-правительственной и государственно-общественной. Между этими двумя системами государственной службы есть существенное различие: должностные лица правительственной службы получают назначение от правительства, а общественной службы – от избравшего их местного общества. Министерство признало не вполне точной формулировку ст. 121 Городового положения, на основании которой должностные лица городского общественного управления «считаются состоящими на государственной службе». Следует считать их состоящими не вообще на государственной службе, а на государственно-общественной. В таком смысле министр и предлагал изменить соответствующую статью Городового положения ³⁹⁷.

В соответствии с изложенными соображениями министр был намерен дать «разъяснения» по законодательному предположению о городской реформе в Государственной думе и заявить, что к пересмотру

³⁹⁶ Там же. Л. 37–40.

³⁹⁷ Там же. Л. 40–42.

действующего Городового положения Министерство уже приступило и рассчитывает внести проект нового Городового положения в Государственную думу не позднее 15 октября 1916 г.

Совет министров (в заседании 26 февраля) «не встретил препятствий» к тому, чтобы при рассмотрении законодательного предположения в Государственной думе представитель Министерства сделал заявление о согласии ведомства принять на себя разработку законопроекта. По существу изложенных в Записке соображений было высказано следующее:

1. Предлагалось не упоминать в числе предметов ведения городского общественного управления попечение об общественной и личной безопасности или же со всей определенностью оговорить, что полиция безопасности должна оставаться правительственным учреждением.

2. Рекомендовалось оставить без изменения установленные Городовым положением правила о евреях вплоть до общего пересмотра действующих узаконений о евреях.

3. Совет министров посчитал возможным предоставить лицам женского пола право непосредственного участия в выборах, наряду с мужчинами.

4. По мнению Совета министров, следовало сохранить в составе губернского по земским и городским делам присутствия прокурора окружного суда, не заменяя его, как это было намечено министерством, одним из членов окружного суда.

5. Наконец, Совет министров полагал, что за правительственной властью должна быть обеспечена возможность устранять лиц, состоящих на городской общественной службе, в случае несоответствия их деятельности общегосударственным интересам³⁹⁸.

С учетом рекомендаций Совета министров был подготовлен проект «Ответа на законодательное предположение 37 членов Государственной думы о желательности реформы Городового положения». При выработке текста документа имелось в виду акцентировать внимание на готовности правительства учесть основные пожелания думцев и, по возможности, их удовлетворить. Министерство «идет навстречу» предложению о расширении компетенции городского общественного управления. По вопросу о расширении избирательного права «идет на расширение круга избирателей» путем понижения размера ценза и привлечения к выборам квартирнанимателей. При этом Министерство внутренних дел считает возможным предоставить лицам женского пола право непосредственного участия в городских выборах. «По наиболее существенному вопросу о надзоре за городским общественным управлением»

³⁹⁸ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1911. Д. 148. Л. 239.

министр внутренних дел «не встречает препятствий» отказаться от надзора за целесообразностью. По вопросу о децентрализации городского управления министр «не преминет» включить в проект Городового положения правила о разделении городов на участки и т. д.

Вместе с тем были четко обозначены те принципиальные установки, которыми правительство не собиралось поступать: полиция безопасности должна оставаться правительственным учреждением; в основу избирательного права должен быть положен имущественно-налоговый ценз; система выборов должна строиться на куриальной основе; утверждение властью руководителей городского общественного управления (городского головы и его товарищей) должно оставаться обязательным³⁹⁹. Текст «ответа» получил одобрение председателя Совета министров и был озвучен при рассмотрении законодательного предположения на пленарном заседании Государственной думы 3 марта 1916 г.

Докладчиком от Комиссии по городским делам на заседании выступал председатель Комиссии М. И. Арефьев. Объяснения от Министерства внутренних дел давал начальник Главного управления по делам местного хозяйства А. А. Евтифеев. (Его выступление фактически полностью соответствовало тексту «Ответа»). Он сообщил, что вопрос о городской реформе составляет очередную задачу ведомства, работы по этому вопросу уже производятся и со стороны правительства «не встречается препятствий» к тому, чтобы Министерство внутренних дел приняло на себя разработку законопроекта о реформе Городового положения. Подчеркивалось, что министерство разделяет главнейшие положения реформы, выдвинутые в законодательном предположении и поддержанные Комиссией по городским делам и т. д. Завершая свое выступление Евтифеев заявил, что проект Городового положения правительство внесет в Государственную думу не позднее начала осенней сессии⁴⁰⁰.

Выступившие в прениях депутаты от кадетской фракции проявили скептицизм в отношении обещаний министерства. «Министерство внутренних дел, — сказал Л. А. Велихов, — делает вид, что согласно с некоторыми нашими предложениями и обещает внести в Государственную думу проект Городового положения не позже 15 октября. Но ко всем этим обещаниям мы привыкли и знаем им цену... Сегодняшние обещания Министерства внутренних дел — это, со времени Манифеста 17 октября, тринадцатая по счету городская сулиха»⁴⁰¹. Он внес предложение

³⁹⁹ Там же. Л. 300–303.

⁴⁰⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Стенографические отчеты. 1916. Стлб. 2659–2661.

⁴⁰¹ Там же. Стлб. 2667–2668.

параллельно с работой над проектом правительственных чиновников приступить к разработке проекта силами Комиссии по городским делам.

На голосование было поставлено 2 предложения: 1) Признать желательным законодательное предположение с теми изменениями, которые внесла комиссия, и 2) Поручить комиссии разработать в возможно непродолжительное время соответствующий проект нового городского положения. Оба предложения были приняты ⁴⁰².

Итак, прошло 3 года, прежде чем последовала реакция правительства на законодательное предположение 37 депутатов Думы. Министерство взяло на себя разработку проекта, частично признав выдвинутые в законодательном предположении пожелания. Но сразу же возникла нестандартная ситуация: Государственная дума принимает решение одновременно приступить к разработке проекта собственными силами.

Правительственный проект Городового положения был подготовлен к октябрю 1916 г. Этим месяцем датируется проект представления Министерства внутренних дел в Совет министров «О преобразовании общественного управления городов империи» ⁴⁰³. В представлении отмечалось, что «действующее ныне в городах империи Городовое положение 11 июня 1892 г., отвечавшее своему назначению в то время, когда оно было создано, благодаря особенно быстрому росту городов за последнее время оказывается недостаточно уже приноровленным к современным требованиям в деле выполнения городами широких задач улучшения местной жизни» ⁴⁰⁴. В числе наиболее серьезных недостатков действующего Положения были названы: «не вполне удовлетворительное» отграничение города от уезда; ограниченность круга городских избирателей; «стеснительность» правительственного надзора, ограниченность источников городских доходов. Была признана также необходимость, прежде всего для крупных городов, децентрализации общественного управления.

Городовое положение 1892 г. в правительственном проекте претерпело существенные изменения. Новым Положением в городах Российской империи вводилось однородное общественное управление. Это, прежде всего, означало упразднение так называемого упрощенного управления, которое распространялось на 39% городов, где действовало Положение 1892 г. Кроме того, было признано нецелесообразным принятие специального Положения для столичных городов ⁴⁰⁵. На новых началах раз-

⁴⁰² Там же. Стлб. 2679.

⁴⁰³ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1916 г. Д. 68. Л. 2–100.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 2.

⁴⁰⁵ По мнению Министерства внутренних дел действовавшее с 1903 г. особое Положение об общественном управлении Петербурга себя не оправдало.

решался вопрос о разграничении административно-хозяйственных функций на территориях, подведомственных городу и земству. К городам в административном отношении теперь присоединялись прилегающие к нему пригороды, имевшие городской уклад, и, наоборот, земли, в свое время отведенные городу и сохранившие земледельческий характер, выделялись в уезд. За городом сохранялось право только хозяйственного распоряжения этими землями.

В проекте не получил разрешения вопрос о децентрализации городского общественного управления – создания мелкой городской единицы. Предполагалось приступить к разработке этого вопроса немедленно после внесения проекта Городового положения в законодательные учреждения. К числу наиболее важных изменений Городового положения Министерство внутренних дел относило следующее: более точное отграничение города от уезда; расширение круга городских избирателей; расширение и уточнение компетенции городского общественного управления; ограничение «до известной степени» надзора правительственной власти за деятельностью городского управления; увеличение «количества предметов обложения городским сбором» для увеличения финансов городов.

Вкратце коснемся некоторых из названных разделов.

Компетенция городских дум по правительственному проекту была значительно расширена и вопросы, подведомственные органам самоуправления, конкретизированы. В числе новых «предметов ведения» Министерство внутренних дел отмечало право учреждать биржи труда и посреднические конторы по приисканию работы, создавать городские санитарные попечительства и попечительства о бедных (причем попечительства вводились в состав учреждений городского общественного управления), право производить статистическое обследование города и т. д. Был расширен перечень вопросов, по которым городская дума могла издавать обязательные для городских жителей постановления.

По перечню вопросов, отнесенных к компетенции дум правительственным и думским проектами, особых расхождений не было. Основное различие между двумя проектами заключалось в определении компетенции. По думскому проекту общественное управление ведало «дела о местных пользах и нуждах», а также «дела местного управления», по правительственному проекту – **только** «дела о местных пользах и нуждах».

Избирательное право. Проект предусматривал два пути для расширения круга избирателей – наделение избирательным правом квартирантателей, а также понижение избирательного ценза для владельцев недвижимой собственности и плательщиков промыслового налога. Минимальный имущественный ценз был понижен с 3000 – 300 руб. (в зависимости от величины города) до 2000 – 250 руб., ценз по уплате

основного промыслового налога – с 500 – 50 руб. до 150 – 10 руб. Квартирный налог устанавливался в размере от 20 руб. до 2 руб. 50 коп. Но готовность пойти на увеличение численности избирателей Министерство внутренних дел увязывало с введением разрядной системы выборов, которая позволит не допустить преобладания мелких цензовиков. В Записке, подготовленной для Межведомственного совещания, отмечалось: Цenz «понижен до предела, за которым остается лишь малоимущий класс населения, не имеющий значения для построения выборной системы. Тем не менее при установлении 3-разрядной системы и дальнейшее понижение ценза, если бы это представлялось необходимым, не имело бы существенного отрицательного значения»⁴⁰⁶. Понятно, что разрядная система сводила на нет положительное воздействие мер по расширению избирательного права.

Определенные изменения претерпели законодательные нормы о надзоре. Проект сохранил за правительственной властью право надзора только за законностью действий городского общественного управления, исключив контроль за их целесообразностью, на чем категорически настаивала муниципальная общественность. Однако свои уступки в этой части проекта правительство пыталось, по возможности, минимизировать. Так, за губернатором было оставлено «право опротестования тех постановлений, которые он находил не соответствующими общим государственным интересам». Правительственный проект признавал право утверждения властью наиболее важных постановлений дум. Такое право присутствовало и в думском проекте, но перечень вопросов был значительно уже. Требование думцев об упразднении порядка утверждения должностных лиц общественного управления было осуществлено лишь частично. Для вступления в должность городского головы, его товарищей и заступающих на их место порядок утверждения был сохранен. В проект были включены и некоторые другие положения, ущемлявшие самостоятельность органов городского самоуправления. Так, министру внутренних дел и губернатору было предоставлено право производить «обозрение» деятельности городского общественного управления или отдельных его частей. За губернатором было закреплено право принимать «исполнительные меры» за счет города. Такой нормы в Городовом положении 1892 г. не было. Наконец, в проект Городового положения вводилась совершенно новая законодательная норма – право роспуска с высочайшего соизволения городской думы и отстранения должностных лиц городского общественного управления. Основанием для этого являлось «длительное расстройство городского хозяйства» или «особо важные соображения государственного порядка».

⁴⁰⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1175. Л. 95.

Краткое изложение наиболее существенных изменений, внесенных в Городовое положение 1892 г., показывает, что при реализации проекта были бы созданы более оптимальные условия для муниципальной деятельности. Однако в новой общественно-политической обстановке периода войны проект безусловно не мог удовлетворить прогрессивную часть общества.

Параллельно с чиновниками Министерства внутренних дел к работе над проектом реформы приступила Комиссия по городским делам. Были избраны три «докладчика», ответственных за разработку основных разделов проекта: М. И. Арефьев (компетенция городского общественного управления и порядок избрания гласных); Л. А. Велихов – он был отозван из армии (организация городских финансов); М. М. Новиков (надзор за деятельностью городского общественного управления). На них возлагалась задача: определение главных положений проекта (для предварительного обсуждения в Комиссии) и последующая подготовка текста статей Городового положения. Участвовать в разработке проекта выразили желание также члены комиссии М. Д. Калугин (надзор и избирательное право), В. И. Алмазов, Н. И. Блажков, П. В. Синадино (компетенция и избирательное право)⁴⁰⁷.

Комиссия заседала 2 раза в неделю. Почти ежедневно собирались подкомиссии. В качестве экспертов на частные совещания привлекались ученые. Так, в совещании по финансовым вопросам участвовали профессора М. А. Курчинский, В. Н. Твердохлебов, М. И. Фридман, председатель Общества финансовых реформ М. П. Федоров, А. А. Журавлев и др. В совещаниях по строительному, жилищному и земельному вопросам принимали участие представители Императорского общества архитекторов, Общества гражданских инженеров, Общества межевых инженеров, Общества архитекторов-художников и Общества «городов-садов». Деятельность Комиссии вызывала широкий общественный интерес. 20 марта проходило многочленное заседание в здании Городской думы. Присутствовали депутаты Государственной думы, гласные, представители ученых обществ. С докладом выступили Л. А. Велихов, Д. А. Крыжановский (гласный Петербургской думы), Д. Д. Протопопов. Из провинциальных городов в Комиссию приходило много писем и телеграмм⁴⁰⁸. Рассчитывали, что при сохранении напряженного темпа работы Комиссия сможет внести проект реформы на рассмотрение Государственной думы уже в весеннюю сессию. Но буквально с первых шагов работы выявились непреодолимые разногласия по вопросу об избирательном законе. Часть членов Комиссии отстаивала неприемлемую

⁴⁰⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 561. Л. 58–60.

⁴⁰⁸ Городское дело. 1916. № 7. С. 338–339.

для большинства идея всеобщего избирательного права, другая вопрос о расширении избирательных прав увязывала с разрядной системой выборов, тоже абсолютно неприемлемой для многих. Депутатом М. М. Новиковым было внесено предложение вопрос об избирательном праве выделить в самостоятельный законопроект, чтобы не задерживать прохождение остальных частей Городового положения. Против выступили депутаты Л. А. Велихов и Н. И. Родзевич. По их мнению, реформа избирательного закона является краеугольным камнем преобразования городского самоуправления: само по себе введение нового Городового положения без одновременного коренного изменения состава гласных не приведет к осязаемому улучшению условий деятельности городского управления⁴⁰⁹.

Работа над проектом, кроме раздела об избирательном законе, шла вполне успешно, представителям разных фракций, несмотря на разногласия, все же удавалось достигать компромисса. К маю 1916 г. была подготовлена редакция более 200 статей проекта. Что касается избирательного закона, то «докладчик» по данному разделу Арефьев в конце мая представил на предварительное обсуждение только главные направления закона. В основу реформы избирательного закона им была положена разрядная система выборов. Арефьев допускал возможность даже всеобщего избирательного права при условии разрядного порядка выборов. (Имелось в виду ввести дополнительный разряд, в который входили бы лица, не обладающие никаким цензом). Однако на разрядную систему не могли согласиться ни кадеты, ни прогрессисты. «Неудобство и вред от нее, – заявил Велихов на заседании, – столь велик, что в некоторых отношениях предпочтительнее даже осужденная жизнью система выборов по Городовому положению 1892 г.»⁴¹⁰. Решение вопросов, связанных с избирательным законом, было перенесено на осень. Д. Д. Протопопов, обзревая ход работы над реформой, писал: «Городовое положение в эту сессию не осуществилось. Слишком глубоки были разногласия между членами городской комиссии по вопросу об избирательном праве, но важно, что думская комиссия все-таки начерно выработала удовлетворительный, в общем, проект Городового положения – проект, который отличается известной цельностью, который является значительным шагом вперед...»⁴¹¹.

Осенью 1916 г. Комиссия по городским делам Государственной думы окончательно доработала все статьи проекта городского положения, кроме относящихся к избирательному закону. В прогрессивных му-

⁴⁰⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 561. Л. 116.

⁴¹⁰ Там же. Л. 58–60.

⁴¹¹ Городское дело. 1916. № 11–12. С. 591.

ниципальных кругах проект оценивался положительно, рассматривался как шаг вперед по сравнению с действующим Городовым положением и проектом, подготовленным Министерством внутренних дел. Что касается избирательного закона, то достичь компромисса между двумя непримиримыми сторонами по существу так и не удалось. Правда, кадеты формально добились желаемого результата при голосовании соответствующих статей. 7 декабря 1916 г. большинство (11 против 10) высказалось против курιαльной системы. 14 декабря 9 голосами (при 11 воздержавшихся) был отклонен всякий имущественный ценз⁴¹². Однако кадеты отдавали себе отчет в том, что провести эти нормы через Государственную думу, не говоря уже о Государственном совете, не удастся.

До прекращения работы Государственной думы в феврале 1917 г. ни правительственный, ни думский проекты так и не поступили на ее рассмотрение. Дальнейшие шаги по преобразованию городского самоуправления были предприняты уже после падения царского режима и связаны с законодательными актами Временного правительства.

Л. С. БОРОДУЛИНА

Церковные вопросы в IV Государственной думе в годы Первой мировой войны

Начало Первой мировой войны кардинально изменило политическую ситуацию в России. С этого момента законодательная деятельность Думы, направленная к обновлению государственного строя России, по сути, прекратилась. Даже того немногого, что намечалось к разработке, не удалось сделать⁴¹³. Теперь первостепенными стали проблемы работы промышленности для нужд фронта, снабжения армии и т. п.

Собственно говоря, на обсуждение депутатов вносились законопроекты, которые можно условно разделить на два разряда: об отпуске сумм на различные церковные нужды и о предоставлении духовенству тех или иных прав⁴¹⁴. Начало Первой мировой войны нарушило

⁴¹² Там же. № 24. С. 1198–1199.

⁴¹³ *Одищев М. И.* Государство и Церковь в России. XX век. М., 1994. С. 192–193.

⁴¹⁴ *Фирсов С. Л.* Русская церковь накануне перемен (к. 1890–1918). М., 2002. С. 368.

ход работы Думы, сессии стали созываться нерегулярно, церковные вопросы окончательно перешли в разряд второстепенных⁴¹⁵. По утверждению С. Л. Фирсова, церковные вопросы поднимались в общем собрании Государственной думы всего два раза: «при обсуждении финансовой сметы в феврале 1916 г. Другой пример – обсуждение в конце ноября того же года запроса об учреждении второй должности товарища обер-прокурора Святейшего Синода, специально создававшейся тогда для близкого столичному митрополиту Питириму (Окову) князя Н. Д. Жевахова»⁴¹⁶. Однако, согласно стенографическим отчетам, помимо двух вышеуказанных случаев в годы Первой мировой войны депутаты обращались к церковным вопросам каждый раз, когда на утверждение общего собрания Государственной думы вносились законопроекты о дополнительном ассигновании православного ведомства.

В рамках обсуждения финансовой сметы Св. Синода в феврале 1916 г. депутаты не упустили случая поднять вопрос о церковном реформировании. Направления реформ были определены уже давно, таким образом, главным предметом обсуждения стала не суть самих преобразований, а участие Государственной думы в деле церковного реформирования и причины отсрочки проведения реформ в жизнь. Уже докладчик бюджетной комиссии В. А. Потулов (земец-октябрист) заявил на заседании 25 февраля 1916 г., что «Государственной думе придется путем отмены существующих законов, или путем создания новых законов принимать участие в коренной реформе церковного управления»⁴¹⁷. Е. П. Ковалевский (земец-октябрист) отметил, что даже «противники вмешательства народного представительства в область церковной жизни члены Государственной думы В. Н. Львов (фракция центра) и В. П. Шени (прогрессивный националист) выступили в бюджетной комиссии против системы безучастия и громко заговорили о праве поднять свой голос по этим вопросам»⁴¹⁸. Сам В. П. Шени говорил: «Я отстаиваю наше [Государственной думы] право указывать на все церковные нестроения, высказывать наши пожелания о всех церковных преобразованиях, указывать их способы устранения и совершения. Но при всем том я далек от мысли, чтобы Государственная дума име-

⁴¹⁵ К подобным выводам пришли: *Кудрина Т. А., Пипкевич В. К.* Веронисповедные реформы в России в нач. XX в. М., 2003; *Цытин В.*, прот. Русская православная церковь в синодальную эпоху. 1700–1917. М., 2002; *Федоров В. А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 гг. М., 2003.

⁴¹⁶ *Фирсов С. Л.* Указ. соч. С. 389.

⁴¹⁷ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия IV. Пг., 1916. Ч. 2. Стлб. 2163.

⁴¹⁸ Там же. Стлб. 2188.

ла право сама, собственною своею властью, собственными своими законодательными правами, совершать в Церкви те или иные преобразования»⁴¹⁹.

Почему же депутаты так активно заговорили об их праве вмешиваться в дела ведомства православного исповедания, по крайней мере, по вопросу церковных реформ? Связано это было, в первую очередь, с тем, что лимит доверия церковному управлению в этом вопросе был исчерпан. Шли годы, а реформ все не было. «Мы все говорим о реформах, и реформы эти не двигаются, – возмущался депутат В. А. Потулов, – мы стоим на какой-то мертвой точке, с которой никак не можем сдвинуться»⁴²⁰. Ему вторил другой депутат Е. П. Ковалевский: «Как тяжел в действительности переход от самых искренних обещаний и наилучших намерений к делам, не к мелким делишкам, а к настоящим большим делам»⁴²¹. Церковные реформы откладывались, как уверяли церковные власти, ненадолго – сначала до созыва Поместного Собора, а потом к этому аргументу добавился еще один очень существенный: после преодоления трудностей военного времени. В целом, приходилось ждать все того же Поместного Собора, только он отодвигался на еще более неопределенный срок. На все пожелания Государственной думы «холодным консисторски корректным тоном по всем пунктам следовал отказ, не обращая внимания на внутренние противоречия в ответах. Депутаты ходатайствовали о созыве Поместного собора, им говорили, что во время войны нечего и думать. Народное представительство настаивало во имя блага Церкви вместо обер-прокурорского усмотрения принцип строгой законности при замещении архиерейских кафедр; им отвечали, что подобный вопрос вправе лишь Собор...»⁴²². Сложившаяся ситуация наводила на размышления об элементарном нежелании высшей церковной власти проводить преобразования. «Не является ли Собор просто ширмой, просто такой благовидной причиной, благовидным отводом глаз, для того чтобы не делать того, что, якобы, должен сделать сам Собор?»⁴²³, – рассуждал В. П. Шеин. Он указывал на возможность церковных преобразований вне созыва Собора. К сожалению, его пожелание осталось лишь пожеланием, а не руководством к действию. До начала революции 1917 г. реформы так и не были проведены, хотя в синодальном ве-

⁴¹⁹ Там же. Стлб. 2221.

⁴²⁰ Там же. Стлб. 2170.

⁴²¹ Там же. Стлб. 2188.

⁴²² Петроград. Синод и Государственная дума / Петроградские отклики // Киевлянин. 1916. 25 октября.

⁴²³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия IV. Ч. 2. Стлб. 2225.

домстве велась кипучая работа (или видимость работы?) по разработке намеченных преобразований. На практике был реализован лишь ряд мер (создание митрополичьих округов, учреждение викариатств, освобождение епископов от ряда дел и пр.), которые могли бы явиться прологом к полноценным реформам, но сами по себе не могли повлиять на существующий ход церковной жизни.

Стоит особо выделить мнение одного из депутатов, А. С. Суханова (трудовик), который считал, что ни Поместный Собор, ни реформа прихода, духовного суда и бракоразводного процесса, ни какая-либо другая из намеченных реформ не приведут к желанной цели, так как «главное зло – закабаленность от светской власти – останется нетронутой... Только тогда, когда Церковь будет отделена от государства, только тогда государственная власть избавится от соблазна пользоваться Церковью в интересах, ничего не имеющего общего с верой, и только тогда верующие смогут по совести служить Богу...»⁴²⁴. И с ним трудно не согласиться. Взгляд на Церковь как на «прислужницу власти»⁴²⁵, по меткому выражению депутата А. С. Суханова, зачастую мешал членам Думы находить взаимопонимание с православными клириками при обсуждении вопросов, решение которых прямо или косвенно влияло на экономическое состояние ведомства православного исповедания и могло бы способствовать улучшению положения РПЦ в последние годы перед началом революции 1917 г.

Во время обсуждения законопроектов о дополнительном ассигновании православного ведомства депутаты Государственной думы вновь обращались к делам Церкви, и, прежде всего, к церковным реформам. Таким образом, вопрос о церковных реформах продолжал оставаться для депутатов актуальным. Так, на примере быстрого внесения и принятия законопроекта об изменении закона относительно выдачи пособия на постройку церковно-приходских училищ в виду вздорожания цен на материал и рабочие руки (18 июня 1916 г.)⁴²⁶ депутат А. Н. Русанов (беспартийный) акцентировал внимание на отсутствие продвижения в деле разрешения других более значимых церковных вопросов: «Скорость [внесения данного законопроекта], конечно, очень похвальна, но если бы такая скорость применялась к целому ряду других, более важных законопроектов, особенно тех, против которых у Думы нет принципиальных

⁴²⁴ Там же. Стлб. 2218.

⁴²⁵ Там же. Стлб. 2216.

⁴²⁶ 7 июня 1916 г. законопроект только поступил в Государственную думу, 17 июня был роздан депутатам для ознакомления, а 18 июня уже рассматривался в общем собрании Государственной думы (Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия IV. Пг., 1916. Ч. 3. Стлб. 5736).

возражений, то, конечно, это было бы, несомненно, целесообразно»⁴²⁷. Однако другие законопроекты надолго задерживались в комиссии по делам Православной Церкви или в меведомственных комиссиях. Только 4 февраля 1917 г. закрылись занятия меведомственного совещания по вопросу о назначении содержания духовенству. Совещание закрылось при печальных предзнаменованиях: представитель Министерства финансов заявил, что ведомство не может дать согласия на отпуск требуемой суммы 200 050 000 руб. в год. Таким образом, занятия меведомственного совещания приобрели академический характер.

Проблема материального положения приходского православного духовенства была одной из наиболее часто обсуждаемых при рассмотрении церковных вопросов в Государственной думе. Материальная обеспеченность приходского духовенства в начале XX века отличалась резкими контрастами. Существовали богатые приходы, обычно в крупных городах, где приходской причт получал хорошие платы за требы и «заказные» службы. Однако подавляющая масса приходского духовенства, особенно сельского, жила бедно⁴²⁸. Кроме того, приходское духовенство было отягощено всевозможными поборами со стороны своего духовного начальства. Поборы начинались уже с момента постановления в священники, что служило немаловажной статьёй дохода для епархиального начальства. Затем священник должен был ежегодно платить «архиерейскую дань». Размеры ее были различными, в зависимости от числа приходских дворов, количеств церковной земли и пр. Помимо «архиерейской дани» на содержание архиерейской администрации взималась десятая часть приходского дохода. В довершение всего, сельскому духовенству приходилось терпеть разорительные разъезды архиерея по епархии: издержки для причтов на содержание как самого архиерея, так и всей его свиты, и, кроме того, на «почетные дары»... Были и разные чрезвычайные сборы. Сам приезд священника в епархиальный город по делам сопровождался множеством расходов «на поклоны». Подача приходских сказок и ведомостей всегда сопровождалась «подношениями». Брали с попов даже «всякого рода рассыльные с указами духовенству». Наделенные церковной землей* и скудные денежные платы из казны не могли решить проблемы достаточного материального обеспечения сель-

⁴²⁷ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия IV. Пг., 1916. Ч. 3. Стлб. 573б.

⁴²⁸ Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. С. 41.

* В 1765 г. в связи с начавшимися Генеральным межеванием земель было принято решение об отводе сельским церквам по 33 десятины – 30 пашни и 3 сенокоса.

ского духовенства. Основным источником существования многодетных поповских семей были платы за требы, пожертвования, подаяния от прихожан. Это нередко ставило пастырей с прихожанами в натянутые, иногда просто враждебные отношения ⁴²⁹. Именно бедственное материальное обеспечение духовенства являлось одной из причин упадка прихода, разобщенности пастыря со своей паствой. Депутат А. А. Назаров (к.-д.) на заседании Государственной думы 28 марта 1916 г. ⁴³⁰ в своей речи так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Раз нет закона, нет определенных цифр вознаграждения, то в таких случаях всегда является самый полный простор произволу: с одной стороны, церковный приход не имеет никаких прав, а с другой – духовенство остается с полным произволом действий. <...> Если вы всмотритесь в жизнь сельского духовенства, то нам нужно давным-давно обеспечить казенным определенным содержанием сельское духовенство <...> Нынешнее положение заставляет и само духовенство идти по скользкому пути <...> Были такие случаи, когда миром собирались доски для того, чтобы сколотить гроб умершему, несчастному семьянину, и в это время священник не идет похоронить потому, что ему не дают 5 рублей. Все это печально, все это гадко, но вместе с тем постановка, бесправное положение духовенства и неопределенная таксировка жалования ведут к нежелательным последствиям и пререканиям прихожан со своими священниками» ⁴³¹.

При этом депутаты считали, что принятие отдельных законопроектов об отпуске кредитов на обеспечение приходского духовенства явно недостаточно, необходимо было принятие полного комплекса реформ. «Содержание самого духовенства, безусловно, является необходимым, но мне бы казалось, что это должно быть связано именно с уставом православного прихода» ⁴³², – заявлял депутат Назаров на заседании 16 мая 1916 г. ⁴³³. Еще при обсуждении сметы Св. Синода в феврале 1916 г. об этом же говорил докладчик бюджетной комиссии Потулов: «Чтобы разрешить вопрос о вознаграждении духовенства и материальном обеспечении, надо реформировать приход, так как часть вознаграждения должна

⁴²⁹ Федоров В. А. Указ. соч. С. 43–44.

⁴³⁰ На этом заседании Государственной думы обсуждался законопроект о продлении срока действия закона 12 июля 1913 г. об ассигновании сумм на содержание духовно-учебных заведений.

⁴³¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия IV. Пг., 1916. Ч. 3. Стлб. 4381

⁴³² Там же. Стлб. 4381.

⁴³³ На этом заседании Государственной думы обсуждался законопроект о предоставлении дополнительных средств на увеличение содержания городского и сельского духовенства.

падать на местные средства»⁴³⁴. Отвечая на заявление обер-прокурора А. Н. Волжина о необходимости создания митрополичьих округов, В. Н. Львов отмечал, что «выхваченные из целой схемы преобразований они ни к чему не приведут»⁴³⁵. Это замечание В. Н. Львова можно уверенно отнести и к реформе по обеспечению православного приходского духовенства, которую Св. Синод пытался проводить отдельно от приходской реформы.

В 1915 г. умер Киевский митрополит Флавиан, после его смерти на Киевскую кафедру был переведен Петроградский митрополит Владимир с оставлением его первоприсутствующим членом Синода. Петроградскую же кафедру занял экзарх Грузии Питирим. Перевод первенствующего члена Св. Синода Петроградского митрополита на Киевскую кафедру был фактом небывалым в истории Русской Православной Церкви. Его не могли понять иначе, как опалу. Протопресвитер русской армии и флота Г. Шавельский писал: «В Петроградском, уже взвинченном распутинской историей, обществе он вызвал множество толков и опасений, – опасались даже бунтов в народе. Непопулярный и незаметный митрополит Владимир сразу стал популярным и почти знаменитым. Не менее сенсационным было назначение архиепископа Питирима на Петроградскую митрополичью кафедру»⁴³⁶.

Скорее всего, Питирим действительно был назначен на Петроградскую кафедру не без влияния Распутина. Вероятно, Распутин действовал через царицу Александру Федоровну; приведем текст письма Александры Федоровны мужу (от 12 ноября 1915): «Душка, я забыла рассказать тебе о Питириме, экзархе Грузии... Он человек достойный и великий молитвенник, как говорит наш Друг (т. е. Распутин). Он просит тебя быть твердым, так как Питирим единственный подходящий человек. У Него (Распутина) нет никого, кого бы он мог рекомендовать на место Питирима... Это твое желание, – ты повелитель»⁴³⁷. Содействуя Питириму, Распутин преследовал простую цель: хотел иметь в столице близкого человека, которому было бы отведено крупное значение в сфере влияния во дворце⁴³⁸. Современник Питирима С. Белецкий вспоминал: «Ни я, ни Хвостов Питирима не знали... Вырубова уже давно знала Питирима, у него были давнишние связи со двором и, наконец, кандидатуру

⁴³⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия IV. Ч. 2. Стлб. 2167.

⁴³⁵ Там же. Стлб. 2205.

⁴³⁶ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1993. Т. 1. С. 375.

⁴³⁷ *Евреинов Н. Н.* Тайна Распутина. Л., 1924. С. 41–42.

⁴³⁸ *Фирсов С. И.* Указ соч. С. 443.

его провел Распутин. После смерти митрополита Флавиана в Киеве мы проводили через Вырубову и Распутина Питирима в Киев, но Волжин [обер-прокурор] получил от Государя приказание о назначении митрополита Владимира в Киев, а Питирима в Петроград. Из всей обстановки назначения Питирима ясно было видно желание двора иметь около себя близкого человека. Мы поняли, что в силу занимаемого им положения, ему будет отведено крупное влияние при дворе»⁴³⁹. И митрополит Питирим действительно стал иметь большое влияние при дворе.

На заседании 29 ноября 1916 г. обсуждался запрос 35 членов Государственной думы по поводу учреждения второй должности товарища обер-прокурора Святейшего Синода, как тогда говорили, специально для близкого Петроградскому митрополиту Питириму князя Н. Д. Жевахова. Действительно, Питирим не пользовался тогда поддержкой обер-прокурора Синода А. Н. Волжина, и ему хотелось иметь в Синоде близкого человека. По признаниям самого князя Н. Д. Жевахова, митрополит Питирим повлиял на назначение его на эту должность: «10 октября 1915 г. императрица осведомилась обо мне у митрополита Питирима, то Владыка дал обо мне добрый отзыв, не скрывая и от меня, что желал бы привлечь меня на службу в Синод, и жалуясь на нестерпимые условия, его окружавшие»⁴⁴⁰. Должность второго товарища обер-прокурора Святейшего Синода была «учреждена через журнал Совета министров от 12 августа 1916 г.»⁴⁴¹, «15 сентября 1916 г. состоялся Высочайший Указ о назначении [Н. Д. Жевахова] вторым товарищем обер-прокурора Св. Синода»⁴⁴².

Депутаты Государственной думы выступили против учреждения должности второго товарища обер-прокурора Св. Синода, указывая на ее незаконность. Исключительно резким было выступление В. Н. Львова, он обвинял митрополита Питирима «поставлением не в священники, а в члены Совета министров и в администраторы»⁴⁴³. Скорее всего, В. Н. Львов в данном случае намекал на роль, которую сыграл митрополит Питирим в деле назначения председателем Совета министров Б. П. Штюрмера. В. Н. Львов призывал, что Церковь «должна быть свободной в своем внутреннем положении»⁴⁴⁴. «Если общая свобода даст свободу и Церкви, то да будет благословенен ее приход», – заключал

⁴³⁹ Святой черт: Сборник. М., 1991. С. 32 – 33.

⁴⁴⁰ [Жевахов Н. Д.]. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова (сент. 1915–март 1917). М., 1993. Т. 1. С. 132.

⁴⁴¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1917 г. Сессия V. Пг., 1917. Стлб. 609.

⁴⁴² Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. С. 132.

⁴⁴³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1917 г. Сессия V. Стлб. 612.

⁴⁴⁴ Там же.

свою парламентскую речь В. Н. Львов. Таким образом, по мнению А. В. Карташева, депутаты придерживались «точки зрения на церковную реформу как неотделимую часть общей политической реформы»⁴⁴⁵, и именно так ее и следовало рассматривать.

Таким же резким, как и В. Н. Львова, было выступление и другого депутата – В. А. Маклакова (к.-д.), намекавшего, что должность второго товарища создавалась в угоду силам, поддерживавшим Распутина. Наряду со светскими депутатами откровенно выступали и депутаты-священники. О «темных силах» говорил отец С. А. Крылов (фракция центра). Особенно горяча была речь националиста В. И. Немерцалова, предлагавшего Государственной думе выдвинуть лозунг: «Долой темные силы от святых врат Церкви»⁴⁴⁶.

Вопреки возражениям депутатов Государственной думы назначение Н. Д. Жевахова все же состоялось, на тот момент прежний товарищ обер-прокурора Св. Синода Н. Ч. Зайончковский был отправлен в отставку и «получил место сенатора»⁴⁴⁷, а Н. Д. Жевахов стал единственным товарищем обер-прокурора Св. Синода⁴⁴⁸.

Таким образом, стоит отметить, что несмотря на начавшуюся Первую мировую войну, церковные вопросы по-прежнему волновали депутатов Государственной думы. Всего, по нашим подсчетам, церковные проблемы на общем собрании Государственной думы обсуждались 5 раз: при обсуждении финансовой сметы в феврале 1916 г., во время обсуждения законопроектов о продлении срока действия закона 12 июля 1913 г. об ассигновании сумм на содержание духовно-учебных заведений (заседание 28 марта 1916 г.), о предоставлении дополнительных средств на увеличение содержания городского и сельского духовенства (заседание 16 мая 1916 г.), об изменении закона относительно выдачи пособия на постройку церковно-приходских училищ в виду вздорожания цен на материал и рабочие руки (18 июня 1916 г.) и при обсуждении в конце ноября 1916 г. запроса об учреждении второй должности товарища обер-прокурора Святейшего Синода.

Но, прежде всего, обсуждение на общем собрании Государственной думы было направлено против пагубного влияния «темных сил» (Григория Распутина) на дела церковные, а также обвинения в адрес Синодаль-

⁴⁴⁵ *Карташев А.* Реформа, реформация и исполнение Церкви. Пг., 1916. С. 9.

⁴⁴⁶ *Фирсов С. Л.* Указ. соч. С. 389.

⁴⁴⁷ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1917 г. Сессия V. Стлб. 610.

⁴⁴⁸ Должность второго товарища обер-прокурора Св. Синода в связи с уходом в отставку Н. Ч. Зайончковского была упразднена ([*Жевахов Н. Д.*]. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. С. 132).

ного ведомства в нежелании проводить церковные реформы. При этом выяснение истинных причин бездеятельности Св. Синода по вопросам церковного реформирования мало занимало депутатов Государственной думы, так как все сводилось к тому же влиянию «темных сил». Отмечая общий развал Церкви к началу Февральской революции, выражавшийся в полном бесправии Св. Синода и обер-прокурора, депутаты Государственной думы призывали к разграничению властных полномочий между синодальным ведомством и обер-прокурорской властью, признавали право Государственной думы на указание недостатков в церковной жизни, вместе с тем отмечалось, что свобода Церкви может быть предоставлена только в рамках проведения общей политической реформы.

И. В. АЛЕКСЕЕВА

«Военные» сессии IV Государственной думы (июль 1914–начало 1917 г.)

Первая мировая война, послужившая прологом, более того, одной из основных причин событий 1917 г., не могла не затронуть всех политических институтов России, в том числе молодого российского парламента, в то время представлявшего собой, по сути, срез российского общества. И поэтому не случайно в четвертой Государственной думе именно вопросы взаимоотношений Думы и власти, общества и власти становятся ведущими вопросами повестки дня.

Сессии четвертой Государственной думы, проходившие в 1914 – начале 1917 г., вошли в историю под названием «военных сессий». Они ведут отсчет с внеочередного заседания 26 июля 1914 г., посвященного началу войны. Надо сказать, что это заседание отражало общую картину патриотического подъема, а если говорить конкретно – о либеральной думской оппозиции и позиции большинства депутатов Думы, – то надежду народных представителей на либерализацию русских внутриполитических институтов под влиянием совместной борьбы России и стран-союзниц, Англии и Франции (или, как их называли, скажем, кадеты, «западных демократий») против авторитарической Германии. В частности, об этом говорил лидер кадетской фракции П. Н. Милуков: «Победа великого дела свободы в России невозможна без победы над императором Вильгельмом»⁴⁴⁹. В той или иной форме данное убеждение неоднократно высказывалось на заседании 26 июля 1914 г. пред-

⁴⁴⁹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 1. Л. 113.

ставителями практически всех фракций (кроме крайне левых и крайне правых). По сути, был выдвинут примирительный (правда, некоторые историки применяют термин «капитулянтский») лозунг «Забвение распрей внутренних перед лицом врага внешнего» – т. е. фактически Дума в этот день провозгласила отказ от борьбы с властью на время войны, считая подобную тактику неуместной⁴⁵⁰.

Следующая сессия четвертой Государственной думы открылась только через полгода после начала военных действий, 27 января 1915 г. В целом тон этой сессии отличался от того, что происходило в Думе 26 июля 1914 г. Уже на заседании 27 января депутаты связали воедино вопросы внутренней и внешней политики. Со стороны правой фракции Государственной думы прозвучали резкие выступления против эгоизма и бездеятельности союзников, в первую очередь Англии. В. М. Пуришкевич заявил, что «Англия готова воевать до последней капли крови русского солдата»⁴⁵¹. Либеральная часть Думы, прежде всего кадеты, горячо защищала страну-союзницу⁴⁵². Напряженные прения длились на протяжении почти всего заседания.

Либеральная позиция в области внутренней политики не претерпела значительных изменений со времени заседания 26 июля 1914 г. Депутаты пытались делать шаги навстречу правительству, навстречу власти, но ответных шагов так и не дождались. Однако, несмотря на критические высказывания в печати, на определенные нотки недовольства в выступлениях либеральных депутатов в Государственной думе, думская оппозиция гражданского мира, декларированного ею, не нарушила, и, прежде всего, потому, что в тот момент наличие гражданского мира, единение власти и общества связывалось с успешным ведением Россией войны. В частности, лидер кадетов П. Н. Милюков, выступая с трибуны Думского зала, заявил буквально следующее: «За войну или против войны – так встал основной вопрос, решенный основным большинством Государственной Думы положительно»⁴⁵³. Кадеты в лице П. Н. Милюкова высказались еще яснее: «Сегодня мы решаем только вопрос о войне. Война есть наше собственное, русского парламента, дело. Его мы должны решить в свою пользу, совершенно независимо от того, как мы смотрим на внутреннюю политику нашей власти»⁴⁵⁴.

⁴⁵⁰ Там же. Ф. 629. Оп. 1. Д. 18. Л. 6.

⁴⁵¹ Русское знамя. 1915. 29 января.

⁴⁵² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия III. Пг., 1915. Стлб. 51.

⁴⁵³ Там же. Стлб. 54.

⁴⁵⁴ Там же. Стлб. 56.

Просуществовав фактически всего три дня, 29 января 1915 г. думская сессия, сильно раздражавшая власть, была неожиданно прервана — с уклончивой формулировкой: до ноября 1915 г. (на деле депутаты продолжили работу в июле). Причем, если либералы о результатах работы думской сессии отзывались положительно (газета «Речь», печатный орган кадетов, писала: «В думских выступлениях наши враги не нашли никаких утешений, наши союзники нашли полное сознание их заслуг, а армия — благодарственный отклик»⁴⁵⁵), то правые высказались в своей газете «Русское знамя» (в годы войны получившей ироническое название «Прусское знамя») примерно так: «Таврическая говорильня закрылась до глубокой осени. Жаль, что не навсегда»⁴⁵⁶.

На вновь открывшейся сессии 19 июля 1915 г. обстановка была уже совершенно иная, и это было вызвано целым рядом тяжелейших для страны обстоятельств: во-первых, начавшимся весной 1915 г. трагическим отступлением русской армии, оставлением огромных территорий, хлынувшим в Москву и Петроград потоком беженцев; во-вторых, слухами о беспрецедентной измене наверху (одно только так называемое дело Сухомлинова чего стоило — когда военного министра России убирают с его поста по обвинению в измене и предательству, что и произошло именно в июне 1915 г.⁴⁵⁷). Кроме того, в это время наметился кризис с обеспечением армии вооружением. Иными словами, каждому в России было ясно, что русский солдат отступает не в силу недостатка храбрости, а в силу того, что ему буквально нечем сражаться. Получила распространение бесчеловечная практика, когда невооруженным новобранцам, доставленным к линии фронта эшелонами, предлагалось достать оружие в бою. Понятно, какие в это время были жертвы, сколько людей гибло совершенно ни за что⁴⁵⁸.

Указанные обстоятельства определили нарастающий разрыв власти и Думы, власти и общества. Со стороны власти это выразилось в постоянно обсуждавшейся в верхах возможности прекратить работу Государственной думы на период войны, а также в неприятии буржуазно-общественных организаций, в основе которых были вовсе не политические идеи и замыслы, а стремление наладить снабжение фронта в виду нераспорядительности властей. Со стороны Думы начался так называемый наскок на власть. Вновь в либеральной прессе появились

⁴⁵⁵ Речь. 1915. 29 января.

⁴⁵⁶ Русское знамя. 1915. 31 января.

⁴⁵⁷ Алексеева И. В. Агония Сердечного Согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990. С. 94–95.

⁴⁵⁸ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 1. Л. 151; Речь. 1915. 13 апреля.

резкие публикации, думские выступления стали крайне критичными ⁴⁵⁹. Поэтому сессия июля–августа 1915 г. не случайно получила классическое название «Сессия патриотической тревоги», что отражало состояние русского общества по поводу происходящего в стране ⁴⁶⁰.

Реакция верхов на критику Думы была не только негативной, порой она была просто нетерпимой. Об этом ясно свидетельствуют письма императрицы Александры Федоровны за июль–август 1915 г. в Ставку супругу: «Опять эта Дума! Они будут вмешиваться в вопросы, которые их не касаются. Ты есть и должен оставаться самодержавным императором. Мы не подготовлены для конституционного правительства» ⁴⁶¹. Из реакции императрицы понятно, каких масштабов достигло непонимание между Думой и властью в тот период.

Наибольшей степени оппозиционности Дума достигла к августу 1915 г. На резкие действия правительства Дума ответила созданием 12–13 августа 1915 г. единого фронта оппозиции – Прогрессивного блока ⁴⁶². Основным требованием блока стало создание ответственного министерства или министерства доверия, т. е. создания правительства, полностью ответственного перед Думой. Термин «ответственное министерство» предполагал, что в его состав войдут, в первую очередь, бывшие «думцы» – общественные и политические деятели России. «Министерство доверия» – это была более мягкая формулировка, потому что предполагалось сохранение на своих постах либеральных министров, таких как министр иностранных дел С. Д. Сазонов или министр народного просвещения П. Н. Игнатьев. Следует отметить, что «наскоки» оппозиции на власть не остались сию незамеченными. Так, в личных бумагах Николая II было обнаружено три списка членов как предполагаемого «ответственного министерства», так и «министерства доверия», с саркастическими комментариями царя на полях против многих фамилий ⁴⁶³. С исторической точки зрения любопытно, что состав предложенного Думой ответственного министерства практически идентичен первому составу будущего Временного правительства. То есть, уже в 1915 г. думские деятели озаботились вопросом о том, кто придет к власти через какое-то время. Правда, решение данного вопроса откладывалось «на после войны».

Царизм ответил Думе очень жестко – парламент был разогнан. Это произошло 3 сентября 1915 г. Войска, оцепив двумя шеренгами здание

⁴⁵⁹ Речь. 1915. 4 мая; Утро России. 1915. 24 мая.

⁴⁶⁰ ГАРФ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 18. Л. 18–18 об.

⁴⁶¹ Переписка Н. и А. Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 224.

⁴⁶² Утро России. 1915. 14 августа.

⁴⁶³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2097. Л. 1.

Таврического дворца, вошли затем (впервые в истории Думы) в зал заседаний. Председателю Государственной думы М. В. Родзянко было предложено объявить о перерыве работы до ноября вследствие чрезвычайных обстоятельств – что он и сделал. Разгон Думы с применением армии занял всего две минуты ⁴⁶⁴.

Депутаты в этих условиях держались достойно: они даже выдержали процедуру – недружно, но крикнули традиционное «Государю императору – ура!» – и разошлись ⁴⁶⁵. «Почему, – недоумевала пресса в то время, – Дума не решилась открыто противостоять правительству?» Сказывались традиционные опасения думских деятелей, возникшие после революции 1905–1907 гг., что любые колебания, любые потрясения, особенно в период войны, могут вызвать революцию улицы, революцию снизу, которой думские деятели боялись. Как отмечал П. Н. Милюков, «Россию почти всегда захлестывает слева» ⁴⁶⁶.

На мой взгляд, лучше всего отношение Думы к происходящим событиям выразил депутат кадетской фракции В. А. Маклаков, брат занимавшего крайне правые позиции министра внутренних дел Н. А. Маклакова. В газете «Русские ведомости» появился фельетон «Трагическое положение», в котором В. А. Маклаков иносказательно говорил о том, что переживает Дума, что переживает Россия и какой выход из положения он видит. Автор фельетона рисовал примерно такую картину. Над пропастью несется автомобиль (читай – Россия); в этом автомобиле сидят люди, сидит мать (т. е. имелась в виду Родина-мать). Вдруг пассажиры замечают, что шофер (т. е. власть) либо пьян, либо безумен и управлять не может. Перед всеми, кто в этот момент находится в автомобиле, встает вопрос: что делать? Вырвать руль (т. е. власть) у безумного шофера? Но автомобиль может рухнуть в пропасть, и погибнет Родина-мать. Либо же закрыть глаза, отдавшись на волю Бога, и терпеливо ждать, чем все закончится: может быть, ничего не случится. И В. А. Маклаков, и большинство депутатов Думы склонялись именно ко второму варианту – по старой русской поговорке «Коней на переправе не меняют», т. е. никакими потрясениями, никакой революции во время войны ⁴⁶⁷.

Дума возобновила работу 9 февраля 1916 г. на фоне продолжавшегося кризиса, приведшего к последующим событиям 1917 г. Началась министерская чехарда, постепенно ухудшались взаимоотношения с союзниками, которые стали подозревать русское правительство в же-

⁴⁶⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия IV. Пг., 1915. Стлб. 127–128.

⁴⁶⁵ *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 134.

⁴⁶⁶ Красный архив. 1932. № 1 (50). С. 178–179.

⁴⁶⁷ Русские ведомости. 1915. 5 сентября.

лании заключить сепаратный мир. Постоянно циркулировали слухи о роспуске Думы и о возможном отстранении Николая II от власти. Война затягивалась, и соответствующие ей экономические трудности охватили широкие слои населения.

9 февраля 1916 г. впервые с начала войны власть предприняла очень нерешительную попытку примириться с Государственной думой – ее посетил Николай II. Депутаты приветствовали царя, выступившего с банальной короткой речью. Визит императора абсолютно ничего не изменил. Пропасть между властью и обществом все больше увеличивалась. В день, когда Думу посетил царь, П. Н. Милюков в своем выступлении процитировал выдержки из статьи английского журналиста Дилана, якобы написанной о ситуации в Англии. На самом деле, конечно, все понимали, что речь идет о России: «Те, кто находится у власти, страдают недостатком решимости, не отвечают ожиданиям страны. Пусть они уступят место тем, у кого есть воля, но которые хотели бы удержаться от участия во власти». Далее следовала весьма знаменательная концовка: «Если власть будет по-прежнему парализована, то парализующая сила должна быть устранена какой угодно ценой – хотя бы это стоило жертв людьми и учреждениями»⁴⁶⁸. Таким образом, оппозиция дала понять, что с гражданским миром покончено и взят курс на получение власти.

Противостояние народных представителей и власти наиболее остро проявилось в ходе последней в истории дореволюционной Государственной Думы сессии, которая открылась 1 ноября 1916 г. Самым знаменательным событием этого дня стала речь П. Н. Милюкова, получившая общепризнанное, даже в исторических работах, название «Глупость или измена?». Лидер кадетов, стоя на трибуне Думского зала, совершенно открыто обвинил премьер-министра Б. В. Штюрмера, министра внутренних дел А. Д. Протопопова, группу лиц – «придворную камарилью» – и саму императрицу Александру Федоровну в германофильстве и предательстве. После каждого удачного выпада в адрес правительства и «камарильи», приводя свидетельства их вопиющей безответственности и неспособности организовать страну на оборону, П. Н. Милюков патетически вопрошал: «Что это, спрошу я вас, господа, – глупость или измена?»⁴⁶⁹. Позднее в своих воспоминаниях оратор признавался, что ожидал отклика «глупость». Но битком набитый, наэлектризованный Думский зал и хоры, ломящиеся от публики, на каждый вопрос Милюкова откликались: «Это измена!».

⁴⁶⁸ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия IV. Стлб. 1489.

⁴⁶⁹ РГИА. Ф. 1278. Он. 5. Д. 266. Л. 66–84.

Речь кадетского лидера впоследствии стали называть (от чего он, кстати, постоянно отрекся) штормовым сигналом к революции. Мне, однако, представляется, что это не совсем справедливое суждение. Речь П. Н. Милокова была ожидаема, в чем-то ангажирована. Лидер либеральной оппозиции только так мог выступить в сложившейся ситуации. Скорее, штормовым сигналом к революции стало выступление совсем другого человека – одного из самых ярких представителей крайне правых В. М. Пуришкевича, следовавшее на той же думской сессии, через 13 дней после выступления П. Н. Милокова. Пуришкевича в либерализме и какой-либо оппозиционности заподозрить было весьма и весьма трудно. Однако речь его далеко превзошла речь Милокова – и по накалу, и по нацеленности, и по откровенности. В. М. Пуришкевич писал стихи, его политические сатиры ходили по Петрограду из рук в руки, и вот в своей думской речи он следующим образом характеризовал текущий момент – министерскую чехарду в России: «Русь что ни день меняет няньку, предавшись горькому посту. В лицо скорей узнаешь ваньку (т. е. извозчика. – *Авт.*), чем протопопа на посту». В данном случае имелся в виду министр внутренних дел А. Д. Протопопов⁴⁷⁰. И закончил выступление В. М. Пуришкевич (повторяю, крайне правый, убежденный монархист) следующим предложением к Думе: «Необходимо убрать бессовестную власть, губящую страну!»⁴⁷¹.

Фактически то, что происходило в Государственной думе осенью 1916 г., было поддержано союзниками России. Дело в том, что государства, сражавшиеся с Германией, все больше опасались выхода России из войны, заключения ее правительством сепаратного мира, поэтому поддерживали союзники в тот момент уже не русское правительство, а Государственную думу. Об этом в своих воспоминаниях высказался британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж: «Нам становилось все яснее в течение войны, что не царское правительство, а русский народ (т. е. Дума, русские либералы. – *Авт.*) – наш верный союзник в борьбе»⁴⁷².

Исходя из изложенного, можно утверждать, что в конце 1916 – начале 1917 г. думская оппозиция и союзники планировали «шторм власти», который, по их мысли, должен был проходить в форме «революции лиц» – т. е. смены лиц, а не режима, путем перестановки фигур в политической элите Российской империи. Предполагалось, что думские деятели, наиболее приемлемые с точки зрения западных политиков, мирно пересядут с депутатских мест прямо в министерские кресла.

⁴⁷⁰ [Пуришкевич В. М.]. Дневник В. Пуришкевича. Рига, 1924. С. 120–121.

⁴⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Оп. 246. Д. 307. Ат. 1 (2). Л. 157 об.

⁴⁷² Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1935. Т. 3. С. 359.

То есть, фактически, союзники ради сохранения России в войне и Дума ради получения власти планировали осуществить то, что можно назвать, пользуясь современной терминологией, первой «цветной революцией». Правда, ее потенциальные участники чаще всего употребляли термин «пасхальная революция», потому что смена власти планировалась на Пасху ⁴⁷³.

Но планам этим сбыться было не суждено, и, как с горечью писал в своих воспоминаниях английский посол в России, сэр Д. У. Бьюкенен, деятелей Государственной думы и союзников предупредило народное восстание ⁴⁷⁴. Или, говоря словами П. Н. Милюкова, Россию все-таки «захлестнуло слева».

М. М. САФОНОВ

Роль Государственной думы в подготовке отречения Николая II

При жизни Екатерины II пушечный выстрел с Петропавловской крепости два раза в день возвещал жителям Петербурга о восходе и заходе солнца. 8 ноября 1796 г. пушка выстрела в последний раз. «Российское солнце погасло, – писал адмирал Шишков, – Екатерина Великая телом во гробе, душою на небесах» ⁴⁷⁵. Одним из первых распоряжений нового царя был указ обер-коменданту Чернышеву, вошедший в Полное собрание законов «О не чинении впредь из Санкт-Петербургской крепости выстрелов поутру и ввечеру» ⁴⁷⁶. Сегодня пушка Петропавловки стреляет ровно в полдень. Собственно говоря, этот выстрел сейчас, как и раньше, представляет собой некий временной рубеж, выраженный посредством звука.

Во время революции 1917 г. тоже имел место временной рубеж, выраженный звуком. Я имею в виду не пресловутый залп «Авроры», а нечто другое. 27 февраля 1917 г., в половине 12-го вечера, вот здесь в Таврическом дворце имела место символическая сцена. Председатель Государственной думы М. В. Родзянко выпрямился в кресле и со всего маху ударил ладонью по столу. «Хорошо, господа, – громко произнес он, – я беру власть в свои руки. Но отсель прошу всех беспрекослов-

⁴⁷³ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Оп. 246. Д. 27. Л. 15.

⁴⁷⁴ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.; Пг., 1923. С. 187.

⁴⁷⁵ [Шишков А. С.] Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 9.

⁴⁷⁶ ПСЗРИ. 1-е изд. № 17535.

но мне подчиниться... Александр Федорович, это особенно к Вам относится», – произнес он, обращаясь к Керенскому⁴⁷⁷.

Едва ли кто из присутствовавших в тот момент в кабинете осознавал, что дерзкие слова председателя Государственной думы можно было уподобить известному монологу гоголевского героя, хотя теперь, спустя 90 лет, аналогия напрашивается сама собой: «Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор ушел, – куды ушел неизвестно. Ну, натурально пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, – нет, мудрено. Кажется и легко на вид, а рассмотришь – просто черт возьми! После видят, нечего делать – ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры... можете себе представить тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? – я спрашиваю. “Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!”... “Извольте господа, я принимаю должность, я принимаю... только уж у меня: ни, ни, ни..! Уж у меня ухо остро!”»⁴⁷⁸. И дело не в том, что никто из присутствовавших, в особенности Александр Федорович, подчиняться Михаилу Васильевичу не собирался, сколько бы он не произносил как заклинание: «Я сам, я сам... везде... везде...».

Самыми яркими фигурами во Временном комитете Государственной думы, созданном после ее роспуска для поддержания порядка и управления, оказались: М. В. Родзянко – председатель, П. Н. Милюков – лидер партии кадетов, А. Ф. Керенский – трудовик. Керенский был членом Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих депутатов, что придавало его голосу особую весомость. Причем по мере того, как Совет набирал силу, голос Керенского звучал все сильнее. С первой же минуты существования Комитета между ними завязалась борьба за лидерство. Все трое оставили мемуары о революции, но никто из них не рассказал об этой отчаянной схватке. Как раз наоборот, именно ее авторы воспоминаний старались тщательно затушевать. В самом деле, если бы они просто-напросто рассказали, как боролись за власть друг с другом, их откровения пролили бы яркий свет на то, как был создан первый в истории России «общественный кабинет». Это позволило бы понять, почему его конечным результатом стало то, что большевики без особого труда взяли власть в свои руки и не только уничтожили все, им сделанное, но создали коммунистический режим, по сравнению с которым режим самодержавный мог бы показаться ВИП-санаторисм.

С этого момента, когда Родзянко в сердцах саданул по столу, Государственная дума начала движение вверх по лестнице, ведущей вниз.

⁴⁷⁷ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 451.

⁴⁷⁸ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. М., 1951. Т. IV. С. 50.

Объявив о взятии власти, Дума по сути дела сама себя уничтожила. Резкий удар ладонью «толстяка» Родзянко, хотя в тот момент этого никто не осознавал, в сущности представлял собой нечто вроде хакакири, которое руками своего председателя совершил над собой первый российский парламент. Удар Родзянко оказался ударом по всему еще неокрепшему российскому парламентаризму. Государственная дума появилась при царе и существовала рядом с ним, точнее говоря, при нем. Дума без царя существовала только виртуально, на практике российская история такого феномена не знала. Не стало царя, не стало и Думы. Не прошло и пяти дней, как новая власть победившего режима признала существование Думы нецелесообразной. Она более не собиралась. Факир на час Родзянко фактически сошел, если не с исторической сцены, то, во всяком случае, с политического Олимпа и бывшему председателю оставалась лишь писать письма «другу Тряпичкину». Вся же власть оказалась в руках Временного правительства, никем не выбранного, ни перед кем неответственного, ни республиканского, ни монархического. Руки же этого российского Левиафана, уродца, не протянувшего и девяти месяцев, оказались настолько слабыми, что уже в октябре 1917 г. власть перешла к большевикам. А они 80 лет делали все, чтобы изгладить из исторической памяти малейшие намеки на то, что в начале XX века в России все же существовал, пусть и недолго, настоящий парламент. Хотя, и не совсем такой, как скажем, в Англии. Впрочем, именно таким он мог стать утром 2 марта 1917 г. Мог, но не стал.

2 марта 1917 г. 5 ч. 25 м. Николай II послал из Пскова, где царь находился «как мышь в западне»⁴⁷⁹, в Могилев в Ставку начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву следующую телеграмму: «Можно объявить представленный манифест, пометив сего Псковом. Николай»⁴⁸⁰. В манифесте содержалась сакраментальная формула, которая воплощала в себе квинтэссенцию политических вожделений думской оппозиции: «Я признал необходимым, – торжественно провозглашал монарх – призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование сего на председателя Государственной думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей страны»⁴⁸¹. В скобках замечу: в этой причудливой фразе необыкновенным образом соединились две разных формулы: и министерство доверия, и ответственное министерство. Видимо, авторы ее намеревались удовлетворить одновременно сторонников и того и другого. Во всяком слу-

⁴⁷⁹ Переписка Николая и Александры Романовых. (Далее: Переписка). М.; Л., 1927. Т. V. С. 232.

⁴⁸⁰ Красный архив. (Далее: КА). 1927. № 2. С. 62.

⁴⁸¹ Там же. С. 53–54.

чае, телеграмма царя, будь она осуществлена, ставила Родзянко во главу управления. Она легитимизировала переход фактической власти в руки председателя Государственной думы: царская санкция освящала, то есть делала законным то, что фактически Родзянко, вопреки действующему законодательству, провозгласил, ударив по столу председательского кабинета. Примечательно, что именно этого добивался Родзянко своими телеграммами в Ставку 26 и 27 февраля, «активацией» великого князя Михаила, вызванного им специально из Гатчины, инспирацией его обращения совместно с председателем Совета министров Н. Д. Голицына к царю, наконец, подготовкой присяжным поверенным Н. Н. Ивановым великокняжеского манифеста о даровании ответственного министерства ⁴⁸².

Парадокс ситуации заключался в том, что именно в тот момент, когда между 2.30 и 5.50 утра Родзянко узнал по прямому проводу из Пскова что получает царское «добро» на переход фактической власти в его руки и превращение России в конституционную монархию, наподобие английской, председатель Государственной думы оказался не в состоянии им воспользоваться.

Предложения даровать ответственное министерство или хотя бы образовать «министерство доверия», то есть составить правительство из людей, которым доверяет страна, всегда встречали у Николая II однозвучно негативное отношение. За несколько часов до того, как царь позволил отослать телеграмму об ответственном министерстве, он изложил главнокомандующему Северным фронтом Н. В. Рузскому свое кредо.

Формулируя его, Николай сказал, что ничего не желает для себя лично, ни за что не держится, но считает невозможным передавать управление Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести родине величайший вред, а завтра умоют руки, подав с кабинетом в отставку. «Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится, будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным советом – безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность».

Когда Николаю II говорили, что «его мысль ошибочна и следует принять формулу: государь царствует, а правительство управляет», он отвечал: такая «формула ему непонятна, надо быть иначе «воспитанным или переродиться», чтобы принять ее ⁴⁸³. При этом царь подчеркнул, что

⁴⁸² Подробн. см: *Сафонов М. М.* Ложь и правда об отречении Николая II // Между двух революций 1905–1917: источники, исследования, историография / Ред. Н. В. Лукоянов. СПб., 2005. С. 216–224.

⁴⁸³ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. (Далее: Отречение). С. 152–153.

не может принимать решения против совести. Выходит, что, отправляя в Могилев телеграмму о даровании ответственного министерства, царь поступал против своей совести! Такое заключение было бы слишком поспешным и поверхностным. Нет сомнения, самодержец был поставлен перед дилеммой: либо признать то, что уже свершилось в Петербурге, где уже победила революция и складывалась новая власть, или попытаться силой уничтожить ее. Но Николай выбрал третий путь...

Какой же? Третьего, вроде бы не дано. Так и не так.

«Мышь в западне», с российской короной на голове, подбирала ключ, чтобы вырваться из клетки? Впрочем, путь Николаю был открыт только на Петербург и на Царское Село, где находились жена и больные дети, дорога же на Могилев, куда был направлен локомотив царского поезда, оставалась свободной. Царь в эти минуты думал не о себе...

В беседе с Н. В. Рузским Николай «перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров, и высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый кабинет, – все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей»⁴⁸⁴.

Как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, в оценке общественных деятелей, которые затем вошли в состав Временного правительства, Николай II оказался совершенно прав.

Буквально в то же время, когда Рузский в вагоне царского поезда убеждал царя согласиться на ответственное министерство, в Думе, в Таврическом дворце, в кабинете председателя Родзянко создавался «первый общественный кабинет». Ни перед кем не ответственный.

В ночь на 2 марта в кабинете Родзянко сошлись представители Временного комитета и Исполнительного комитета Совета, вместе с кандидатами создаваемого кабинета на основе списка, который уже несколько лет в различных вариантах циркулировал в думских кругах. Временному комитету и Совету было нужно найти формулу сосуществования. Суть этой формулы заключалась в том, что Временное правительство, созданное на основе списка, берет на себя осуществление умеренной программы демократических преобразований, Совет же своим авторитетом даст «добро» на его образование.

Но существовал один пункт в программе Совета, который нельзя было назвать умеренным и по которому никак не удавалось договориться.

⁴⁸⁴ Там же.

Совет стоял на республиканских позициях, но члены Исполкома понимали, что на почве республики с Временным комитетом Государственной думы договориться не удастся. Поэтому они выдвинули такую формулу: Временное правительство созывает Учредительное собрание, которое и определит будущую форму государственного правления России. Но до этих пор не будет принято никаких шагов, которые предreshали бы будущую форму правления.

С этим пунктом никак не хотел согласиться П. Н. Милуков. Он яро отстаивал сохранение Романовых на престоле, полагая необходимым лишь заменить Николая на Алексея. Разумеется, варианты, предлагаемые Родзянко, – ответственное перед двумя палатами министерство при царе Николае для заключения компромисса между Временным комитетом и Советом – не годились ⁴⁸⁵.

В той опасной политической игре, которую лидеры вели в те часы за первенство на новом политическом Олимпе, джокером стали транспорт и связь. В специфической ситуации 1 марта джокер оказался в руках группы А. Ф. Керенского. Манипулируя поездами и телеграфным сообщением, эта группа не допустила поездки Родзянко к царю. Те, кто не пустил Родзянко на встречу с Николаем, прежде всего не хотели, чтобы председатель Временного комитета привез от царя поручение именно ему сформировать министерство доверия или даже ответственное министерство, которое действовало бы при существовании Государственной думы и Государственного совета ⁴⁸⁶.

Если бы Родзянко был поставлен во главе кабинета, он должен был бы через законодательные палаты – Государственную думу и Государственный совет провести состав своего кабинета. Но дело заключалось в том, что список «министерства доверия» уже несколько лет с различными вариациями циркулировал в думских кругах. Родзянко в этом списке, записанном на бланке Таврического дворца, не оказался. Список через законодательные палаты не прошел бы. Поэтому сторонники списка не пустили Родзянко к царю, находя варианты, разрабатываемые председателем с соответственным министерством и законодательными палатами, неподходящими. Хотели обойтись без варианта Родзянко и без самого Родзянко. Ситуация, сложившаяся в Петрограде 1 марта, позволяла это сделать.

В эти дни Временный комитет вел отчаянную борьбу с Советом за армию. Борьбу он проиграл. Гарнизон Петрограда оказался на сто-

⁴⁸⁵ Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 150–152; Милуков П. Н. Воспоминания. С. 462–464; Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976. С. 90–93.

⁴⁸⁶ Подробн. см.: Сафонова М. М. Ложь и правда об отречении Николая II. С. 226–230.

роне Совета, что делало его смелее. Родзянко же потерпел поражение в этой схватке и вышел из нее с репутацией слишком умеренного монархиста, никак не подходящего на роль лидера новой власти. Недаром Н. И. Иванову, автору великокняжеского манифеста, когда он принес его в Таврический дворец, Родзянко показался «жалким возницей теряющим возжи».⁴⁸⁷ Проект же несостоявшегося манифеста Иванов передал Милюкову, уже успевшему подхватить возжи⁴⁸⁷.

Миллюков входил в список кабинета доверия. Именно Миллюков стал лидером 1 марта, но в спину ему уже дышал А. Ф. Керенский и его группа, которая выжидала удобного момента поставить подножку Миллюкову и перехватить эстафету, когда он упадет.

Вообще, первому общественному кабинету монарх как таковой был не нужен, но необходимым был символ монархической власти, шапка Мономаха, под сенью которой Временное правительство могло бы пользоваться всей полнотой власти. Именно из рук Романовых хотел Миллюков получить власть, которая уже почти была у него.

При варианте, предлагаемом Исполкомом, удержание этой власти становилось проблематичным. В разгар споров, когда соглашение между Временным комитетом и Исполкомом Совета было почти заключено, когда камнем преткновения оставался лишь один вопрос о будущей форме государственного правления, Родзянко отправился к аппарату, чтобы переговорить с Рузским. Однако, когда Родзянко узнал, что царь дарует ответственное министерство, его ставит во главе оно, председатель Думы был вынужден признаться, что «сам висит на волоске» и «власть ускользает» из его рук. Ответственное министерство при Николае никак не устраивало тех, кому в руки соскальзывала власть от Родзянко, а он, идя на создание Временного правительства и навстречу тем, кто хотел управлять «без Николая», стремился удержать власть эту в своих руках, потому и вынужден был считаться с их мнением. А они требовали отречения Николая и регентства Михаила при малолетнем Алексее. Рузский запросил Родзянко, следует ли публиковать манифест, которым он ставился во главе правительства, председатель не сказал «нет», и ответил уклончиво: все зависит от событий, которые летят с головокружительной быстротой. Видимо, он полагал, что публикация такого манифеста могла бы сыграть ему на руку, но только в том случае, если бы это было сделано без его санкции⁴⁸⁸.

Родзянко был прав только в том, что власть ускользала из его рук. В руки же Временного правительства, в которое его не включили, в эту

⁴⁸⁷ Иоффе Г. З. Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 31.

⁴⁸⁸ КА. 1927. № 2. С. 56–61.

ночь власть как раз переходила. Лидером его на тот момент стал Милюков. Но 2 марта в 15 ч. он совершил серьезнейший политический просчет. Формально объявив на митинге о создании первого общественного кабинета, Милюков в качестве лидера новой власти потерпел фиаско. Сообщение о том, что монархия будет сохранена, престол перейдет к Алексею, а регентом станет Михаил, вызвало бурю негодования⁴⁸⁹. Попытка провести свою линию, которую накануне он так яростно отстаивал во время переговоров, встретила резкое противодействие. Явочным порядком протащить этот важный пункт не удалось. Именно с этой минуты его власть, как лидера нового правительства, начала постепенно таять.

Подобно Родзянко в эти минуты он прошел экватор своей политической популярности, а его авторитету лидера был нанесен непоправимый ущерб. Тот, кто хотел поставить подножку новому лидеру, получил хорошую точку опоры.

Тот, кто во Временном правительстве хотел занять место Милюкова, как лидера, должен был иметь в виду, что надо идти значительно дальше. Сделать это предстояло А. И. Гучкову и В. В. Шульгину.

Когда Родзянко вернулся в свой кабинет после разговора с Рузским, утром 2 марта, переговоры с Исполкомом Совета закончились ничем. Наметившиеся было соглашения расстроились из-за нерешенного вопроса о форме правления. Разошлись с тем, чтобы завтра в 15 часов встретиться вновь и продолжить прения. Незадолго перед этим в кабинете Родзянко появился А. И. Гучков.

В общественном кабинете ему отводился пост военного и морского министра. Его кандидатура была встречена представителями Исполкома без энтузиазма. Гучков же был крайне недоволен тем, что вновь создаваемая власть оказалась «под колпаком» у Совета. На таких условиях Гучков отказывался войти в «первый общественный кабинет» потому, что у него не будет свободы рук. Собственно, Гучков и сорвал наметившееся соглашение. Решение было отложено до завтра⁴⁹⁰.

Пожалуй, из всех членов общественного кабинета Гучков острее всех сознавал его самозванческий характер. Хотя кандидатура премьера, состав правительства и его программа были согласованы между Временным комитетом и Исполкомом, Гучков отлично понимал, что Временное правительство оставалось «без какой бы то ни было санкции сверху в смысле отсутствия монархического престижа и преемственно-

⁴⁸⁹ Милюков П. Н. Воспоминания. С. 464; Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

⁴⁹⁰ Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. С. 101–104; Милюков П. Н. Воспоминания. С. 463.

сти власти и в смысле отсутствия опоры снизу»⁴⁹¹. Поэтому проблемой № 1 первого общественного кабинета будет проблема легитимизации своей власти.

В новой организации государственной власти Николаю места уже не оставалось. Но Гучков понимал, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы новая власть низложила царя. Нужна была преемственность от старой власти. Нужна была санкция монарха на легитимный царский титул.

Само отречение царя, как это ни покажется странным, на первый взгляд имело второстепенное значение. Нужна была такая формула, которая позволила бы общественному кабинету в ранее заготовленном списочном составе твердо встать на ноги.

Тактика Милокова строилась на том, что первый общественный кабинет будет действовать при номинальном монархе. Более всего такой установке отвечала комбинация, при которой Николай отрекается от престола, регентом объявляется великий князь Михаил, а наследником провозглашается Алексей.

В ночь на 2 марта Родзянко был вынужден переориентироваться на милоковский вариант. Тот, кто собирался перешагнуть через Милокова и не лишиться поддержки Совета, должен был идти «левее» милоковской формулы. Следующим пунктом в движении по этому направлению была бы передача престола из семьи Николая и Александры в совершенно другую семью – в семейство Михаила, которое не имело на престол даже формальных прав.

Гучков собирался отправиться в Псков, чтобы добыть законный царский титул, добровольно переданный. Между тем после ночных переговоров Исполкома и Временного комитета настроения в Совете стали изменяться. Выиграв борьбу за армию, Совет стал решительнее, настроения радикализировались. Это отчетливо проявилось во второй половине дня 2 марта.

2 марта 1917 г. 14.47. Гучков и Шульгин отправились в Псков за легальным царским титулом для первого общественного кабинета. По всей видимости, в тот момент они собирались добиваться отречения Николая в пользу Алексея при регентстве Михаила. Но группа Керенского задержала их в Луге. Здесь к ним присоединились делегаты Совета, который контролировал положение⁴⁹². Когда они прибыли в Псков около 9 часов вечера ситуация уже изменилась – после неудачного выступления Милокова, подлившего масла в огонь, маятник настолько качнул-

⁴⁹¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 63.

⁴⁹² Подробн. см.: Сафонов М. М. Ложь и правда об отречении Николая II. С. 248–250.

ся влево, что передача престола несовершеннолетнему Алексею стала казаться невозможной.

А. Ф. Керенский в ранней редакции своих мемуаров рассказал о том, что после миллиюковской речи Исполком Совета потребовал от него объяснений относительно проекта регентства. Александр Федорович признался, что посвящен в этот проект, но заверил, что он потребует от правительства отказа от проекта или пригрозит своей отставкой. Исполком тогда решил послать в Псков собственную делегацию. Делегаты, по словам Керенского, выехали в 16 часов⁴⁹³. Думается, этот важный эпизод, о котором впоследствии Керенский предпочитал не вспоминать, многое проясняет в истории отречения.

Когда Гучков и Шульгин вышли из вагона царя, в 1.00 3 марта в Ставку была послана телеграмма «Его величеством подписаны указы правительствующему Сенату о бытии председателем Совета министров князю Г. Е. Львову... Государь император изволил *затем* (курсив мой. — М. С.) подписать акт отречения от престола...»⁴⁹⁴.

Итак, вначале указ о назначении Львова председателем Совета министров (заметим, что сохранено название органа, бывшее в употреблении до революции, помеченное 14 часами, то есть за час до того, когда Миллюков объявил в Екатерининском зале о создании «первого общественного кабинета») и только потом манифест об отречении, подписанный якобы в 15 часов.

Это и понятно, необходимо было создать впечатление, что Николай поставил Львова во главе правительства сам по себе, без всякого участия в этом депутатов, а потом, час спустя, отрекся. Но назначил-то будучи еще полномочным. Вопрос о приобретении легитимного царского титула для Временного правительства, переданного самой верховной властью, а затем в прежнем, самодержавном, виде себя упразднившей, и был главной целью поездки Гучкова и Шульгина.

В 0.28 3 марта в Ставку была отправлена телеграмма «Манифест подписан»⁴⁹⁵. На основании этого документа, престол передавался не Алексею, а Михаилу, что вопиющим образом противоречило порядку престолонаследия. В текст манифеста был введен еще один существенный момент: новый монарх должен был принести нерушимую присягу на верность конституции⁴⁹⁶.

⁴⁹³ Kerenski A. La revolution Russe. (1917). Paris, 1928. P. 71.

⁴⁹⁴ КА. 1927. № 3. С. 16.

⁴⁹⁵ Там же. С. 15.

⁴⁹⁶ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 марта; Отречение. С. 223; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. № 2100 А.

Гучкову и Шульгину надо было найти такую юридическую формулу, которая узаконила бы передачу власти в руки Временного правительства. Но при этом необходимо было учитывать, что, с одной стороны, Временный комитет Государственной думы хотел вписать этот «первый общественный кабинет» в рамки конституционной монархии, а с другой – Исполком Совета рабочих депутатов добивался того, чтобы до созыва Учредительного собрания форма будущего государственного правления не предreshалась.

«Нашею целью было, – признавался Гучков следователю Чрезвычайной следственной комиссии летом 1917 г., – избежать гражданской войны, и надо было создать комбинацию, при которой все факторы имели бы моральную и фактическую силу и согласились бы на эту комбинацию»⁴⁹⁷. Вступление на престол Михаила имело то преимущество перед воцарением Алексея, что Михаил был полномочен дать присягу править в соответствии с теми началами государственного управления, которые будут установлены, малолетний же Алексей такой присяги дать не мог. То есть, при Михаиле могла быть введена конституция, а при Алексее нет, показывал Гучков ЧСК. Но Гучков утаил от Следственной комиссии то важное обстоятельство, что такая формула более всего отвечала интересам группы Керенского, а без ее санкции они не могли ни доехать до Пскова, чтобы получить манифест, ни вернуться с ним назад.

Воцарение фактически безвластного Михаила, по мнению Гучкова, было более благоприятным для «укоренения» первого общественного кабинета даже несмотря на то, что оно было незаконным. Во-первых, эта комбинация была явно проще, и давала выигрыш во времени; а, во-вторых, именно воцарение Михаила открывало перспективу для безболезненного разрешения конфликта между Исполнительным комитетом Совета и Временным правительством по поводу формы правления: если бы Временному правительству пришлось бы уступить Совету, Михаил имел право отречься от престола, а малолетний Алексей – нет.

Именно так все и произошло! Причем гораздо быстрее, чем предполагал Гучков.

В то время как в салоне царского поезда в Пскове решалась судьба престолонаследия, в Таврическом дворце был поставлен вопрос о существовании трона в России. Вопрос этот теснейшим образом был связан с вопросом о судьбе Временного правительства. Около 20 часов 2 марта 1917 г. члены Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов и Временного комитета Государственной думы встретились вновь, чтобы продолжить переговоры о создании первого общественного кабинета. За сутки, протекавшие после того, как переговоры были прерва-

⁴⁹⁷ Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. VI. С. 273.

ны, ситуация изменилась. Совет выиграл борьбу за армию и чувствовал себя уверенней, чем накануне. Временный же комитет за истекшие 24 часа свои позиции сдал. Временное правительство нуждалось в санкциях Совета. Без нее оно не могло утвердиться. Поэтому члены Временного комитета спешили дистанцироваться от Милюкова и принять требование Исполкома о том, что до созыва Учредительного собрания вопрос о форме государственного устройства России останется открытым.

Надо иметь в виду, что в момент, когда «аргонавты» покинули Лугу, получив в ней последнюю информацию о положении дел в Петрограде, соглашение между Временным комитетом и Исполкомом Совета о будущей форме правления еще не было окончательно оформлено. В ночь на 3 марта был достигнут компромисс⁴⁹⁸. В декларации Временного правительства, опубликованной утром вместе с заявлением Совета о его поддержке, говорилось, что первый общественный кабинет начнет немедленную подготовку к созыву Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны⁴⁹⁹.

Это соглашение означало: в пользу кого бы ни отрекся Николай, вступление на престол нового монарха войдет в противоречие с достигнутым компромиссом. Сохранение монархии хотя бы временно, до созыва Учредительного собрания, означало бы срыв соглашения оставить вопрос о будущей форме правления пока открытым. А без такого соглашения общественный кабинет списочного состава не мог бы утвердиться. Это обстоятельство выдвигало Керенского на первые роли.

Видимо, в ночь на 3 марта произошло объяснение между Родзянко и Керенским. Поскольку с Исполкомом Совета удалось договориться, Родзянко просчитал для себя ситуацию так: до созыва Учредительного собрания Государственная дума возобновит свои занятия. Вместе с Государственным советом она составит «законодательные палаты» (как это было при Николае) и при них станет действовать общественный кабинет списочного состава под названием «Совет министров», а над всем этим будет стоять Временный комитет во главе с ним самим, М. В. Родзянко. Именно такая комбинация позволяла бы Михаилу Владимировичу в изменившейся обстановке сохранить ускользающую власть.

В 6 часов утра Родзянко вызвал к прямому проводу начальника штаба Ставки М. В. Алексеева и передал ему повеление не «пускать в обращение» манифест до получения от председателя Временного комитета

⁴⁹⁸ Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. С. 101–104; Сафонов М. М. Ложь и правда об отречении Николая II. С. 265–266.

⁴⁹⁹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

«соображений», потому что обнародование манифеста может вызвать гражданскую войну. Кандидатура Михаила, заявил Родзянко, «ни для кого не приемлема». Ситуацию Родзянко прокомментировал так: предполагалось воцарение Алексея при регенте Михаиле. «Соглашения на этом достигнуть не удалось и установлено только перемирие: предполагается необходимым созыв Учредительного собрания», а до тех пор действие Временного комитета и Совета министров при существовании Государственной думы и Государственного совета. Только эта комбинация может внести успокоение и только при ней можно надеяться на «возвращение дисциплины воинских частей»⁵⁰⁰. В то время как Родзянко и Львов ожидали точного текста манифеста об отречении, Керенский сделал предложение Милюкову о введении республики⁵⁰¹. Но Милюков настолько прочно связал свою политическую судьбу с сохранением монархии, что всякие предложения слева означали для него крушение далеко идущих замыслов. Поэтому он отказался.

Утром Временное правительство отправилось на квартиру Путятиной. Члены первого общественного кабинета вместе с Родзянко собрались, чтобы решить вопрос о том, как сделать этот кабинет всесильным, то есть наделенным всей полнотой власти, которая теперь даже юридически была исторгнута из рук Николая. И именно с этой точки зрения решался вопрос о том, как поступить Михаилу: принять престол или отказаться от него. «Бонапартемок» Керенский и его группа, заручившись поддержкой Родзянко, запугивали Михаила теми опасностями, которые ему грозят, если он осмелится заявить о своем воцарении. Михаил престола не принял⁵⁰². Оставалось лишь юридически оформить то, что было решено. Созданный документ представлял собой шедевр юридической казуистики. Его нарисовали потом Актом об отказе от престола. Но по сути дела актом он не был, так как не были соблюдены юридические формальности, необходимые для документа такого рода. А не соблюдены они были потому, что если бы В. Д. Набоков и Б. Э. Нольде стали придавать документу законный вид, то сразу же возник бы юридический тупик: великий князь не мог отречься от того, что не могло быть ему передано. Но для составителей главное заключалось в том, чтобы, не прерывая монархической традиции, устами представителя правящей династии передать всю власть первому общественному кабинету, сообщив одновременно о предстоящем созыве Учредительного собрания. Этот документ не предвещал вопроса о будущей форме правления, но допускал возможность, что это будет монархия. Тем самым, благодаря такой

⁵⁰⁰ КА. 1927. № 3. С. 25–27.

⁵⁰¹ Милюков П. И. Воспоминания. С. 468.

⁵⁰² Подробн. см.: Сафонов М. М. Ложь и правда об отречении Николая II. С. 269–270.

юридической неопределенности, можно было рассчитывать на одобрение и монархистов, и республиканцев.

Сама редакция документа свидетельствует о том, что он всецело отвечал далеко идущим замыслам Керенского и его группы. Суть этого документа заключалась в том, что он провозглашал всевластие Временного правительства. Если бы члены первого общественного кабинета сами провозгласили, что Временное правительство облачается «всей полнотою власти», то это выглядело бы как возмутительная узурпация. Но это провозглашалось устами представителя династии. Самодержавная власть, в полном объеме перешедшая благодаря отречению Николая к Михаилу, теперь переуступалась кабинету, возникшему опять же не самозванно, а по почину Государственной думы. На него призывалось устами представителя династии Божие благословение. Без пяти минут император призывал всех граждан России подчиниться Временному правительству⁵⁰³. Но это было намного хуже министерства доверия, ибо министры в таком министерстве были бы ответственны перед монархом. Члены же первого общественного кабинета – ни перед кем.

Невольно как-то напрашивается вопрос о том, не предполагалась ли эта комбинация уже тогда, когда Гучкова и Шульгина пропустили через Лугу в Псков с новой формулой отречения Николая? Ведь Михаил мог передать всю власть Временному правительству, а малолетний Алексей сделать этого был не в состоянии. Похоже, никто всерьез и не думал о воцарении Михаила. Гучков же полагал, что правительству какое-то время, пока оно не встанет на ноги, нужен будет формальный опекун в виде регента без носителя верховной власти. Но Керенскому и К^о не нужен был никакой опекун. Гучков понял, что его обвели вокруг пальца, и встал в позу, но это была буря в стакане воды. Обвели вокруг пальца и Родзянко, который еще утром 3 марта, до совещания на квартире Михаила, думал, что первый общественный кабинет будет просто-напросто вписан в прежнюю организацию государственной власти, только место государя займет Временный комитет под председательством Родзянко. Горькое разочарование должно было постигнуть Михаила Владимировича после того, как он, уговорив великого князя Михаила не принимать власть, вырвал из-под себя председательский стул: передав всю полноту власти Временному правительству, великий князь по сути дела уничтожил Государственную думу и Государственный совет. Из акта Михаила логически вытекало, хотя об этом и не упоминалось вовсе, уничтожение Думы, так как на Временное правительство, облеченное всей полнотой власти, возлагалась основная обязанность созвать Учредительное собра-

⁵⁰³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 марта.

ние. Если же Государственная дума и Государственный совет стали бы функционировать, эта главная задача новой власти могла бы оказаться невыполнимой.

По словам члена группы Керенского А. А. Бубликова, вскоре «была создана теория, по которой вся государственная власть в России преемственно сосредоточилась в руках Временного правительства и Государственной думы, как таковая, даже и собираться не имеет права»⁵⁰⁴.

В портфеле Министерства иностранных дел сохранился прелюбопытнейший документ – черновик журнала первого заседания Временного правительства. Одни историки считают этот документ апокрифом, другие признают его подлинность. В нем говорится: «Министр-председатель возбудил вопрос о необходимости точно определить объем власти, которой должно пользоваться правительство до установления Учредительным собранием формы правления <...> равным образом, как и о взаимоотношениях Временного правительства к Временному комитету Государственной думы. По этому поводу высказывались мнения, что вся полнота власти, принадлежавшей монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству, что таким образом возникает вопрос о дальнейшем существовании Комитета Государственной думы, а также представляется весьма сомнительной возможность возобновления занятий Государственной думы IV созыва <...> после произошедшего государственного переворота Основные законы Российской империи должны считаться недействительными, и Временному правительству надлежит установить как в области законодательства, так и управления те нормы, которые оно признает соответствующими в данный момент <...>»⁵⁰⁵.

Слова этого документа, даже если он не был подлинным, а только передавал суть происходящего, отзывались похоронным звоном по Государственной думе.

А что же Николай? Какова же его роль в этой истории, навсегда похоронившей Государственную думу? Может быть, отправив телеграмму в Ставку ночью 2 марта о даровании ответственного манифеста во главе с Родзянко, он мог бы стать отцом русского конституционализма?

Как уже говорилось, Николай выбрал третий путь! В чем он состоял?

⁵⁰⁴ Бубликов А. А. Русская революция. Ее начало, арест царя, перспективы. Нью-Йорк. 1918. С. 42; Ср.: Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции. Рязань. 2002. С. 224–242.

⁵⁰⁵ Сторожев В. Н. Февральская революция 1917 г. // Научные известия (Академический центр Наркомпресса РСФСР). М., 1922. Сб. 1. С. 143–144; Ср.: Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции. С. 230–232.

В Пскове в ночь со 2 на 3 марта 1917 г. в промежуток времени между 23 ч. 32 м. и 0 ч. 28 м.⁵⁰⁶ Николай II подписал карандашом напечатанный на пишущей машинке текст отречения, который представляет собой «филькину грамоту». Никакого Акта отречения Николая II, который не мог быть оспорен с формально-юридической точки зрения, не существует⁵⁰⁷.

Нетрудно заметить, что нигде человек, от имени которого написан этот документ, не назван ни самодержцем, ни императором. Это просто некто «Николай». Не назван по имени и фамилии начальник штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев. Получается, некто Николай сообщает о своем решении безымянному начальнику штаба. С этой точки зрения письмо Ваньки Жукова «на деревню дедушке, Константину Макарычу» более конкретно, чем этот так называемый «Акт».

Обычно юридический акт начинается с упоминания лица, от имени которого он составляется: «Я, имярек». Затем следует указание на должность или статус этого человека: «Такой-то и такой-то». Для императорских манифестов была выработана устойчивая формула. Она воспроизводилась типографским способом на печатных бланках Министерства императорского двора: «Божьей Милостью мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и пр. пр. пр. ». Затем, как правило, помещалась фраза, указывающая, кому адресован манифест: «Объявляем всем нашим верным подданным». После текста манифеста обязательно следовала заключительная формула: «Дан», то есть указывалось место, где был подписан манифест, например: «в Пскове», затем проставлялась дата: «в третий день марта лета от Рождества Христова одна тысяча девятьсот семнадцать, царствования же Нашего двадцать третьего». Завершала манифест подпись самодержца. Час и минута подписи никогда не обозначались. Кроме того, существовала строго установленная процедура оформления манифестов. Несмотря на то что в конце XIX века в России появились пишущие машинки и их стали употреблять для составления проектов, текст манифеста, на котором ставилась императорская подпись, обязательно переписывался от руки⁵⁰⁸. Только в таком виде манифест получал юридическую силу. В канцелярии Министерства императорского двора

⁵⁰⁶ КА. 1927. № 3. С. 15.

⁵⁰⁷ Подробн. см.: Сафонова М. М. Отречение... Которого не было? // Смена. 1997. 14 марта.

⁵⁰⁸ Островский А. В., Сафонов М. М. 15–17 октября 1905 г. В царской резиденции. (Из записок А. А. Будберга) // Английская набережная, 4: Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов. СПб., 1997. С. 403.

служили специальные переписчики, которые обладали особо красивым почерком. Он назывался «рондо», а лица, им владевшие, соответственно именовались «рондистами». Только их употребляли для переписки особо важных бумаг: рескриптов, грамот и манифестов. Разумеется, в таких документах никаких помарок и подчисток не допускалось⁵⁰⁹.

Оставляя в стороне вопрос о юридической состоятельности так называемого Акта отречения Николая II, нетрудно прийти к заключению, что Акта отречения как такового не существует. Есть лишь текст, которому придан вид телеграммы начальнику штаба, и в этом телеграфном сообщении главнокомандующий извещает подчиненного о своем решении. Акт отречения и телеграмма об отречении далеко не одно и то же!

Почему же манифесту об отречении придана форма телеграммы?

Дело в том, что составителю этого документа было очень важно показать, что решение о передаче престола в обход Основных законов Михаилу принято самим Николаем добровольно. Не только без всякого давления со стороны Гучкова и Шульгина, но и без какого-либо их участия, потому что царь подписал отречение за семь часов до их прибытия в Псков. Точная временная привязка была необходима составителю и по другой причине. Как уже говорилось, 2 марта в 15 часов в Екатерининском зале было провозглашено создание первого общественного кабинета, который намеревался сохранить монархию с передачей престола Алексею. Это намерение, оглашенное П. Н. Милюковым, встретило бурю негодования со стороны республикански настроенных рабочих и солдат. Составителю Акта отречения было важно показать, что добровольное решение Николая передать власть не Алексею, а Михаилу никак не было связано с реакцией на речь Милюкова, ведь «Акт отречения» был подписан в Пскове в то самое время, когда Милюков произносил свою речь в Таврическом дворце в Петербурге. Для этого, чтобы это выглядело достоверно, требовалось, чтобы в документе было обозначено время подписания документа. Поскольку же в манифестах время суток никогда не обозначалось, манифесту придали вид телеграммы с обозначением часа и минуты, когда она была отправлена. Но сделали это крайне неудачно.

Дата телеграммы проставлена совершенно безграмотно. Действительно, телеграммы, которые отсылал Ю. Н. Данилов из штаба Северного фронта, заканчивались так: «Псков. Число, месяц. Час. Минута». Потом обязательно следовал номер телеграммы. Например, «1244 Б»⁵¹⁰. Затем следовала подпись. Нетрудно заметить, что на Акте отречения нет номера телеграммы, который обязательно должен был бы здесь

⁵⁰⁹ Мосолов А. А. При дворе императора. Рига, б/г. С. 139.

⁵¹⁰ КА. 1927. № 3. С. 16.

находиться, если бы она действительно была подготовлена к отправке. Да и сама дата выглядит несколько странно: «2-го Марта 15 час. 5 мин. 1917 г.».

Как правило, год в телеграммах не обозначался, а если обозначался, то цифры года должны были следовать после написания дня месяца, например, «2 марта 1917 г. », а отнюдь не после указания точного времени. На Акте отречения мы как раз видим несколько необычное сочетание: «...15 час. 5 мин. 1917 г.» ⁵¹¹.

Почему Николай дал свое согласие на такое противозаконное предложение?

Обычно решение Николая отречься объясняют тем, что он понял, что потерял поддержку армии, и «плебисцит» командующих фронтов по вопросу о необходимости отречения, устроенный М. В. Алексеевым, окончательно убедил царя в том, что иного пути у него не осталось. Однако при этом упускается из виду одно важнейшее обстоятельство, которое, по всей видимости, сыграло важнейшую роль и определило тактику царя.

1 марта Николай, прибыв в Псков, записал в дневнике: «Стыд и позор! Доехать до Царского Села не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедный Аликс, должно быть, тягостно одной переживать все эти события! Помогите нам Господь!» ⁵¹². Это ярчайшее свидетельство того, что в момент, когда решалась судьба династии, Николай думал прежде всего о жене, о своей семье, а не о судьбе трона.

О том, что именно необходимость спасти жизнь жены и детей может стать самым важным аргументом при решении вопроса о власти, прекрасно было известно в Ставке, добивающейся отречения царя. Поэтому ему было сообщены ложные сведения.

Около 9 ч. 2 марта генерал-квартирмейстер А. С. Лукомский передал из Ставки в Псков начальнику штаба Северного фронта Ю. В. Данилову, что выбора нет и отречение должно состояться. «Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо по полученным известиям, дворец в Царском Селе занят войсками. Если царь откажется, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война» ⁵¹³. Лукомский отлично знал, какую силу может иметь в глазах Николая этот аргумент о жене и детях-заложниках.

⁵¹¹ Фотокопия этого документа воспроизведена на обложке книги: *Ненароков А. П.* 1917: Краткая история, документы, фотографии. М., 1990. С. 53; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. № 2100 А.

⁵¹² Отречение. С. 34.

⁵¹³ КА. 1927. № 2. С. 75.

Около 15 ч. главком Северного фронта Н. В. Рузский представил Николаю ответы главнокомандующих фронтами на запрос Алексеева о необходимости отречения⁵¹⁴. Вместе с телеграммой Алексеева об этом Рузский представил царю и запись утреннего разговора помощника начальника штаба Ставки В. Н. Клембовского с генерал-квартирмейстером штаба Северного фронта В. Г. Болдыревым о положении в Царском Селе и переходе конвоя на сторону Думы. Как свидетельствовал Ю. Н. Данилов, для государя «это был очень печальный факт»⁵¹⁵. Видимо, он и предопределил дальнейшую тактику Николая. Царь объявил о своей готовности отречься, тем не менее, он вовсе не собирался расставаться с властью, а лишь искал способы сохранить ее и спасти семью.

«Если они тебя принудят к уступкам, — писала Александра Федоровна мужу в Псков, — то ни в каком случае ты не обязан их исполнять, потому что они были добыты недостойным образом». Александра Федоровна мыслила логично и практически. «Два течения — Дума и революция — две змеи, которые, как я надеюсь, отгрызут друг другу головы. Это спасло бы положение. Я чувствую, что Бог что-нибудь сделает... я не могу ничего советовать, только будь самим собой. Если принудят покориться обстоятельствам, то Бог поможет освободиться от них».

Как видим, Аликс трезво оценивала ситуацию, была хорошо осведомлена и намечала единственный выход из создавшегося положения: подписать все, что заставят, а потом показаться перед войсками. Противоборство Думы и Совета даст шанс вернуть упущенную власть. Юридически все подписанное Николаем не будет иметь силы, потому что он поставил свою подпись не по доброй воле, а по принуждению.

Хотя казак, через которого Александра Федоровна рассчитывала передать письмо, не смог связаться с Николаем и царь не прочитал мыслей своей обожаемой жены, но как писала Аликс в письме, составленном на следующий день: «Мы в совершенстве знаем друг друга, нам не нужно слов»⁵¹⁶. (42) Александра Федоровна была абсолютно права. Николай II не только мыслил, но и поступал точно так же.

В ночь со 2 на 3 марта он поставил свою подпись под «филькиной грамотой». Однако никто не обратил внимания на то, что с точки зрения формально юридической также не существует и никакого манифеста о даровании ответственного министерства во главе с Родзянко. Ведь это тоже «филькина грамота». Она отличается от так назы-

⁵¹⁴ Там же. С. 72–73.

⁵¹⁵ Данилов Ю. В. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 229.

⁵¹⁶ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1927. Т. V. С. 232.

ваемого Акта отречения тем, что никогда не была подписана царем. В ночь на 2 марта Николай разрешил Ставке обнародовать текст телеграммы, которая была составлена без соблюдения формально юридических признаков, обязательных для акта такого рода. Поэтому при изменении ситуации такой «документ» так же без труда мог бы быть дезавуирован. Давая согласие на публикацию такой телеграммы, Николай спасал свою жену и больных детей. Ставка убеждала царя в том, что немедленное согласие на дарование ответственного министерства, как потом и на само отречение, не позволит крайне левым элементам Думы и Совета захватить власть. Уступка будет носить превентивный характер. М. В. Родзянко намеренно распространял слухи о том, что революционная толпа готовит поход на Царское Село, где находились жена царя и его больные дети, оставленные без защиты после перехода конвоя на сторону Думы. В этих условиях Николай выбрал единственный, как ему казалось, путь спасти свою семью: создать видимость уступки. Кроме того, и это очень важно, передать всю исполнительную власть в руки Думы именно в этот момент означало бы столкнуть ее лбом с Исполкомом Совета. И «две змси» могли бы отгрызть друг другу головы, как втайне надеялась Александра Федоровна. Поэтому, если бы телеграмма царя с не апробированным им «манифестом» была бы обнародована, это далеко не означало бы введение в России конституционного строя.

* * *

Образование первого общественного кабинета было отпраздновано 101 пушечным выстрелом с Петропавловской крепости. Первыми Временное правительство признали петербургские банки. Что же касается «воли великого народа нашего», к которой апеллировал Михаил в своем «акте»...

В 1831 г. была издана трагедия Пушкина «Борис Годунов». Последняя сцена трагедии кончается словами Мосальского, вышедшего на крыльцо «дома Борисова» в Кремле: «Народ, Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. / Народ в ужасе молчит/. Что же вы молчите? Кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович! / Народ безмолвствует»⁵¹⁷.

В середине XIX в. выяснилось, что в пушкинской рукописи пьеса оканчивалась так: «Народ: Да здравствует царь Дмитрий Иванович»...⁵¹⁸

⁵¹⁷ [Пушкин А. С.] Борис Годунов, сочинение Александра Пушкина. СПб., 1831. С. 142.

⁵¹⁸ [Пушкин А. С.] Сочинения Пушкина. СПб., 1855. Т. IV. С. 457.

Много копий сломали литературоведы, чтобы выяснить, что же значит «безмолствует»: активно протестует своим многочисленным молчанием или же бездействует⁵¹⁹. А вряд ли стоило ломать копья. Если печатная ремарка «безмолствует» пушкинского происхождения (а не цензурного), то это значит, что народ в сознании поэта поступал совершенно одинаково и когда как попугай повторял здравицу царю, и когда молчал, то есть оставался безучастным. Поэтому, какое бы государственное устройство ни было бы создано, народ будет всегда иметь то правительство, которого достоин.

И. В. ЛУКОЯНОВ

Современная российская историография Государственной думы (наблюдения)

За более чем сто лет о Государственной думе написано весьма значительное количество работ. По самым приблизительным подсчетам, их несколько тысяч, и постоянно появляются новые. Поэтому любой обзор будет неполон. Данная статья – лишь попытка очертить наиболее заметные тенденции и направления в изучении истории «российского парламента»⁵²⁰. Под «современной» имеется в виду историография последних полутора десятилетий, ее также, но с большей долей условности можно назвать «постсоветской».

Большое количество работ об истории Государственной думы во многом объясняется специфичностью источниковой базы: немного тем имеют такое обеспечение источниками. Это, прежде всего, корпус стенограмм (редкое явление для дореволюционной России, так как в делопроизводстве доминировали журналы с изложением мнений, а не дословные записи выступлений). Кроме того, стенограммы заседаний Думы были изданы весьма немалым по тем временам тиражом – 5000 экземпляров, они есть во многих библиотеках Российской Федерации, что снимает проблему доступа к этому источнику. Делопроизводство (сильно пострадал лишь архив I Думы, который сами думцы из-за преждевременного роспуска первого созыва народных представителей

⁵¹⁹ Алексеев М. П. Ремарка Пушкина «Народ безмолствует» // Пушкин. Л., 1972. С. 208–239.

⁵²⁰ На тему «историография Государственной думы» уже есть целый ряд специальных работ, в том числе кандидатские диссертации: Исхакова О. А. I и II Государственные Думы: либеральная историография. М., 1996; Садинов В. С. Государственная Дума России (1906–1917 гг.). Историография проблемы. М., 2001.

постарались в большей части уничтожить, справедливо опасаясь, что эти бумаги могут послужить материалом для репрессий против уже бывших депутатов) палаты сохранилось относительно хорошо и составляет ныне весьма значительный фонд в РГИА (Ф. 1278). Его дополняют имеющиеся в разных хранилищах России (архивах, библиотеках, музеях) личные бумаги депутатов – это несколько десятков фондов. Конечно, их сохранность различна и, как правило, оставляет желать лучшего. Но есть исключения – например, фонд В. А. Маклакова, где представлена в колоссальном объеме его переписка (ОПИ ГИМ. Ф. 31). Особо надо отметить, что почти во всех губернских центрах самодержавной России осталось делопроизводство местных комиссий по выборам в Государственные думы – это благодатный материал для плодотворных исследований с опорой на местные материалы. Им, кстати, сейчас активно пользуются⁵²¹.

В советской историографии думская тема не находилась на первом плане. Это и понятно, так как народному представительству отводилась второстепенная роль, всячески подчеркивалась ограниченность революционности I и II Думы и одновременно – контрреволюционность III и IV созывов. Конечно, «позднесоветская» историография несколько отошла от этих оценок⁵²². Так, С. М. Сидельников и Е. Д. Черменский представляли первые две Думы, их деятельность как компромисс между кадетами, иллюзорно стремившимися ввести революцию в парламентские рамки, и революционными силами, толкавшими развитие ситуации в «нужном» направлении⁵²³. Тезис о «контрреволюционности» двух последних Дум поддерживался в последние годы в основном в сочинениях А. Я. Авреха, не продвинувшегося вперед в своих представлениях о российском народном представительстве от штампов сталинских времен. Он продолжал писать о контрреволюционном характере и власти, и народного представительства, особенно после государственного переворота 3 июня 1907 г., и настаивал на том, что Столыпин и правые (т. е. – реакция) – это одно и то же. Дума в его представлении олицетворяла союз правительства с буржуазией, а так как последняя была для автора, несомненно, контрреволюционной, то и проблем не возника-

⁵²¹ См., например, авторефераты диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук: *Костылев А. В.* Выборы в I Государственную Думу. СПб., 2005; *Дмитриенко А. А.* Крестьяне Вятской губернии и выборы в I и II Государственные Думы. Пермь, 2006; *Рейзвих Ю. В.* Взаимодействие депутатов Государственной думы от Западной Сибири с населением региона в 1906–1914 гг. Омск, 2007; и др.

⁵²² Я упоминаю лишь работы, где сформулированы общие подходы к проблеме. Количество же исследований, в том числе высококачественных, так или иначе затрагивавших отдельные вопросы или периоды, весьма значительно.

⁵²³ *Сидельников С. М.* Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962; *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.

ло – все это единый лагерь, противостоящий революции. Он не признавал за ним даже реформаторского потенциала⁵²⁴. Схожие взгляды выражал Е. Д. Черменский, а его полемика с А. Я. Аврехом, носившая излишне акцентированный характер, представляла собой не более чем расхождение в некоторых деталях⁵²⁵. Несмотря на схожесть общих установок со своим «принципиальным» оппонентом, работы Е. Д. Черменского отличались хорошей фактической базой, он ввел в оборот большое количество новых архивных источников.

Такому взгляду противостоял В. С. Дякин, убедительно показав связь Думы с реформаторскими усилиями правительства. Столыпин (не правый, а политик, стремившийся лавировать между буржуазией и дворянством) опирался в своих проектировавшихся реформах на умеренно-либеральное большинство Думы (на фракцию октябристов и в какой-то мере – на национальную)⁵²⁶. Взгляды В. С. Дякина, представившего хорошо обоснованную концепцию третьеиюньской монархии как политической системы с ограниченным реформаторским потенциалом, где важную роль играло народное представительство с октябристским большинством, являются, вероятно, вершиной советской историографии. Его концепция и сейчас является доминирующей среди специалистов. Еще дальше пошел В. И. Старцев, представив позицию буржуазии как нарастающую оппозиционность самодержавию по мере приближения к 1917 г.⁵²⁷ Однако общее заключение для советской историографии являлось единодушным: любой путь обрекал систему на скорую гибель, вопрос состоял в том, когда и как это произойдет. Конечно, надо помнить, что другое заключение во времена жесткого идеологического диктата было в принципе невозможно.

Своего рода «мостиком» от советской к постсоветской историографии стали работы В. В. Шелохаева. Известный и авторитетный историк в 1980-х опубликовал две монографии⁵²⁸. Посвященные истории двух политических партий (кадстов и октябристов) – впервые в советской историографии – они отразили не только прямолинейность «классово-

⁵²⁴ *Аврех А. Я.* Столыпин и третья Дума. М., 1968; он же. Царизм и IV Дума 1912–1914 гг. М., 1981; он же. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

⁵²⁵ *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

⁵²⁶ *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; он же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.

⁵²⁷ *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977.

⁵²⁸ *Шелохаев В. В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983; он же. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987.

го подхода» благодаря тому, что автор сместил угол зрения. Помимо очередного доказательства их «контрреволюционности» В. В. Шелохаев говорил также об отсутствии у «буржуазных» партий массовой поддержки. Он уделил больше внимания их деятельности, в частности – в Государственной думе. Конечно, в общих оценках историк придерживался официальных подходов и догм. Но, несмотря на это, он выразительно показал успех конституционных демократов на первых выборах в Думу и деятельность партийной фракции. Однако в 1990-е гг., когда, казалось, можно было писать уже с любых позиций, не находясь ни в каких заданных рамках, В. В. Шелохаев свернул с «партийного» пути на поиск общей «либеральной модели» переустройства России⁵²⁹. Он считал возможным нащупать единую идеологию у «русской буржуазии». Мне представляется, что поворот этот был не вполне удачен. Прежде всего, российские либералы никогда не могли объединиться. Их на время сплачивало лишь наличие общего врага – самодержавия – да и то в исключительных случаях (Прогрессивный блок в 1915–1917 гг.). Такая хроническая неспособность к объединению исключает постановку вопроса о некой общей либеральной модели, превращая ее в виртуальное упражнение. Да и если пройти по взглядам основных идеологов-либералов, то даже в рамках одной партии, например, кадетов, существовали ярко выраженные идейные разногласия между В. А. Маклаковым, П. Б. Струве, П. Н. Милоковым и Н. В. Некрасовым. Поэтому В. В. Шелохаеву пришлось сосредоточить внимание на кадетской партии, октябристы оказались на заднем плане. Более того, историк резко упростил политическую палитру России начала XX века, сведя ее к противостоянию всего двух «начал» – бюрократического и «либерально-демократического», оставив за бортом все другие политические силы⁵³⁰. Последователи В. В. Шелохаева, чтобы преодолеть это противоречие, пошли дальше. Например, Д. В. Аронов, который также посвятил свое исследование поиску некой единой либеральной линии в Думе, для того, чтобы хоть как-то создать это призрачное единство, был вынужден отсечь от либералов октябристов (т. е. просто перечеркнуть, без всяких аргументов, одно из завоеваний советской историографии)!⁵³¹. Конечно, перспективы такого направления в исследованиях выглядят сомнительно.

⁵²⁹ Шелохаев В. В. Идеологическая и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907–1914 гг. М., 1991; он же. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

⁵³⁰ Шелохаев В. В. Предисловие // Демин В. А. Государственная дума России: механизм функционирования. М., 1996. С. 4.

⁵³¹ Аронов Д. В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). М., 2005. С. 4.

С начала 1990-х гг. начался настоящий взрыв интереса к истории Думы. Число монографий, посвященных думской тематике, сейчас исчисляется десятками, дать характеристику всех их в одной статье невозможно: авторские подходы и тематика стали слишком разнообразными. Поэтому остановлюсь на наиболее примечательных (с моей точки зрения) и характерных работах последних лет. Прежде всего, число обобщающих (т. е. исследований, которые захватывали бы думскую проблематику широко, в целом), концептуальных (или претендующих на это) книг невелико.

Прежде всего, это большая монография А. Ф. Смирнова «Государственная дума Российской империи», опубликованная в 1998 г. с предисловием тогдашнего председателя Государственной думы Г. Н. Селезнева⁵³². Однако претензии автора на фундаментальность противоречат избранному им «исследовательскому методу» – включению в свою книгу больших кусков (страницы!) работ других авторов без указания на источник заимствования, но с воспроизведением чужих сносок. Наиболее пострадали от такого приема А. Я. Аврех и В. Ю. Черняев. Любой читатель, знакомый с литературой по теме, может легко обнаружить этот прискорбный факт. А. Ф. Смирнов не остановился перед тем, что обобранные им историки весьма отличаются друг от друга по исходным позициям и исследовательским установкам. Такая «всеядность», а, кроме того, этические представления о границах допустимого для автора исключают для меня разбор подобных «концепций», также как и ссылки на них.

В 1996 г. увидела свет небольшая книга В. А. Демина «Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования». В ней описаны процедурно-правовые моменты избирательной системы и функционирования Думы, подробно изложены правила, по которым действовала Нижняя палата. Собственно исследовательских моментов в книге немного. Но в своем жанре это, безусловно, полезное издание, дающее читателю картину того, как функционировала Нижняя палата.

Уже в нашем столетии, в 2001–2003 гг., О. Г. Малышева издала двухтомную монографию под многообещающим названием «Думская монархия: рождение, становление, крах». Исследование получилось очень неровным (вся «думская монархия» оказалась уложена в 300 страниц), основное внимание в ней уделено «рождению», а точнее, обсуждению и подготовке проекта «булыгинской» Думы в 1905 г. Надо сказать, что такое подробное изложение петиций, обращенных к власти по случаю рескрипта Николая II министру внутренних дел А. Г. Булыгину 18 февраля 1905 г., дано впервые в историографии. Но для обобща-

⁵³² Смирнов А. Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998.

ющей работы этого слишком мало. Далее же – начиная с совещания А. Г. Булыгина, готовившего проект учреждения Государственной думы, – внимание автора к народному представительству становится все более и более поверхностным. Собственно история Думы, как это ни странно, в книге не звучит. Отсутствует также и позиция власти по отношению к палате, а обещанное в заголовке «становление» представлено в виде кратких резюме думских сессий, что при всем желании никак не тянет на исследование. Кроме того, в книге присутствует немало неточностей и ошибок. Например, утверждение, что кадетам принадлежало «абсолютное большинство» в I Думе⁵³³. Есть и ничем не подтвержденные суждения. Так, оказывается, что в эпоху III Думы отношения между народным представительством и властью изменились из-за того, что депутаты опасались (!) разгона этой Думы (это третьей-то, работавшей в невиданном до этого согласии с правительством!), в результате чего «страна могла вернуться (!) к исходным позициям до октября 1905 г.»⁵³⁴. Нельзя не отметить небрежность автора в использовании источников: например, мемуары С. Ю. Витте она цитирует то по трехтомнику 1960 г., то по «Избранным воспоминаниям» 1990 г., изданным с многочисленными и значительными по объему купюрами⁵³⁵. Конечно, надо признать, что работы такого уровня стали нередкими в постсоветской историографии. Из позитивного можно отметить, что в этой книге, как и во многих других за последние годы, наследие советской эпохи сказывается все меньше и меньше (особенно в негативной его части). Несмотря на «невнимание» к деталям, автор все-таки пытается дать самостоятельную оценку роли Думы в политической жизни России начала XX века. Из текста вытекает, что ответственность за неудачный опыт российского парламентаризма О. Г. Малышева склонна взвалить в первую очередь на само народное представительство. Это весьма спорное представление.

Наконец, в 1995 г. два пермских историка, М. Н. Лукьянов и И. К. Кирьянов, выпустили книгу, выполненную в виде очерков, – «Парламент самодержавной России». Из опубликованных в то время обобщающих работ эта небольшая книга – одна из лучших⁵³⁶. Основ-

⁵³³ *Малышева О. Г.* Думская монархия: рождение, становление, крах. М., 2003. Ч. 2. С. 10.

⁵³⁴ Там же. С. 43.

⁵³⁵ *Малышева О. Г.* Думская монархия: рождение, становление, крах. М., 2001. Ч. 1. С. 71, 80. 100 и др.

⁵³⁶ *Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н.* Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь, 1995. Дополнением и продолжением ей служит увидевшая свет в 2006 г. монография И. К. Кирьянова. См.: *Кирьянов И. К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.

ное внимание авторы сосредоточили на депутатском корпусе. Они впервые в историографии подвергли данные о персональном составе Государственной думы корреляционному анализу и пришли к крайне важным фундаментальным выводам. По их заключению, «гипотеза о существовании прямой связи между высоким социальным статусом и консервативной ориентацией для России оказалась несостоятельной. Более образованные и богатые тяготели не к консерваторам, а к либералам. Думские консерваторы были беднее, менее образованы»⁵³⁷. Получилось, что главной опорой в нижней палате для самодержавия являлись не крупные собственники, а выходцы из среднеимущих слоев общества. Это определяло базовую шаткость политического режима, который не пользовался поддержкой быстро крепнущей буржуазии. Не меньшее значение имеет наблюдение о расхождении среди либералов по отношению к Государственной думе. Если кадеты использовали народное представительство как рычаг для давления на правительство, то октябристы были расположены работать над законопроектами вместе с властью⁵³⁸. Этот вывод дает основание пересмотреть укоренившийся в отечественной историографии тезис о двух думских большинствах периода третьеиюньской монархии (правооктябристском и октябристско-кадетском). Получается, что представление об октябристско-кадетском большинстве как одной из основ всей законодательной системы, а также так называемого бонапартизма, не имеет оснований. Постоянной опорой правительства в проведении реформ могли быть только октябристы.

Нельзя не отметить и ряд более частных исследований, связанных с думской тематикой, которые вносят значительный вклад в историографию «российского парламента». Новый аспект – Государственная дума с точки зрения представительства окраин Российской империи – представлен в монографии Р. А. Циунчука⁵³⁹. Конечно, законодательство о выборах в Государственную думу было построено не так, чтобы дать национальным окраинам пропорциональное место в депутатском корпусе. Наоборот, их представляло крайне незначительное число депутатов, которые в лучшем случае могли лишь озвучить с думской трибуны специфические проблемы своей территории. Но справедливо утверждение автора, что Дума, несмотря на все ограничения выборного законодательства, все равно получилась многонациональной и многоконфессиональной, и уже это было важно. Сам факт того, что в зале

⁵³⁷ Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 99.

⁵³⁸ Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 148.

⁵³⁹ Циунчук Р. А. Думская модель парламентаризма в Российской империи. Этноконфессиональное и региональное измерение. Казань, 2005.

Таврического дворца встретились такие разные представители России в лице депутатов, имел свое позитивное значение для империи, а говоря современным языком, для многофакторной системы «центр – регионы». Отдельный разговор – о том, что выборы в Государственную думу оживили политическую жизнь национальных регионов, способствовали развитию там национального самосознания и формированию политических партий. Не случайно после 1917 г. и гражданской войны многие депутаты Думы стояли у истоков создания ряда национальных государств (Эстония, Латвия, Азербайджан, Грузия и др.).

Совершенно на других принципах построено исследование А. Б. Николаева, посвященное роли Государственной думы в Февральской революции⁵⁴⁰. Огромная по объему монография (695 страниц) посвящена в основном пяти дням из жизни Думы – но каким! Впервые в историографии автор детально проследил события, связанные с ролью народного представительства и его депутатов в момент коллапса старого строя. Огромное количество фактов говорит о том, что Дума не была сторонним наблюдателем или просто щепкой, охваченной революционным потоком, а пыталась возглавить, подчинить себе массовое движение. Другое дело, что из этого мало что удалось. Одновременное появление вместе с Временным комитетом Государственной думы Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов привело к тому, что в течение буквально нескольких дней реальная власть над гарнизоном, а, следовательно, и над столицей империи, сосредоточилась в руках Совета. Несмотря на то, что Совет активно сотрудничал с Временным комитетом Государственной думы и его депутатами, сразу стало ясно, чья власть – настоящая, а чья носит во многом эфемерный, призрачный характер. Наверное, А. Б. Николаев преувеличивает значение Думы в те дни, изображая ее как центр революции, а власть – как думско-советскую, ставя ударение на первой части слова. Вместе с тем, исследование А. Б. Николаева представляет читателю картину огромной деятельности, которые в эти революционные дни вели многие депутаты нижней палаты.

Нестандартный подход демонстрирует качественно выполненное исследование А. В. Давиденко «Правомонархические интерпретации думской монархии» (Хабаровск, 2006). Автор представил взгляд правых на народное представительство в России. В общем, оно находится в русле работ последних лет, посвященных черносотенцам и близким им политическим группировкам, которые камня на камне не оставили от утверждений, циркулировавших в советской историографии. А. В. Давиденко выразительно показывает, как правые не только боролись с Ду-

⁵⁴⁰ Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005.

мой, но и искали пути использования ее в своих интересах. Так, в 1905 г. они надеялись, что народное представительство поможет им в борьбе с революцией⁵⁴¹. Появившись во II Думе, «неумеренные» монархисты нашли методы воздействия на неуютное им представительство (провоцируя скандалы). Неожиданным, но обоснованным выглядит для современной историографии наблюдение автора о сближении правительства П. А. Столыпина с черносотенцами⁵⁴².

Большое количество вопросов, связанных с действиями либеральной оппозиции в годы Первой мировой войны, поднимает монография Ф. А. Гайды⁵⁴³. Его исследование – о либералах, но Дума постоянно находится в фокусе. Писать на тему, где есть уже немало качественных работ – серьезное испытание для молодого историка. Думаю, что, в общем, он его выдержал, представив собственный аргументированный взгляд на проблему. Автор обстоятельно подошел к изучаемому предмету, широко использовал архивы. Позицию Ф. А. Гайды можно условно поместить между В. И. Старцевым и В. С. Дякиным: либеральная оппозиция не могла не бороться за власть. Она не боялась, а стремилась к ней. Но желания не соответствовали возможностям, в первую очередь из-за отсутствия единства. Однако на фоне уже имеющихся книг новизна данной не так уж значительна, для общей картины эта работа – лишь уточнение деталей. Концепция автора, желающего дистанцироваться от «позитивизма» как исследовательского приема, тонет в деталях. Исследование Ф. А. Гайды показывает, что традиционный исследовательский инструментарий уже не дает возможности написать что-либо совершенно новое по этой теме. Для этого нужны либо принципиально иные подходы, либо свежие исследовательские идеи.

За последние пятнадцать лет появилось значительное число исследований, посвященное отдельным вопросам истории Государственной думы. Значительное внимание в последнее время привлекли фракции. Однако, как и среди обобщающих работ, их уровень сильно разнится. Так, книга В. А. Козбаненко, вышедшая под многообещающим названием «Партийные фракции в I и II Государственных думах России (1906–1907): организационно-правовой аспект» (М., 1996), носит описательный характер, написана слишком поверхностно.

В рамках этой темы самой сложной исследовательской проблемой сейчас представляется история национальных групп и фракций в

⁵⁴¹ Давиденко А. В. Правомонархические интерпретации думской монархии. Хабаровск, 2006. С. 19.

⁵⁴² Там же. С. 46–47.

⁵⁴³ Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914–весна 1917 г.). М., 2003.

Государственной думе⁵⁴⁴. В советской историографии ее практически невозможно было разрабатывать. Она и сейчас изучена очень неравномерно: если работы по еврейской группе, польскому колу, украинской фракции и некоторых других, можно сказать, отсутствуют (опубликовано лишь небольшое количество статей), то, к примеру, мусульманская фракция удостоена нескольких книг. Трудности здесь проистекают из самой природы появления таких депутатских объединений. Они, как правило, не имели собственной политической платформы (единственное исключение – коло), тяготея к тесному союзу с какой-нибудь «партийной» фракцией (как правило, это были кадеты и трудовики). Большие сложности вызывает и определение характера и границ их национализма, а также его природы и взаимоотношение политического и национального. Этот набор историографических проблем можно продемонстрировать на примере мусульманской группы, которая оказалась исследована наиболее обстоятельно⁵⁴⁵.

Прежде всего, я имею в виду большую, тщательно выполненную монографию Д. М. Усмановой о мусульманской фракции в Государственной думе⁵⁴⁶. Автор рассматривает ее не как политическую структуру, а как группу единоверцев⁵⁴⁷. Этому есть основания, так как фракция была слабой и самостоятельного политического лица не имела, тяготея к союзу с кадетами. Однако приведенные ею же сведения о создании во II Думе мусульманской трудовой группы свидетельствуют о непрочности конфессионального единства⁵⁴⁸. Утверждать обратное – т. е. приоритет политической ориентации – я не рискну, но, как минимум, этот вопрос невозможно решить однозначно. Д. М. Усманова также связывает казанских депутатов-мусульман с татарским национальным движением (базирующемся, по ее мнению, на мусульманстве). И снова она же сообщает, что эти депутаты, прибыв в I Думу, не создали особую

⁵⁴⁴ В книге Д. А. Аманжоловой, В. Ю. Зорина и С. В. Кулешова речь идет о законопроектах, касавшихся национальных проблем, которые рассматривались в народном представительстве. Авторы монографии скорее представляют читателю фактическую сторону дела, чем исследуют собственно «национальный вопрос» (См.: *Аманжолова Д. А., Зорин В. Ю., Кулешов С. В. Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законоотворчества*. М., 1999).

⁵⁴⁵ *Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний)*. Уфа, 2002; *Усманова Д. М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной думе России (1906–1917)*. Казань, 1999; и др.

⁵⁴⁶ *Усманова Д. М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916*. Казань, 2005.

⁵⁴⁷ Там же. С. 4.

⁵⁴⁸ Там же. С. 166–169.

группу (например, из татар), а записались в кадетскую фракцию. Лишь с появлением депутата из Закавказья А. М. Топчибашева вопрос о создании мусульманской фракции был, наконец, поставлен и решен⁵⁴⁹. Такие утверждения заставляют усомниться в слишком определенных оценках как роли в этом татарского национального движения, так и в его, прежде всего, исламском характере (а также влиянии панисламизма), делая проблему как минимум неоднозначной. Не очевидна и роль татарских депутатов как выразителей чаяний своих избирателей. Ведь сами народные избранники понимали свою миссию, прежде всего, как просветителей российских мусульман, их политических наставников⁵⁵⁰. Показателен и абсентизм татар по отношению к выборам после первой русской революции. Поэтому не удивительно, что книга, несмотря на обстоятельность и значительную фактуру оставляет большое количество вопросов. Это ни коим образом не говорит о том, что она слабая, просто проблема «Дума и национальный вопрос в России» слишком сложна.

Не лучше дело обстоит с изучением «самого крупного» национального движения – русского. Д. А. Коцюбинскому принадлежит первое в отечественной историографии исследование, затрагивающее русскую национальную фракцию, существовавшую в III и IV Думах и игравшую в них весьма заметную роль⁵⁵¹. Несмотря на то, что он сосредоточил свое внимание на идеологии Всероссийского национального союза, тем не менее, в исследовании частично освещены и вопросы деятельности его членов в Думе. Один из основных выводов Д. А. Коцюбинского, хорошо аргументированных, состоит в том, что националисты, несмотря на их риторику, по сути, были западниками, признававшими, что Россия повторяет путь, уже пройденный странами Европы, и что самобытность – это не другой путь, а лишь его особенности. Кроме того, Д. А. Коцюбинский подметил у националистов много черт, сближавших их с умеренными либералами (октябристами). Это позволяет по-новому поставить вопрос о месте национальной фракции в Думе, разместив ее между правыми и либералами, а не помещая в правый лагерь, что обычно практиковалось в советской историографии. Справедливость такого подхода показала, кстати, история Прогрессивного блока, куда при его образовании вошла часть расколовшейся фракции (прогрессивные националисты), правда

⁵⁴⁹ Там же. С. 151–152.

⁵⁵⁰ Отношение фракции с избирателями было нетипичным для Думы: не мусульмане обращались с ходатайствами и наказами к депутатам, а они к ним с просьбами. Группа видела свою задачу в том, чтобы пропагандировать среди единоверцев идейные начала, на которых существовало народное представительство ([Топчибашев А. М.] Мусульманская парламентская фракция. [Баку, 1907]. С. 10–11, 14).

⁵⁵¹ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

это была треть прежней фракции, две трети ее депутатов предпочли все-таки блокироваться с правыми.

За последние годы появился ряд диссертаций, посвященных истории правых фракций в Государственной думе. Их отличает более взвешенный, чем раньше, подход к проблеме. Новые исследования подвергли сомнению краеугольный для советской историографии тезис о тесном взаимодействии власти и правых. Так, А. А. Иванов подчеркнул слабую поддержку правительством монархических организаций, их недостаточное финансирование, что автоматически разрушает и представление об инспирации самодержавием этой политической силы⁵⁵². Чем дальше от революции 1905 г., тем крайне правые выглядели все более и более обреченными на неудачу защитниками царизма, донкихотами самодержавия, сражавшимися не столько за мифические материальные блага, сколько за идею, искренними приверженцами которой они являлись.

Особо надо отметить, что для исследования истории Государственной думы в последние годы стали привлекаться математические методы. Первая большая работа появилась в 1996 г., но ее сложно назвать удачной: авторы с помощью контент-анализа изучили стенографические отчеты только первой Думы (просуществовавшей всего 73 дня, а объем стенограмм – один том, хотя и немаленький), тем не менее, пришли к изумительному выводу⁵⁵³. Сложное исследование показало, что лексика кадетского профессора отличалась от той, которую использовали депутаты-крестьяне. Правда, для столь глубокомысленного заключения вряд ли стоило писать целую книгу. Другие попытки оказались более плодотворными. Интересный опыт исследования голосования в III Думе провели А. С. Кравченко и Ф. Т. Алескеров⁵⁵⁴. Они использовали индекс Бацанфа. Исследование показало, что коэффициент влияния разных фракций менялся не всегда пропорционально изменению их численности (это относится, прежде всего, к кадетам). Еще более любопытные результаты принес анализ роли фракций в III Думе, предпринятый А. С. Кравченко. С помощью того же индекса Бацанфа он установил крайне невысокое значение правой фракции в III Думе и, наоборот, несоизмеримо высокое – по сравнению с числом депутатов –

⁵⁵² *Иванов А. А.* Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб., 2006.

⁵⁵³ *Селунская Н. Б.* и др. Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996.

⁵⁵⁴ *Кравченко А. С.* Структурный анализ III Государственной думы Российской империи. М., 2006; *Алескеров Ф. Т.* и др. Согласованность и влияние групп и фракций в Государственной Думе третьего созыва по заданной тематике вопросов. М., 2005; *Алескеров Ф. Т., Кравченко А. С.* Распределение влияния фракций в Государственных думах Российской империи, 1905–1917 гг. М., 2005.

кадетов. Интересны и результаты согласованности фракций: получается, что правые чаще всего солидаризировались с национальной фракцией (0,82), а октябристы – почти пополам с кадетами и националистами при крошечном перевесе первых (0,54 против 0,48). Самые прочные блоки получались у социал-демократов с трудовиками (0,97) и у кадетов с прогрессистами (0,92). Почти не уступало им солидарное голосование кадетов и социал-демократов (0,91) – неожиданный результат. Правда, автор почему-то не исследовал комбинацию национальной фракции и октябристов. И, наконец, выясняется, что фракция правых не поддерживала правительство⁵⁵⁵. К сожалению, эти результаты нельзя рассматривать как бесспорные, так как они получены после анализа всего 9 поименных голосований по вопросам разной степени важности. Но на интересные размышления они наводят. Конечно, методики исследований нуждаются в совершенствовании как формулировок вопросов, так и подбора исторической базы. Это обещает получить более обоснованные наблюдения и выводы.

Очевидно, что состояние историографии Государственной думы за последние годы позволяет сформулировать ряд исследовательских проблем, требующих или ждущих своего решения. Прежде всего, пока нет сильной обобщающей работы, которая бы носила концептуальный характер, была бы основана на широком круге разнообразных источников и аккумулировала бы в себе историографические достижения других авторов. Есть исследовательские проблемы, которые не получили должной разработки. Среди них я бы выделил такую проблему, как «Дума и общество»: место представительства в общественном сознании, отношение к ней в разных слоях российского общества, представление, нужна ли вообще Дума России и т. п. Эта проблема в определенной степени должна быть персонифицирована как «депутаты и общество».

Несмотря на книгу И. К. Кирьянова, следовало бы продолжить исследования в направлении «депутатские типы» с использованием математических методов обработки массива данных – ведь личные дела депутатов трех созывов хранятся в РГИА, а том, содержащий половину анкет членов I Думы, оказался в экспозиции Музея политической истории России (особняк Кшесинской).

Другая не менее значимая проблема – это история избирательных кампаний. Сейчас уже появились диссертации (Костылев А. В. Выборы в I Государственную думу. СПб., 2005), но этого недостаточно. Хорошо бы «опустить» исследования на губернский уровень. Думается, что эта вполне «диссертательная» тема вскоре получит своих разработчиков.

⁵⁵⁵ Кравченко А. С. Структурный анализ III Государственной думы Российской империи. М., 2006. С. 14–15.

Далеко не все сделано для изучения думских фракций. Даже деятельность самых крупных из них – кадетской, октябристской, национальной – до сих пор не имеет монографических работ, выполненных на современном уровне, без идейных рамок цензуры. Может быть, это замечание меньше касается трудовиков⁵⁵⁶. Я не говорю уже о небольших группах, многие из которых не были официально оформлены во фракции. Ведь кроме мусульман были еще еврейская, украинская, казачья группы, а также межфракционные объединения – например, городская группа и т. п. О них совсем мало что известно.

Совсем нет исследований на тему «Дума и война», когда народное представительство собиралось значительно реже обычного – я имею в виду действия депутатов вне Таврического дворца. Наконец, Дума в 1917 г. Кроме весьма качественного исследования А. Б. Николаева, на эту тему пока нет аналогичных работ. А ведь роль Думы и ее депутатов после Февральской революции, особенно в различных событиях на местах, – все это заслуживает пристального внимания историков.

Только в последние годы появились исследования, где рассказывается о судьбе депутатов после 1917 г. (это, например, уже упоминавшиеся монографии Р. А. Циунчука и И. К. Кирьянова). Известно, что немало членов Думы погибло в годы гражданской войны, кто-то эмигрировал в Европу, Азию, даже в Латинскую Америку. Из тех, кто остался в Советской России, многие стали жертвами репрессий. Следы большого количества депутатов после революции затерялись и судьба их неизвестна – чем не тема для поиска. Еще меньше информации о деятельности некоторых объединений депутатов Думы и Учредительного собрания, существовавших в эмиграции. (Константинопольский парламентский комитет, частное совещание бывших членов Учредительного собрания (Париж)). Наконец, сравнительный аспект: российская Государственная дума и представительные учреждения в других странах начала XX века: общее-особенное. Конечно, число тем далеко не исчерпывается перечисленными, оно может быть легко увеличено.

В общем, как мне представляется, историография Думы отражает состояние отечественной историографии, ее успехи и трудности. За последние годы появилось большое количество работ, многие оценки прошлого были пересмотрены. Но уровень опубликованного далеко не всегда отвечает строгим научным критериям. Однако ситуация постепенно меняется, хотелось бы надеяться, что к лучшему. Правда, настораживает качество обобщающих работ. Удивительное дело – если ранее, в эпоху

⁵⁵⁶ Колесниченко Д. А. Трудовики в период первой российской революции. М., 1985; она же. Состав Трудовой группы в I и II Государственных думах: Сводная таблица членов фракции. М., 1988.

СССР, самые серьезные исследования появлялись почти исключительно в Москве и Ленинграде, то сейчас качественные работы по истории отечественного парламентаризма поставляет провинция: Казань, Пермь, Уфа. В них отсутствует свойственная многим исследованиям, выполненным на местном материале, зависимость от более общих трудов, несамостоятельность взглядов. Удивительно, что в России сегодня нет научного или учебного учреждения, которое бы объявило о том, что оно специализируется на изучении российского парламентаризма. Между тем, такое учреждение было бы весьма желательно, так как позволило бы координировать усилия и помогать исследователям из самых разных городов России, СНГ и даже стран «дальнего зарубежья».

А. Б. НИКОЛАЕВ

IV Государственная дума и Февральская революция в новейшей отечественной литературе

В 2006 году широко отмечалось 100-летие Государственной думы, а в 2007 году – 90-летие Февральской революции. Юбилейные даты способствовали появлению новых работ, посвященных выяснению роли Государственной думы в Февральской революции 1917 г. Вопрос этот исследователями поднимался при обобщении исторического опыта российского парламентаризма, при рассмотрении различных проблем истории Государственной думы. Историография этого вопроса рассматривалась автором уже несколько раз: и в монографиях⁵⁵⁷, и в специальной статье⁵⁵⁸. В рецензиях на монографии ученые высказывали, в том числе, и различные критические замечания. Данная статья является отчасти и ответом нашим критикам.

⁵⁵⁷ Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории / Предисл. С. М. Ляндрес. Рязань, 2002. С. 8–15 (Программа по изучению новой и новейшей русской истории. Нотр-Дамский университет (США). Серия «Новейшая российская история: исследования и документы. Т. 2); он же. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля–3 марта 1917 года / Научн. ред. Б. Д. Гальперина. СПб., 2005. С. 10–49.

⁵⁵⁸ Николаев А. Б. Государственная дума и Февральская революция 1917 года в новейшей отечественной историографии // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 2004. С. 77–78.

В ряде работ участие Государственной думы в Февральской революции замалчивалось или приуменьшалось. Так, О. В. Дамаскин считал, что «с вступлением России в Первую мировую войну роль Думы сводится к демонстрации своего единства с самодержавием, имеет символический характер и фактически заканчивается в феврале 1917 года»⁵⁵⁹. В одной из статей указывалось, что «после 25 февраля» Государственная дума была «распущена и больше официально не собиралась»⁵⁶⁰. Заметим, что К. И. Могилевский, Р. А. Циунчук и В. В. Шелохаев в историографическом обзоре не упомянули ни одной работы, посвященной рассмотрению вопроса об участии Государственной думы в Февральской революции⁵⁶¹.

Авторы различных биографических статей, посвященных российским либералам начала XX века, в некоторых случаях замалчивали их революционное поведение в дни Февраля 1917 г. На это обратил внимание Б. М. Витенберг в своем обзоре литературы по истории российского либерализма. Он писал: «Иногда реальная политическая позиция героев (сборника «Российский либерализм: идеи и люди»⁵⁶². – А. Н.) корректируется, дабы преуменьшить их радикализм или просто доказать отсутствие такового». В частности, речь идет об очерке В. М. Шевырина⁵⁶³ о В. А. Маклакове. В нем Шевырин подчеркивал, что он (Маклаков) пытался предотвратить Февральскую революцию, «а потом встал к ней в оппозицию». Против такой трактовки отношения В. А. Маклакова к Февралю 1917 г. справедливо возражал Б. М. Витенберг: «В. М. Шевырин забывает сообщить, что в дни революции Маклаков был комиссаром Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции, выезжал в войска для привлечения их на сторону Думы»⁵⁶⁴, т. е. прини-

⁵⁵⁹ Дамаскин О. В. Государственная Дума как выразитель жизненно важных интересов российского общества // 100-летие выборов Государственной думы: история и современность. Материалы научно-практической конференции 3 марта 2006 года. М., 2006. С. 75.

⁵⁶⁰ Калинин Б. Ю., Родионова Ю. В., Шустрова Е. И. Нижегородцы в Российском Императорском парламенте (1906–1917 гг.) // 100 лет российского парламентаризма: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции (г. Нижний Новгород, 7 апреля 2006 г.). Н. Новгород, 2006. С. 170.

⁵⁶¹ Могилевский К. И., Циунчук Р. А., Шелохаев В. В. Государственная дума России как историографическая проблема // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 3–16.

⁵⁶² Российский либерализм: идеи и люди / [отв. ред. и сост. Алексей Кара-Мурза]. М., 2004; 2-е изд. М., 2007.

⁵⁶³ Шевырин В. М. Василий Алексеевич Маклаков: «Счастье и благо личности скажут нам, куда направить развитие общества...» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2004. С. 423–431.

⁵⁶⁴ О деятельности В. А. Маклакова в дни Февральской революции см. подробн.: Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля–3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 274, 316, 318, 330, 347.

мал во взятии власти Временным комитетом активное участие». И далее Витенберг заметил: «Надо сказать, что вообще в очерках о либеральных лидерах, участвовавших в событиях Февральской революции, этому бесспорно центральному эпизоду их политической биографии уделено до обидного мало внимания»⁵⁶⁵. Это ценное замечание выходит за рамки сборника, рецензируемого Витенбергом, верно и для многих других статей о либеральных деятелях России начала XX века. Так, В. В. Шелохаев писал в одной из своих статей, что «авторитарный режим в феврале 1917 г. «побила» улица, а, разумеется, не Дума, в которой либералы, включая и самого Родичева, усматривали основной инструмент воздействия на правительство». Вместе с тем Шелохаев указал, что «свержение самодержавия Родичев встретил с энтузиазмом», а в марте 1917 г. был назначен комиссаром Временного правительства по делам Финляндии⁵⁶⁶. То есть, получалось, что непосредственного участия в Февральской революции он не принимал. В действительности же, Ф. И. Родичев, вернувшись из Москвы утром 1 марта, выполнял различные поручения Временного комитета Государственной думы (ВКГД). В частности, 1 марта он посетил воинские части, где выступал с речами и направлял их к Государственной думе⁵⁶⁷. Почему же историки российского либерализма отказываются признавать факты активного участия думских либералов и самой IV Государственной думы в событиях Февраля 1917 г.? Б. М. Витенберг считал, что это связано со стремлением привести биографии либералов «в соответствие с теми представлениями о российском либерализме в его прошлом и настоящем, которые уже сложились и стали привычными в 1990-е гг.». Речь идет даже не об истории и о настоящем, а о будущем отечественного либерализма, эволюция которого рассматривается его адептами исключительно в сторону, как справедливо заметил Витенберг, «сближения с консерватизмом», а «радикализация либеральной составляющей российского политического спектра даже теоретически не рассматривалась»⁵⁶⁸. Конечно, это утверждение Витенберга не универсально, оно не закрывает со-

⁵⁶⁵ Витенберг Б. [М.] Приключения радикального либерализма в стране силовиков (Обзор книг об исторических корнях российского либерализма) // Новое литературное обозрение. 2006. № 79. С. 334.

⁵⁶⁶ Шелохаев В. В. Партийная деятельность Ф. И. Родичева // Политическая история России первой четверти XX в.: Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева. СПб., 2006. С. 45.

⁵⁶⁷ О деятельности Ф. И. Родичева в дни Февральской революции см. подробн.: Николаев А. Б. Революция и власть. С. 274–275, 278, 288 и др.

⁵⁶⁸ Витенберг Б. [М.] Приключения радикального либерализма в стране силовиков. С. 334.

бой полностью всю историографию вопроса⁵⁶⁹. В частности, появились работы⁵⁷⁰, в которых, по словам В. В. Шелохаева, «наместилась тенденция (без должного теоретического и методологического обоснования) вывести кадетов дальше влево, за пределы “либеральной семьи”»⁵⁷¹.

Присоединяясь к тем исследователям, которые говорили о руководящей роли Думы в революции, как о мифе, С. В. Фомин писал: «Да, не на площадку народного райка следует смотреть, а, прежде всего, на конкретных людей прямого действия (политиков, общественных и военных деятелей), а за ними попытаться разглядеть руководящие ими, остающиеся в тени, реальные силы: носящий международный характер финансовый, промышленный и торговый капитал, диктующий свою волю, в том числе, и через масонские ложи». Хотя, говоря о масонах-заговорщиках, он назвал членов IV Государственной думы, в частности, В. А. Маклакова, А. Ф. Керенского, Н. С. Чхеидзе и Б. А. Энгельгардта. Но и они, по С. В. Фомину, были всего лишь исполнителями чужой воли. Вместе с тем, Фомин назвал Государственную думу «видимым центром противоправительственного, антирусского заговора», прикрывающим собой «силу и мозговой центр, планировавший атаку на власть»⁵⁷². Религиозную подоплеку утверждений Фомина (а она в книге присутствует!) мы не рассматриваем. Ф. А. Гайда, не отрицая «активной роли» Государственной думы в событиях Февраля 1917 г., вместе с тем, считал, что она «успешно сыграла роль политической ширмы, благодаря которой мятеж приобрел легитимные черты и был, в конце концов, поддержан генералитетом Ставки»⁵⁷³.

С. В. Куликов в одной из своих работ попытался доказать, что главную роль в Февральской революции сыграл Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК)⁵⁷⁴. Вместе с тем он указал, что «в революции

⁵⁶⁹ Необходимо указать, что в биографических статьях о думских либералах в энциклопедии, изданной к 100-летию Государственной думы, даны сведения об их участии в Февральской революции (См.: Государственная Дума России. Энциклопедия. В 2-х т. Государственная дума Российской империи (1906–1917) / Ред. кол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М., 2006. Т. 1. С. 14, 16, 27, 29, 43, 44, 54 и др.).

⁵⁷⁰ См., напр.: Селезнев Ф. А. Конституционные демократы и буржуазия. Нижний Новгород, 2006.

⁵⁷¹ Шелохаев В. В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 15.

⁵⁷² Фомин С. В. Наказание правдой. М., 2007. С. 66, 73.

⁵⁷³ Гайда Ф. А. // Русский сборник: исследования по истории России XIX – XX вв. М., 2007. Т. IV. С. 333, 336.

⁵⁷⁴ Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...»: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. № 1. Журнал истории и культуры России и

участвовали и другие факторы, в том числе и Дума (IV Государственная дума. – *А. Н.*), социалисты, масоны, а также фактор стихийности, но все указанные факторы, при их несомненной значимости, лишь развивали линии, намеченные руководителями ЦВПК, причиной успеха которых являлся союз, заключенный в рамках ЦВПК между общественной и революционной контрэлитами»⁵⁷⁵. Отметим, что исследование Куликова основано практически исключительно на опубликованных источниках, при некотором забвении ряда исследовательских работ. Ранее мы уже обращали внимание на то, что ЦВПК являлся одним из штабов восстания, играл роль вспомогательной структуры, которая обслуживала интересы центра революции и штаба восстания, действовавших в Государственной думе⁵⁷⁶. Реконструкция, а правильнее будет сказать, конструирование революционной деятельности ЦВПК как главной руководящей силы Февральской революции, на наш взгляд, страдает значительным изъяном. Дело в том, что именно к Государственной думе 27 февраля устремились толпы восставших солдат и рабочих, которые искали в ней руководителя революции. Нельзя забывать, что не ЦВПК, а ВКГД взял власть в свои руки и направил комиссаров в министерства и ведомства, что Военная комиссия ВКГД, а не ЦВПК, руководила действиями революционных отрядов, организовывала переход воинских частей на сторону революции. По приказам ВКГД, его Военной комиссии (ВК ВКГД) и других думских и думско-советских структур, а не ЦВПК, проводились аресты царских сановников, жандармов, полицейских и других сторонников царского режима. «Под имя» Государственной думы, а не ЦВПК, владельцы различных торговых заведений и учреждений питания отпускали продовольствие и кормили восставших солдат и т. д., и т. п. Все эти наши утверждения/сигналы о руководящей роли Думы в Февральской революции опираются не только на воспоминания, но и на целый комплекс других источников. Например, только для показа деятельности ВК ВКГД мы использовали 569 делопроизводственных документов, большая часть которых впервые была введена в оборот в монографии

Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 176. Кстати, впервые эту мысль он высказал в рецензии на нашу монографию «Государственная дума в Февральской революции: очерки истории» (Рязань, 2002): «<...> Думу в качестве центра революции породил Центральный военно-промышленный комитет, возглавлявшийся А. И. Гучковым. <...> вопрос о том, что было первичным, а что вторичным, нуждается в дополнительной проработке» (*Куликов С. В.* // СПб., 2003. № 1(20). С. 242).

⁵⁷⁵ Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...». С. 183.

⁵⁷⁶ См. подробн.: *Николаев А. Б.* 27 февраля 1917 г.: к вопросу о центрах революции // Петербургская историческая школа. Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». Второй год выпуска. Памяти В. И. Старцева. СПб., 2002. С. 239–245.

«Революция и власть»⁵⁷⁷. Заметим здесь и то, что на начало марта 1917 г. в адрес Государственной думы и ее председателя пришло около 14 тысяч приветственных телеграмм со всех концов страны, а в 20-х числах того же месяца число их достигло 20 тыс.⁵⁷⁸. Несомненно, что это свидетельствовало об общественном признании руководящей роли Государственной думы в Феврале 1917 г. Сколько тысяч приветственных телеграмм с признанием своей руководящей роли в событиях революции получил ЦВПК? Несомненно, что материально-технический и кадровый потенциал ЦВПК был использован думским центром революции. Но это отнюдь не означало, что именно ЦВПК и был в действительности руководящим центром все дни Февральской революции.

Таким образом, можно констатировать весьма существенный разброс мнений среди тех, кто не склонен признавать руководящую роль Государственной думы в событиях Февраля 1917 г.: от полного отрицания таковой и до характеристики ее как всего лишь видимого/второстепенного центра революции и политической ширмы.

В 2006 и 2007 гг. выходили работы, авторы которых рассматривали Государственную думу как участника революции. Определенный интерес проявляли ученые к подготовительному этапу Февральской революции. Так, В. В. Калашников, критикуя положения, выдвинутые политологом В. А. Никоновым в статье «Крушение империи»⁵⁷⁹, отрицал «заговор думских либералов» как причину Февральской революции, характеризуя его как кулуарные разговоры. Калашников писал: «Все, к чему стремились либералы, – это побудить царя создать правительство, ответственное перед Думой и из числа думских лидеров. В этих целях они регулярно критиковали царских министров. <...> Антиправительственная критика в Думе, конечно же, ослабляла авторитет власти, но сама по себе не могла вызвать революцию». Более того, Калашников утверждал, что российские либералы начала XX века стремились предотвратить революцию. Не являясь непосредственным организатором революционного движения, вспыхнувшего в феврале 1917 г., Государственная дума, по словам Калашникова, была готова воспользоваться его первыми результатами «для достижения своей цели»⁵⁸⁰.

⁵⁷⁷ Николаев А. Б. Революция и власть. С. 86.

⁵⁷⁸ Там же. С. 573

⁵⁷⁹ См.: Никонов В. [А.] Крушение империи // Российская газета. 2007. 16 марта. Заметим, что статья Никонова вышла вслед за публикацией работы А. И. Солженицына «Размышления над Февральской революцией» (Российская газета. 2007. 27 февраля), содержание которой и полемику, развернувшуюся вокруг нее, мы в данной статье не рассматриваем.

⁵⁸⁰ Калашников В. [В.] Кто и как сделал Февральскую революцию // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 20 апреля.

То есть, насколько можно понять суждения Калашникова, накануне революции Дума (за исключением ее левых депутатов) играла роль антиреволюционного центра, что не исключало ее участия в революции.

В уже упоминавшейся статье В. А. Никонова предпринята попытка доказать рукотворный характер Февральской революции. Автор утверждал, что «в подготовке революции приняло участие большинство российских политических партий в спектре от октябристов до большевиков». Но «решающую роль сыграли либералы». Никонов писал: «На протяжении всех предреволюционных лет оппозиция опиралась на государственные и полугосударственные институты, находившиеся в перманентном конфликте с правительством: Государственную думу и самостоятельные организации». Говоря о Государственной думе, он писал, что она «представляла собой не столько законодательный орган, сколько антиправительственный митинг». Никонов подчеркивал, что «Прогрессивный блок претендовал на то, чтобы самому стать властью, выступив с инициативой создания “правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями”»⁵⁸¹.

Н. А. Нарочницкая и А. Смирнов заметили, что «Четвертая Дума – блистательная по составу депутатов, вошедших в историю <...> – погрязла в конфликтах и практически «подготовила» Февральскую революцию»⁵⁸². А. М. Алешкин писал, что для успеха революционного движения «Государственная дума много уже сделала своей деятельностью во время войны – и специально со времени образования прогрессивного блока»⁵⁸³. А. А. Иванов отмечал, что «некоторые члены» Всероссийского национального союза, «примкнув в 1915 г. к либеральной оппозиции (Прогрессивному блоку)» немало поспособствовали возникновению Февральской революции, которую автор называет «катастрофой»⁵⁸⁴. Можно утверждать, что по вопросу об участии Государственной думы в подготовке революции в новейшей литературе (за небольшим исключением) сложился консенсус: главную

⁵⁸¹ Никонов В. [А.] Крупные империи // Российская газета. 2007. 16 марта. В другой своей статье автор утверждал, что Российская империя пала жертвой заговоров, среди которых был и думский (Никонов В. [А.] Февральское крушение // Известия. 2007. 7 марта).

⁵⁸² Нарочницкая Н. [А.], Смирнов А. Невыученные уроки [Электронный ресурс]. – Электрон. журн. – Золотой Лев. № 79–80. – Режим доступа: <http://www.zlev.ru/n79.htm>

⁵⁸³ Алешкин А. [М.] Пять дней революции // Парламентская газета. 2006. 9 февраля.

⁵⁸⁴ Иванов А. [А.] Судьбы лидеров русского национализма после февраля 1917 г. [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Русская линия. 2.07.2007. – Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=172151>

роль в ней сыграли либеральные фракции⁵⁸⁵, а точнее – Прогрессивный блок.

В ряде работ давались общие оценки и подробнее рассматривалась деятельность Государственной думы, ее органов и депутатов непосредственно в дни Февраля 1917 г. А. В. Смолин, рассуждая о «революционности Государственной думы в феврале», писал: «Третьеиюньская Государственная дума как была, так и осталась «правобокой», дрейфуя еще далее направо после революции. Во время февральских событий в Петрограде она играла роль не штаба революции, а центра по удержанию революции в рамках, приемлемых для буржуазной оппозиции»⁵⁸⁶. На первый взгляд может показаться, что Смолин характеризовал Государственную думу как антиреволюционный центр. Но за этим, на наш взгляд, скрывалось признание того, что думские либералы во время Февральской революции перешли на позиции буржуазного революционаризма, а сама Государственная дума стала играть и роль центра буржуазной революции.

О. В. Волобуев, рассматривая вопрос о роли «инициативного меньшинства» в революции, выделил три его группы: 1) унтер-офицеры, прапорщики, поручики; 2) «социалисты всех мастей»; 3) «незначительная часть думцев»⁵⁸⁷. Это «меньшинство» проявило инициативу, которая

⁵⁸⁵ Думается, что в связи с этим уместно привести утверждение руководителя фракции КП РФ в Государственной думе ФС РФ Г. А. Зюганова, высказанное им в марте 2006 г. на научно-практической конференции. Он утверждал, что кадеты-думцы, которые, по его словам, «выступали от имени парламента того времени», и провели «всю операцию по ликвидации монархии», именно они, «а не Ленин, по сути дела отстранили царя от власти» (Зюганов Г. А. Выступление // 100-летие выборов Государственной думы: история и современность. Материалы научно-практической конференции 3 марта 2006 года. М., 2006. С. 16).

⁵⁸⁶ Смолин А. В. Частные совещания Временного комитета Государственной думы и их роль в формировании идеологии белого движения // Парламентаризм в России: проблемы и перспективы: Сб. статей. СПб., 2006. С. 174.

⁵⁸⁷ К сожалению, автор не указал критерии, по которым можно было очертить границы этих групп, кого из депутатов IV Государственной думы включил в думскую группу «инициативного меньшинства»? Во всяком случае, активное участие в Февральской революции в Петрограде приняло около 150 – несколькими более 200 депутатов из 403 имеющих членов IV Государственной думы. Нами установлен персональный состав 137 думцев (из общего числа депутатов – активных участников Февраля 1917 г. в Петрограде), или более 1/3 состава Думы. Напомним, что согласно ст. 7 «Учреждения Государственной думы» «для законного состава заседаний Государственной думы требуется присутствие не менее одной трети всего числа данного состава членов Думы». То есть, количественный состав думцев – активных участников Февральской революции – позволяет сделать заключение о том, что участие Государственной думы в событиях Февральской революции было вполне представительным.

развивалась «в двух направлениях: создание временных органов власти (думцы выбрали Временный комитет Государственной думы, социалисты-интеллигенты создали <...> Исполком Совета рабочих депутатов) и внесение в солдатскую массу элементов организованности». Автор, характеризуя Февральскую революцию, пишет, что «в ходе ее сложились два идеологизированных инициативных меньшинства – либеральное и социалистическое»⁵⁸⁸. Утверждение Волобуева можно понять и так: в дни Февраля 1917 г. сложились и функционировали два центра революции – думский и советский.

В новейших работах господствует утверждение, согласно которому Государственная дума 27 февраля проявляла нерешительность. Этой точки зрения придерживался, в частности, И. Л. Архипов. В статье о М. В. Родзянко он писал, что вплоть до позднего вечера 27 февраля Государственная дума проявляла нерешительность, а сам ее председатель испытал 27 февраля в связи с событиями революции «тяжелейшее психологическое потрясение», плакал, посылал 26 и 27 февраля телеграммы императору Николаю II, которые больше походили на «крик отчаяния». Также он указал, что «воззвание ВКГД, выпущенное в ночь на 28 февраля, было составлено в весьма осторожных выражениях». И, вместе с тем, Архипов подчеркнул, что тогда же Родзянко «начал демонстрировать властность», а его выступления перед толпами «восставшего народа», начиная с 28 февраля, «стали своего рода символом времени». Архипов совершенно справедливо заметил, что Родзянко, как председатель Государственной думы, пользовался авторитетом у революционных масс, но он (авторитет) «был отнюдь не беспспорен»⁵⁸⁹.

А. М. Алешкин, рассуждая о стихийном и организованном в революции, писал, что «руководящая рука, несомненно, была, только она исходила, очевидно, не от организованных левых политических партий!». Автор статьи отмечал позитивный характер для дальнейшего развития революции решения Государственной думы, принятого ей 27 февраля 1917 г., встать во главе движения. Но сделано это было Думой только «к вечеру 27 февраля, когда выяснился весь размер революционного движения». Судя по всему, Алешкин связывал изменение думской позиции с решением ВКГД о взятии власти в свои руки.

⁵⁸⁸ Волобуев О. В. Инициативное меньшинство – движущая сила истории: к постановке проблемы // Задавая вопросы прошлому... К 75-летию профессора Олега Владимировича Волобуева. М., 2006. С. 17–18.

⁵⁸⁹ Архипов И. Л. Председатель Государственной думы М. В. Родзянко // Отечественная история. 2006. № 3. С. 121. Тезис о «нерешительности» М. В. Родзянко в феврале-марте 1917 г. присутствует в статьях и других авторов (См., напр.: Черняк А. Дореволюционные Думы в лицах // Российская Федерация сегодня. 2006. Апрель. № 7. С. 51).

Он подчеркивал, что «формальный переход власти к Временному комитету Государственной думы с ее председателем во главе и ликвидация старого правительства чрезвычайно ускорили и упростили дальнейший ход переворота»⁵⁹⁰. В другой работе, написанной А. М. Алешкиным в соавторстве с А. Г. Калмыковым, указывалось, что «опрокинув царское правительство, волна революции вынесла наверх Временный комитет (Государственной думы. — А. Н.)»⁵⁹¹.

И. В. Лукоянов подчеркивал, что даже «в условиях краха самодержавной власти (царь отсутствовал, а правительство 27 февраля окончательно развалилось)» и ситуации, когда к Государственной думе стремились «не только взбунтовавшиеся солдаты, но и все те, кто понимал, что только с помощью народного представительства можно остановить нарастающую стихию», «думские лидеры демонстрировали крайнюю нерешительность». Отношение Думы к революции начало меняться только с момента образования ВКГД. Завершение процесса присоединения ее к революции он связывал с решением думского Комитета о взятии власти в свои руки, принятого поздним вечером 27 февраля⁵⁹².

Схожие взгляды отстаивал В. В. Калашников. Он писал, что лишь к вечеру Дума пересмотрела свою позицию, «когда стало ясно, что большинство гарнизона на стороне восставших». Только тогда М. В. Родзянко и объявил о создании ВКГД. Окончательно думцы возглавили революцию, когда решились взять власть в свои руки. В связи с этим Калашников писал о своих взглядах на думскую роль в событиях революции: «<...> автор не отрицает важной роли Думы в победе февральского восстания. На тот момент переход власти в руки известных всей стране думских лидеров был приемлемой альтернативой для самых разных слоев российского общества. Именно поэтому февральский этап российской революции 1917 года принес столь быстрый и почти бескровный успех»⁵⁹³.

Оставляя за рамками своего исследования деятельность Государственной думы утром-днем 27 февраля, И. К. Кирьянов дал высокую оценку Временному комитету Государственной думы. Он подчеркнул, что ВКГД «фактически взял на себя роль штаба начавшейся револю-

⁵⁹⁰ Алешкин А. [М.] Пять дней революции // Парламентская газета. 2006. 9 февраля.

⁵⁹¹ Алешкин А. [М.], Калмыков А. [Г.] Думы Таврического дворца. М., 2006. С. 385–386.

⁵⁹² Государственная дума в России. 1906–1917: Историко-документальное издание / Авт. – сост.: И. В. Лукоянов, Е. Ф. Любимирова, А. Р. Соколов; вступ. слово Б. В. Грызлова. СПб., 2006. С. 273, 277.

⁵⁹³ Калашников В. [В.] Кто и как сделал Февральскую революцию // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 20 апреля.

ции»⁵⁹⁴. А. Н. Медушевский писал, что Временному комитету Государственной думы пришлось возглавить начавшееся революционное движение⁵⁹⁵. В ряде других работ Государственная дума характеризовалась как центр революции⁵⁹⁶.

Публиковались работы, в которых предпринимались попытки показать участие в событиях революции отдельных думских фракций. В частности, А. А. Иванов в своей статье охарактеризовал взгляды националистов на Февральскую революцию, привел сведения о деятельности некоторых членов думских фракций националистов, прогрессивных националистов и группы центра. Подводя итог, Иванов пришел к выводу о том, что «подавляющее большинство русских националистов <...> не только не выступили против свершившегося государственного переворота, но и поддержали его, превратившись <...> из умеренных защитников монархии в умеренных сторонников революции»⁵⁹⁷.

Продолжилось обсуждение некоторых дискуссионных вопросов думской истории периода Февральской революции. В частности, некоторые исследователи сомневались в том, что утром-днем 27 февраля Государственная дума стала втягиваться в революцию, проявлять признаки революционности. Так, Ф. А. Гайда в своей рецензии критически отнесся к нашим утверждениям о том, что, во-первых, уже в первую половину дня она способствовала «усилению движения восставших к Таврическому дворцу»; во-вторых, само здание дворца «было не захвачено восставшими солдатами и рабочими, а, наоборот, сами депутаты Думы (в частности, Милоков и Керенский) привели их туда»⁵⁹⁸. Эти вопросы уже освещались в монографии «Революция и власть»⁵⁹⁹. Здесь лишь приведем еще одно свидетельство современника событий о занятии восставшими Таврического дворца. В. Г. Богораз-Тан писал: «Под-

⁵⁹⁴ *Кириянов И. К.* Депутат Государственной думы начала XX века: правовой и общественный статус // Полис. 2006. № 2. С. 48.

⁵⁹⁵ *Медушевский А. Н.* Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 7.

⁵⁹⁶ Такую характеристику дал IV Думе, со ссылкой на нашу монографию «Революция и власть», архиепископ Тихвинский (Константин (Горянов), арх. Тихвинский. Русская Православная Церковь и Государственная дума: к 100-летию Государственной думы в России [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Межвузовская ассоциация «Покров». – Режим доступа: pokrov-forum.ru/action/scien_pract_conf/pokrov_reading/sbornik_2005–2006).

⁵⁹⁷ *Иванов А. А.* Русские националисты и Февральская революция // 90 лет Февральской революции в России. Сб. научн. ст. СПб., 2007. С. 71.

⁵⁹⁸ *Гайда Ф. А.* // Русский сборник: исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2007. Т. IV. С. 333.

⁵⁹⁹ См. подробн.: *Николаев А. Б.* Революция и власть. С. 161–189.

ходят восставшие войска. Керенский встречает их первый и обращается к ним с речью. Он же приводит в Государственную думу первый караул революционной армии. Солдаты взволнованы. Даже руки у них трясутся, Керенский берет разводящего за руку и ведет за собой: – Милый, не волнуйся, спокойнее»⁶⁰⁰. И далее Богораз-Тан пересказал «любопытные подробности этого замечательного эпизода», сообщенные ему Керенским: «– Они меня (Керенского. – *А. Н.*) спросили, где ставить караул. Я сначала пошел обратно в Думу, чтобы осмотреть посты, они остались на дворе». «“Чего вы ждете, идите”, – спрашивали их другие. – “Мы ожидаем того, в вольной одежде, он придет за нами”»⁶⁰¹. То есть, Керенский сначала ввел восставших солдат во двор Таврического дворца, а затем, выяснив, где необходимо выставить караулы, ввел их уже во дворец, где и установил посты первой революционной охраны Государственной думы.

В отечественной историографии существует спор о том, были или нет приняты днем 27 февраля Советом старейшин постановления – «Государственной думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на местах» и «Основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой». Ф. А. Гайда утверждал, что этих постановлений (он ошибочно рассматривал их как одно) принято не было, называл их типичной газетной «уткой» радикальных журналистов, пытавшихся сформировать общественное мнение в нужном им ключе и толкавших Временный комитет на революционные шаги». Он подчеркивал, что «никаких революционных постановлений М. В. Родзянко, в этот момент обрывавший думский телефон с целью связаться со Ставкой, издавать бы не решился»⁶⁰². А. М. Алешкин писал, что в ходе Частного совещания членов Государственной думы в Полуциркульном зале «было вынесено после ряда горячих речей постановление не разъезжаться из Петрограда (а не постановление «не расходиться» Государственной думе как учреждению, как о том сложилась легенда)»⁶⁰³. Заметим, что в действительности это постановление приняло не Частное совещание,

⁶⁰⁰ *Богораз-Тан В. Г.* Первая любовь революции А. Ф. Керенский // СПб филиал Архива АН РФ. Ф. 250. Оп. 2. Д. 126. Л. 21. Статья была напечатана под измененным названием, опубликованный текст отличается от архивного. См.: *Тан. А. Ф.* Керенский. Любовь русской революции // Герои дня. Биографические этюды. 1917. № 1. С. 2 (на эту публикацию наше внимание обратил Б. И. Колоницкий).

⁶⁰¹ *Богораз-Тан В. Г.* Первая любовь революции А. Ф. Керенский // СПб филиал Архива АН РФ. Ф. 250. Оп. 2. Д. 126. Л. 21. Эти «любопытные подробности» ввода восставших войск в Таврический дворец отсутствуют в тексте, опубликованном в еженедельнике «Герои дня» (Ср.: *Тан. Указ. соч.* С. 2).

⁶⁰² *Гайда Ф. А.* // Русский сборник. Т. IV. С. 334.

⁶⁰³ *Алешкин А. [М.]* Пять дней революции // Парламентская газета. 2006. 9 февраля.

а Совет старейшин. И. В. Лукоянов, В. Чурбанов и др. исследователи тоже считали, что было принято постановление «не разъезжаться» из Петрограда⁶⁰⁴. На наш взгляд, исследователи ошибаются, утверждая, что этих постановлений Совет старейшин не принимал. В ряде работ мы приводили серию доказательств, правда, косвенных, тому, что они были все-таки приняты⁶⁰⁵. Здесь же лишь обратим внимание на еще одно свидетельство современника о мероприятиях Совета старейшин. В. Г. Богораз-Тан, видимо, со слов А. Ф. Керенского писал: «Вот, в ночь на 27-е февраля, получив сведения о роспуске Думы, предстоящем на утро, он (Керенский. – А. Н.) убеждает товарищей лично и по телефону и не расходиться, не подчиняться последнему насилию, ибо нет другого выхода, кроме революции. И наутро Совет старейшин принимает знаменитое решение – Государственная дума навсегда разрывает с правительством, которое обгадило себя народной кровью»⁶⁰⁶.

В отечественной исторической науке продолжается спор о значении создания Временного комитета Государственной думы и его функциях.

По мнению И. В. Лукоянова, создание ВКГД как органа, «не предусмотренного законодательством о палате», свидетельствовало о том, что «думские лидеры, независимо от того, желали они того или нет, включились в революционные события»⁶⁰⁷. Схожих взглядов придерживался В. В. Калашников: «этим жестом» Государственная дума «как бы» приняла «на себя руководство событиями»⁶⁰⁸. В свою очередь, Ф. А. Гайда заявлял, что создание ВКГД не говорило о революционном настрое депутатов⁶⁰⁹.

И. В. Лукоянов, проанализировав решения, принятые ВКГД, пришел к выводу о том, что «он объединил в своем лице функции законодательной, исполнительной и даже судебной власти»⁶¹⁰. И. Л. Архипов писал о том, что думский Комитет, приняв решение о взятии власти в свои руки, тем самым проявил себя как орган, «претендовавший на роль носителя

⁶⁰⁴ Государственная дума в России. 1906–1917. С. 273; Чурбанов В. IV Дума и революция: созданная предостеречь – вынужденная возглавить // Российская Федерация сегодня. 2006. № 3. С. 63.

⁶⁰⁵ Николаев А. Б. Революция и власть. С. 127–136; он же. 27 февраля 1917 г.: к вопросу о первом постановлении Совета старейшин Государственной думы // Политическая история России первой четверти XX в. С. 249–258.

⁶⁰⁶ Богораз-Тан В. Г. Указ. соч. Л. 20–21. См. также: Тан. Указ. соч. С. 2.

⁶⁰⁷ Государственная дума в России. 1906–1917. С. 277.

⁶⁰⁸ Калашников В. [В.] Кто и как сделал Февральскую революцию // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 20 апреля.

⁶⁰⁹ Гайда Ф. А. // Русский сборник. Т. IV. С. 333.

⁶¹⁰ Государственная дума в России. 1906–1917. С. 281.

«верховой власти» до формирования Временного правительства»⁶¹¹. В других работах Государственная дума характеризовалась как источник власти Временного правительства⁶¹². То есть, можно предположить, что авторы этих трудов склонны были рассматривать ее как орган (в лице ВКГД), присвоивший себе в ходе революции права верховной власти. А. Н. Медушевский утверждал, что ВКГД взял в свои руки «всю полноту власти». Вслед за этим перед думским Комитетом «встал вопрос о легитимации его собственной власти»⁶¹³. Вопрос этот решен так и не был⁶⁻⁴. Встречаются и другие взгляды на функции думского Комитета. Ф. А. Гайда, например, считал, что ВКГД так и не приобрел верховной власти, а временно «сменив» «прекративший существование» Совет министров, приобрел лишь административно-распорядительную власть (исполнительную); ему «не принадлежала даже законодательная власть, поскольку по своему статусу <...> он не мог быть выше Совета старейшин»⁶¹⁵. С этим утверждением трудно согласиться. Дело в том, что думский Комитет в момент утверждения своего состава Частным совещанием получил от него чрезвычайные полномочия, а Совет старейшин в дни Февральской революции больше не собирался. Именно так ВКГД и получил законодательную власть в свои руки. К законодательным документам ВКГД юристы, совершенно справедливо, относят сообщение о взятии власти (27 февраля), постановление о назначении комиссаров (28 февраля), постановление о создании Продовольственной комиссии для общего руководства продовольственным делом государства и губернских продовольственных комитетов, а также сообщение о составе нового правительства (2 марта)⁶¹⁶.

В новейших исследованиях существуют различные взгляды на состав комиссаров ВКГД и начало их работы в правительственных учреждениях. Вместе с тем, в большинстве работ сложился консенсус по вопросу

⁶¹¹ *Архипов И. Л.* Председатель Государственной думы М. В. Родзянко // Отечественная история. 2006. № 3. С. 121.

⁶¹² *Грызлов Б.* Восемь российских парламентов. [СПб.], 2006. С. 41; *Чумак А. В.* Причины поражения российского парламентаризма в 1905–1917 гг. // 100 лет российского парламентаризма: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции (г. Нижний Новгород, 7 апреля 2006 г.). Н. Новгород, 2006. С. 135.

⁶¹³ *Медушевский А. Н.* Причины крушения демократической республики в России 1917 года. С. 7.

⁶¹⁴ *Медушевский А. Н.* Указ. соч. С. 8; Он же. Упущенный шанс демократического обновления общества / Февральская революция 1917 года в российской истории [Материалы «Круглого стола» 15 марта 2007 г. в Институте российской истории РАН] // Отечественная история. 2007. № 5. С. 10.

⁶¹⁵ *Гайда Ф. А. /* Русский сборник. Т. IV. С. 335–336.

⁶¹⁶ См. подробн.: *Николаев А. Б.* Революция и власть. С. 69–71.

об основных направлениях и их деятельности. И. К. Кирьянов отметил, что ВКГД, прежде всего, «озаботился установлением контроля над аппаратом государственного управления. Им были отрешены от должности царские министры, которых до образования нового правительства должны были замещать комиссары из состава Думы»⁶¹⁷. В. Чурбанов писал: «Комитет назначил из числа членов Думы комиссаров в министерства и другие государственные структуры. Им подчинялись, и это предотвратило коллапс государственного механизма»⁶¹⁸. Д. И. Раскин указал, что «1 марта в Министерства были назначены комиссары из числа членов Государственной думы»⁶¹⁹. В вопросе о составе комиссаров эти авторы ошиблись, т. к. среди комиссаров были и лица, не являвшиеся депутатами IV Государственной думы. Раскин также заблуждался, указав 1 марта тем днем, когда думский Комитет назначил своих комиссаров в правительственные учреждения. Прав был И. В. Лукоянов, который заметил, что «уже 28 февраля началось командирование комиссаров преимущественно из числа думских депутатов в различные ведомства для того, чтобы они продолжали работать, чтобы предотвратить развал всей системы управления Империей, а также для контроля за поведением бюрократического аппарата»⁶²⁰. С. В. Куликов, признавая факт установления контроля ВКГД над правительственными учреждениями, высказал замечание относительно нашего утверждения о четырех формах этого контроля. Он пишет, что в нашей монографии «Государственная дума в Февральской революции: очерки истории» (Рязань, 2002) отмечается следующее: «часть министерств и ведомств продолжали возглавлять старые министры, комиссаров ВКГД здесь не было» (Николаев А. Б. Указ. соч. С. 80). И далее Куликов замечает, что «речь идет только об одном ведомстве – Главном управлении государственного коннозаводства». Исходя из этого, он замечает, что «это был уникальный случай, на основании которого вряд ли оправданно выводить какую-то особую “форму”»⁶²¹. С этим замечанием С. В. Куликова согласиться нельзя. Дело в том, что комиссар не был также командирован думским Комитетом в Министерство иностранных дел⁶²² и в Св. Синод.

⁶¹⁷ Кирьянов И. К. Указ. соч. С. 48.

⁶¹⁸ Чурбанов В. Указ. соч. С. 63.

⁶¹⁹ Раскин Д. И. Министерская система // Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. М., 2007. С. 13.

⁶²⁰ Государственная дума в России. 1906–1917. С. 281.

⁶²¹ Куликов С. В. «В самых лучших отношениях»: бюрократическая элита и Временное правительство // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. ст. к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 384.

⁶²² См.: Николаев А. Б. Революция и власть. С. 322.

Некоторое внимание уделялось и деятельности различных комиссий, возникших при думском участии в дни Февраля 1917 г. Так, А. М. Алешкин, сообщая о решении продовольственного вопроса в столице, отметил, что «необходимые меры по обеспечению столицы продовольствием были приняты особой комиссией, организованной исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов, но под председательством приглашенного Временным комитетом Государственной думы А. И. Шингарева»⁶²³. Речь идет о советско-думской Продовольственной комиссии. Укажем, что о Шингареве как о председателе Продовольственной комиссии писал в новейших работах не только А. М. Алешкин. В частности, об этом упоминал Б. М. Витенберг, со ссылкой на одну из работ⁶²⁴, разбирая недостатки очерка об А. И. Шингареве, опубликованного в сборнике «Российский либерализм: идеи и люди». Он писал, что ему (очерку) «<...> никак не повредил бы еще один сюжет: в дни Февраля он возглавил “думско-советскую” Продовольственную комиссию, которая в трехдневный срок сумела наладить снабжение Петрограда продовольствием...»⁶²⁵. Как нам удалось доказать, председателем этой комиссии был В. Г. Громан, а два депутата Государственной думы – С. В. Востротин и А. И. Шингарев вошли в нее как представители ВКГД. Они заняли в Комиссии руководящее положение, получив право второй подписи под ее официальными документами⁶²⁶.

К сожалению, можно утверждать, что юбилейные даты не принесли с собой сколько-нибудь серьезных специальных трудов по революционной истории Государственной думы. По сравнению с советской историографией, а также с работами, вышедшими в постсоветский период, в новейшей литературе уже практически не встречается утверждение о том, что Государственная дума в дни Февраля 1917 г. стояла на контрреволюционных позициях. Другой характерной чертой юбилейной историографии стало преобладание трудов, в которых в меньшей или большей степени, но признавалась руководящая роль Государственной думы в событиях Февральской революции. Хотя выходили исследования, в которых участие Государственной думы в революции замалчивалось, а ее роль в ней принижалась. Нельзя не отметить участия в обсуждении этого вопроса политиков, политологов, философов и церковных деятелей, что свидетельствует об актуальности темы, ее общественной значимости.

⁶²³ Алешкин А. [М.] Пять дней революции // Парламентская газета. 2006. 9 февраля.

⁶²⁴ Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. С. 77, 85, 93, 110, 150–151.

⁶²⁵ Витенберг Б. [М.] Приключения радикального либерализма в стане силовиков. С. 334.

⁶²⁶ См. подробн.: Николаев А. Б. Революция и власть. С. 429–432.

Существует ли в России традиция парламентаризма?

Начнем с констатации того, что по поводу «источка традиции российского парламентаризма» существуют в научной и околонаучной литературе серьезные разногласия: некоторые российские, не в меру патристичные, историки считают таковым уже собрания (вече) вятичей, полян, ильменских словен и кривичей, на которых они выбирали военных предводителей и коллективно решали важнейшие вопросы своей жизни, другие начинают отсчет со времени существования Новгородского вече⁶²⁷, третьи называют 1211 г., поскольку это дата созыва великим князем владимирским Всеволодом III Большое Гнездо некоего «Собора»⁶²⁸ и т. д. Конечно, очень заманчиво нанести «крокелюры традиции» на отечественные институты представительной власти, тем более что к конструированию исторической традиции прибегают все нации. Как писал еще Э. Ренан: «Для того чтобы превратиться в нацию, — необходимо извратить собственную историю»⁶²⁹.

Однако под политической традицией понимают «...воспроизведение определенного преемственного типа отношения к власти, имманентного данной... политике»⁶³⁰. Можем ли мы, исходя из такого понимания традиции, считать, скажем, вече истоком русской парламентской традиции? Представляется, что нет. Во-первых, возникает оно как институт племенной демократии и не только у восточных славян. Во-вторых, в эпоху формирования русской государственности (IX–X вв.) вече достаточно быстро теряет свое политическое значение, за исключением Пскова и Новгорода. В-третьих, и здесь «...активная позиция на вече сохраняется только за старейшинами и боярами. Простые гражд-

⁶²⁷ См.: Дмитриев Ю. А., Черкашин Е. Ю. Законодательные органы России: От Новгородского Вече до Федерального Собрания (Сложный путь от патриархальной традиции к цивилизации). М., 1995; Елчев В. А., Васецкий П. А., Краснов Ю. К. Парламентаризм и народное представительство в России: история и современность. М., 2001; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; и др.

⁶²⁸ Фортунатов В. Нулевой цикл отечественного парламентаризма // Знание и общество. СПб., 2006. № 2 (17). С. 31.

⁶²⁹ См.: Ренан Э. Что такое нация? СПб., 1888.

⁶³⁰ Салмин А. М. Демократический процесс и политические традиции // Вестник московской школы политических исследований. М., 1998. № 10. С. 44. В свою очередь, «традиция — это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» (Маркарян Э. Теория культуры и современная наука. М., 1983. С. 80).

дане (?) присутствуют, одобряют и исполняют решения вече»⁶³¹. Более того, по мнению В. Л. Янина, который руководит археологическими раскопками в Новгороде уже несколько десятилетий, в вече участвовали только усадьбовладельцы, т. е. в первую очередь бояре, так называемые «триста золотых поясов». По данным Янина, в Новгороде не было ни одной площади, которая могла бы вместить более 300 человек⁶³². В-четвертых, принятие решения на нем означало «... соглашение такого подавляющего большинства, которое заставляло молчать разномыслящих»⁶³³. В-пятых, «предметом ограниченной компетенции» вече было призвание, принятие или изгнание князей, суд над посадниками и вопросы войны и мира (начала, продолжения или прекращения военных действий)⁶³⁴. Наконец, в-шестых, этот институт был насильственно уничтожен в 1478 г. после подчинения Новгорода Москве при Иване III, чтобы больше никогда не возродиться.

Поэтому следует признать, что сословно-представительные органы как более или менее заметные и постоянные акторы политики, способные формулировать и отстаивать свои решения перед тронем, появляются не у нас, а сначала в Англии (1265 г.) и затем в других европейских странах: во Франции в 1302 г, в Дании в 1468 г. и т. д. В Московской Руси орган сословно-территориального представительства – Земской собор впервые создан в 1549 г. и в период до 1653 г. действительно играл весьма заметную роль в политической жизни страны. Этот критический для будущего русской государственности период более 50 «созывов» Собора «...обсуждали наиболее важные вопросы внутренней и внешней политики российского государства. По соборному решению стали царями Борис Годунов (1598 г.), Лжедмитрий I (1605 г.), Василий Шуйский (1606 г.), Михаил Романов (1613 г.). После утверждения царем решения соборов становились общегосударственными законами. Так, Соборное уложение, разработанное специальной комиссией и одобренное Земским собором 1649 г., служило законодательной основой жизни страны до 1835 г... Деятельность этого государственного учреждения была главным рычагом преодоления последствий Смуты 1605–1612 гг.»⁶³⁵. На Земском соборе 1653 г. решен вопрос о приеме Украины в состав Русского государства. Это был последний Собор, и институт сослов-

⁶³¹ См.: Елчев В. А., Васецкий Н. А., Краснов Ю. К. Указ. соч. С. 20.

⁶³² См.: Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. 1970. № 1. С. 50.

⁶³³ Сергеевич В. И. Лекции по истории русского права. СПб., 1889–1890. С. 130.

⁶³⁴ Однако для войны собственными средствами, с участием его дружины и «охотников» из народа князь не нуждался в согласии вече.

⁶³⁵ Фортунатов В. Указ. соч. С. 31–32.

ного представительства навсегда исчез с «политической арены» нашей страны.

К сказанному следует добавить, что многие российские исследователи указывали на значительные отличия Земских соборов по способу формирования и функциям от сословно-представительных органов европейских стран. В частности, выдающийся российский историк В. О. Ключевский писал: «Земской собор XVI в. тем существенно отличался от народного собрания, как законодательного, так и совещательного, что на нем правительство имело дело не с народными представителями в точном смысле этого слова, а со своими собственными орудиями, и искало не полномочия или совета, как поступить, а выражения готовности собрания поступить так или иначе; собор восполнял ему недостаток рук, а не воли или мысли». В результате он приходит к выводу: **«Народное представительство возникло у нас не для ограничения власти, а чтобы найти и укрепить власть: в этом его отличие от западно-европейского представительства»**⁶³⁶. Другой выдающийся политический мыслитель России Б. Н. Чичерин добавил по этому поводу: «Царь совещался с подданными, как помещик со своими крепостными, но государственного учреждения из этого не могло образоваться»⁶³⁷.

Таким образом, и В. О. Ключевский, и Б. Н. Чичерин, и М. Н. Покровский, и др. уверены, что в России не было исторической традиции народного представительства в европейском смысле, на которую могли бы опереться депутаты появившейся в начале XX века Российской Государственной думы – **первого в России представительного учреждения парламентского типа**⁶³⁸.

Однако характерно, что российская власть хотела бы видеть в депутатах Думы не столько законодателей, сколько «выборных от народа служителей верховной власти самодержавного государя», возлагающего «на народных выборных новые обязанности, которые плохо исполняли чиновники».⁶³⁹ Как писал один из публицистов, идейно близких П. А. Столыпину, главная задача Думы заключается «...в непосредственном осуществлении единства императора с народом»⁶⁴⁰. Поэтому сохранялось **полное доминирование главы государства в отношениях с парламентом**: Дума рассматривалась верховной русской властью не как самостоятельный институт власти – элемент «системы сдержек

⁶³⁶ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. III. С. 34, 21.

⁶³⁷ Цит. по: Покровский М. Н. Избранные произведения. М., 1965. Кн. 2. С. 368.

⁶³⁸ См.: Романов Р. М. Российский парламентаризм. История и современность. М., 2000. С. 80 и др.

⁶³⁹ Россия. 1907. 4 декабря; 1909. 10 мая.

⁶⁴⁰ Россия. 1907. 18 ноября.

и противовесов», а как орган, посредством которого, во-первых, можно «...в форме “совета со всей землей” осуществить легитимирование собственных решений, и, во-вторых, “восполнить недостаток рук”, т. е. повысить собственную административную эффективность»⁶⁴¹. Этим усугублялось отношение к парламентаризму главы государства, достаточно вспомнить высказывание Николая II: Государственная дума – это «Парламфляндия адвокатов», соединившего в этом определении три ненавистных ему явления: российский парламентаризм, автономию Финляндии и роль адвокатов в российской политике.

Несомненно, если исходить из часто применяемой классификации парламентов⁶⁴² и конституционных положений, Федеральное Собрание Российской Федерации относится к числу **подчиненных парламентов**. Этот правовой статус нынешнего Федерального Собрания Российской Федерации обусловлен не только российской политической традицией, предопределившей запоздалое развитие российского парламентаризма и его относительную слабость⁶⁴³. Он, несомненно, напрямую связан с жестким противостоянием Президента и Верховного совета РФ в 1992 – 1993 гг., закончившегося штурмом Белого дома в октябре 1993 года. Система сдержек и противовесов, заложенная в Конституции РФ 1993 года, поставила Государственную Думу в зависимость от Президента, который, в свою очередь, может постоянно держать ее под угрозой роспуска и досрочных выборов (риск, как показывает более чем десятилетняя история Думы, неприемлемый для подавляющего большинства депутатов ни при каких обстоятельствах). Как мрачно пошутил в середине 1990-х гг. один из российских парламентариев: «В третий раз мы проголосуем и за Джеффри Сакса», имея в виду положение российской конституции, согласно которому при трехкратном отвержении нижней палатой президентского кандидата на пост Председателя правительства РФ у российского главы государства появляется конституционное право досрочно распустить Государственную Думу.

⁶⁴¹ Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М., 2006. С. 14.

⁶⁴² В основу этой наиболее известной классификации парламентов положены особенности взаимоотношений между представительной и исполнительной властью, которые, по образному замечанию Диего Валадеса, являются «осью политического контроля». В результате выделяют: 1. Доминирующие парламенты (Италия). 2. Автономные парламенты (США). 3. Ограниченно автономные парламенты (Великобритания). 4. Подчиненные парламенты (Франция). 5. Полностью подчиненные парламенты (СССР). (См. подробнее: Ачкасов В. А., Грызлов Б. В. Институты западной представительной демократии в сравнительной перспективе. СПб., 2006. С. 116–118 и др.).

⁶⁴³ См.: Парламентаризм в России и Германии. История и современность / Отв. ред.: Я. А. Пляйс, О. В. Гаман-Голутвина. М., 2006; и др.

В то же время Дума пока не имеет права формировать на основе партийного большинства российское правительство и до недавнего времени фактически не могла контролировать его деятельность. Налицо, таким образом, явный дисбаланс во взаимоотношениях законодательной и исполнительной властей. У Федерального Собрания не было эффективных рычагов воздействия не только на президента, но, как показывает политическая практика, и на правительство. И это объединяет Думы начала и конца XX века.

Однако в свою очередь российские парламентарии начала XX века, по преимуществу, понимали «под политикой... борьбу с правительственной бюрократией в залах и кулуарах Таврического дворца»⁶⁴⁴ и, как показали события февраля-октября 1917 года, не были способны к повседневной, рутинной созидательной правительственной деятельности. В результате – **конфронтационный стиль взаимодействия** Думы и правительства. Как известно, Первая дума, избранная в апреле 1906 г., просуществовала 72 дня, вторая – 104. Более 180 депутатов I Думы (во главе с ее председателем С. Муромцевым), не согласившихся с роспуском Думы и подписавших Выборгское воззвание, были заключены в тюрьму сроком на 3–6 месяцев; многие из них были лишены политических прав и возможности заниматься профессиональной деятельностью.

Но свою долю вины несли и думские политики. Депутаты нередко сознательно шли на обострение отношений с правительством, считая компромисс с ним предосудительным. Примером может служить знаменитая речь П. Милюкова, произнесенная в ноябре 1916 г., где каждое обвинение в адрес монархии и правительства заканчивалось риторическим вопросом: «Что это? Глупость или измена?». Несомненно, конфронтационный стиль доминировал в отношениях исполнительная–законодательная власть и в современной России с 1993 по 1999 гг., что создавало дополнительные трудности в реформировании России.

Третья общая черта – **нестабильность избирательного законодательства**. За 12 лет, прошедших с момента созыва I Думы до ликвидации думской системы, избирательно законодательство дважды корректировалось – в 1906 г. (г. н. «снатские разъяснения» закона о выборах) и в 1907 г. (закон от 3 июня), из четырех Дум лишь две были избраны по одним и тем же правилам. Причем изменения избирательного закона, изначально недемократического, куриального, шли в сторону замены выборов – подбором лояльных власти депутатов Думы, о чем, в частности, свидетельствовал рост числа представителей привилегированных сословий – если в I Думе их было 50%, то в III – 75%.

⁶⁴⁴ *Пайнс Р.* Русская революция. М., 1994. Т. 1. С. 340.

Не отличается стабильностью и современное электоральное законодательство. Принятие новых редакций федерального закона о выборах депутатов Госдумы в преддверии каждого нового избирательного цикла (1995–1996 гг., 1999–2000 гг., 2003–2004 гг., 2007–2008 гг.) стало уже устойчивой традицией. Неоднократно менялся и порядок формирования Совета Федерации.

Об отсутствии укорененной в массовом сознании российской парламентской традиции сегодня свидетельствует и тот **критически низкий уровень поддержки этого политического института**, как и других представительных органов, что также является общей чертой для парламента начала и конца XX века. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, для россиян работа верхней палаты парламента – Совета Федерации – остается наиболее непонятной и «загадочной», ее затрудняются оценить 29% опрошенных, а 45% оценивают ее деятельность негативно. Доля российских граждан, отрицательно оценивающих работу Государственной Думы, еще больше – 61% ⁶⁴⁵.

Оценивая по пятибалльной системе политическую роль, которую играют обе палаты российского парламента относительно других институтов власти, респонденты поставили их соответственно на тринадцатую (Совет Федерации) и четырнадцатую (Государственная Дума) позиции. Ниже оценивается политическая роль и «вес» только российских политических партий и «независимых» профсоюзов ⁶⁴⁶. Это имеет вполне рациональное объяснение. «...В сознании многих русских, – пишет польский исследователь Марианн Брода, – парламент, независимые от власти СМИ, а также политические партии и общественные организации являются не столько гарантами их прав и свобод, сколько инструментами борьбы партикулярных интересов олигархов и политиков» ⁶⁴⁷. Это суждение можно подкрепить данными социологических опросов, которые касаются непосредственно оценки работы российской Государственной Думы: лишь 18% опрошенных считают, что она принимает «только полезные» или «в большинстве полезные» для страны законы, 39% – что принимаются в равном количестве полезные и вредные зако-

⁶⁴⁵ Данные Всероссийского центра изучения общественного мнения – 2006 г. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.wciom.ru/?pt=47&article=2617>.

⁶⁴⁶ Материалы исследований аналитического центра Ю. Левады [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.levada.ru/press/2005083102.html.

⁶⁴⁷ Брода М. Политический успех Путина, его основания, обусловленность и проблемы развития России // Актуальные проблемы современного политического процесса. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 15 февраля 2007 г. СПб., 2007. Ч. 1. С. 7.

ны, а 35% – что принятые законы «в большинстве или полностью вредны». По мнению 27% опрошенных ни одна из думских фракций не предлагает решений проблем, стоящих перед Россией. Наконец, абсолютное большинство россиян воспринимает межпартийную борьбу как помеху эффективной работе исполнительной власти ⁶⁴⁸.

Именно поэтому «...в ограничении свободы деятельности разнообразных институтов гражданского общества или инструментальном включении их в централизованную систему правления они (россияне) видят, таким образом, прежде всего не вмешательство в сферу гражданских свобод и в основные принципы демократии, а борьбу со злоупотреблениями. Правление Путина вернуло – прерванную было на несколько лет – нормальную для России ситуацию: когда сосредоточенная в центре государственная власть оказывается способной к проявлению своего могущества, остальные политические силы (и институты. – В. А.) подвергаются там радикальной маргинализации, а оппозиция утрачивает свои политически значимые общественные основания, силу и влияние» ⁶⁴⁹, или они выполняют функции «подчиненных, посредствующих властей» (А. Д. Градовский), через которые действует персонифицированная верховная власть.

Однако необходимо отметить и то важное обстоятельство, что роль и значение институтов представительства в России росла всякий раз в периоды серьезных кризисов российской государственности, так было в начале XVII в. после «великой смуты», в начале XX в. и на рубеже 80-90-х годов XX в. И так было совсем в недавний период – в 1998–1999 гг., когда именно Федеральное Собрание РФ стало тем институтом, в рамках которого был найден выход из российского системного кризиса. **«Народное представительство возникло у нас не для ограничения власти, а чтобы найти и укрепить власть: в этом его отличие от западно-европейского представительства»** (В. О. Ключевский) ⁶⁵⁰.

Кроме того, несмотря на запаздывание, сложность и нелинейность развития отечественного парламентаризма, в России сегодня возобладала тенденция к профессионализации парламентского представительства. Становление публичной политики в качестве сферы профессиональной деятельности и формирование корпуса профессиональных политиков – важнейшие результаты эволюции российского парламентаризма в конце XX века, траектории которой: политический дилетант (начало 1990-х гг.)–политический предприниматель (вторая половина

⁶⁴⁸ Общественное мнение 2002. [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. М., 2002. – Режим доступа: <http://www.wciom.ru/wciom/info/cnew/opinion2002.html>.

⁶⁴⁹ Брода М. Указ. соч. С. 7.

⁶⁵⁰ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. III. С. 21, 34.

1990-х гг.)–профессиональный политик (2000-е гг.) – соответствовала общесвропейской, но заняла гораздо меньший отрезок времени⁶⁵¹.

Как отмечает Ю. Д. Шевченко, «...возросший профессионализм депутатов способствует росту эффективности его деятельности. Это позволяет несколько по-иному оценить расхожее заявление о том, что Дума покорно и безотлагательно «штампует» законы, написанные исполнительной властью... Конвейер, «штампующий» законы, работает особенно слаженно не только в силу подконтрольности Думы, но и благодаря значительному профессиональному опыту депутатов, вовлеченных в процесс законотворчества. Поэтому ответ на вопрос, что является решающим фактором, ускоряющим современный законодательный процесс, – накопленный опыт или чрезмерная лояльность – неоднозначен»⁶⁵².

Считать, что в советские времена сохранялась и развивалась русская парламентская традиция, по-моему, большая натяжка. Так, за всю историю Верховного Совета СССР до 1989 г. не было ни одного случая голосования «против» любых предложений ЦК КПСС и правительства, тем более что решения принимались открытым голосованием. «Высший орган государственной власти СССР» редко собирался на сессионные заседания, а сами эти заседания были непродолжительны и носили формальный характер, поскольку «советские парламентарии» работали на непрофессиональной основе. Право формировать и контролировать исполнительную власть у Верховного Совета было фиктивно. Главная его задача – легитимация существующего режима и санкционирование его решений и мероприятий. Поэтому в лучшем случае Верховный совет СССР может быть охарактеризован как **полностью подчиненный парламент**.

Однако мне могут возразить, что в политической практике социалистических полностью подчиненных парламентов не все оказалось столь однозначным. Так, большой резонанс в мировом политологическом сообществе вызвало открытие конца 1970-х гг., сделанное на материале СССР и Польши. Выяснилось, что в этих странах с полностью подчиненными парламентами многие законопроекты серьезно корректировались на этапе слушаний в комитетах и комиссиях. В Польше между 1957 и 1969 гг. из 327 проектов, предоставленных Советом министров, лишь около 60 прошли без изменений. Мало того, принятие некоторых законов блокировалось из-за сильной оппозиции комитетов Сейма.

⁶⁵¹ Парламентаризм в России и Германии. История и современность. С. 62–63.

⁶⁵² Шевченко Ю. Д. Институционализация Государственной Думы и участие депутатов третьего созыва в парламентских выборах 2003 года // Третий электоральный цикл в России, 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 134.

Некоторые исследователи усмотрели в этой тенденции признак отхода от «идеологической» модели руководства к «технократической», при которой возрастает значение экспертных оценок. Другая – более распространенная и как представляется, более точная – точка зрения состояла в том, что комитеты служили инструментом представительства отдельных групп (экономических и территориальных) внутри властвующей элиты, в том числе и достаточно влиятельных, однако не были органами представительства интересов народа.

Говоря о будущем российского парламентаризма, можно вспомнить то, что особо отмечал американский политолог Д. Битэм – уровень легитимности политических институтов во многом определяется степенью их соответствия укорененным в сознании ценностным установкам и ориентациям граждан⁶⁵³. То есть, если уровень легитимности парламента низкий, то это может указывать как на отсутствие некоторой традиции и ценностной базы его поддержки в данном обществе, так и на неэффективность его функционирования. Так, еще Алексис де Токвиль показал, что способность демократических институтов к устойчивости определяется не только конституционными институтами, но и воздействием «нравов». Он особо подчеркивал, что для достижения целей демократической революции она должна сопровождаться «преобразованием законов, идей, обычаев и нравов» и считал, что это важнейшая обязанность, лежащая на тех, кто управляет обществом. Если же эта задача не выполняется, то возникает демократия при отсутствии того, что «должно смягчать ее недостатки и подчеркивать ее естественные преимущества»⁶⁵⁴. А известный российский политический мыслитель второй половины XIX–начала XX вв. Б. Н. Чичерин, утверждая, «...что все народы, способные к развитию, рано или поздно приходят к представительному порядку»⁶⁵⁵, в то же время был глубоко убежден в том, что «политическая свобода тогда только благотворна, когда она воздвигается на прочных основах, когда народная жизнь выработала все данные, необходимые для ее существования. Иначе она вносит в общество только разлад»⁶⁵⁶.

Отсюда особая ответственность политической элиты в деле изменения «обычаев и нравов» народа, в том числе в формировании «парламентской традиции». Традиция не есть нечто спонтанное и органичное, она всегда – результат выбора. Как пишет Дж. Гусфилд: «Традиция – это не что-то такое, где-то там ожидающее, возлежащее на чьих-то

⁶⁵³ См.: *Beetham D. The Legitimation of Power. L., 1991.*

⁶⁵⁴ *Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 30, 183.*

⁶⁵⁵ *Чичерин Б. Н. Философия права. СПб., 1998. С. 507.*

⁶⁵⁶ *Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899. С. XIX.*

плечах. Она скорее избирается, творится, моделируется в соответствии с нынешними потребностями и стремлениями данной исторической ситуации»⁶⁵⁷. Традиции – это не столько воспоминания о прошлом данной общности, сколько процесс реконструирования или реинтерпретации прошлого, «воображаемое прошлое». Поэтому, прежде всего, «вспоминается» то, что созвучно настоящему, актуализируется им, причем нередко селекция такого рода проводится с предубеждением, идеализирующим и извращающим былое, отсюда, в частности, феномен «изобретенной традиции», отмеченный Э. Хобсбаумом. «Конструктивисты» не без оснований пишут о том, что не существует объективных исторических фактов, они все изменчивы и, по сути, являются продуктом интерпретации тех, кто имеет большие или меньшие права на их легитимную номинацию – а это, как правило, интеллектуальная и политическая элита общества.

Таким образом, трансформация традиции начинается «сверху», когда она сознательно отбирается, конструируется и распространяется теми, кто обладает властью или интеллектуальным влиянием. Однако здесь есть одно но – отнюдь не все идеи, институты и символы, задаваемые интеллектуалами, политиками или государством воспринимаются и усваиваются на уровне массового сознания. По мнению Хобсбаума, «изобретение традиции» бывает успешным лишь тогда, когда послание элит транслируется на той «частоте», на которую настроены массы – носители традиции⁶⁵⁸.

⁶⁵⁷ Цитг. по: Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 350.

⁶⁵⁸ См.: Hobsbawm, Eric and Ranger, Terence (eds.). *The Invention of Tradition*. Cambridge, 1983. P. 343.

С. Э. КАЛЮЖИН

**Молодежная секция научно-практического семинара
«Актуальные проблемы истории парламентаризма в России
в начале XX века»**

Интерес молодежи к теме парламентаризма очень важен для дальнейшего демократического развития нашей страны. В этой связи проведение молодежных семинаров, конференций, конкурсов и других мероприятий приобретает особую значимость.

11 декабря 2007 года в Таврическом дворце был проведен научно-практический семинар «Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века» с участием студентов нескольких вузов Санкт-Петербурга.

Организаторы молодежной секции предложили провести ее в формате дискуссии. Докладчики выступали с краткими тезисами своих исследовательских работ и выдвигали проблемы для обсуждения. Каждый участник встречи мог высказать свою точку зрения по предложенной проблеме.

На секции собрались студенты различных факультетов. В результате один и тот же вопрос мог рассматриваться с исторической, политологической, философской точек зрения, что, безусловно, стало очень интересным опытом для всех присутствующих.

13 человек выступили с докладами. Все выступления были выслушаны с большим интересом. Обсуждая проблемы императорской России, участники секции находили параллели с современностью.

Ряд тем вызвал особенно бурное обсуждение. Тезис студентки СПбГПУ Ксении Площадновой о том, что для России традиционным является «доминирование главы государства», привел к дискуссии по вопросу: «Нужна ли России сильная исполнительная власть?». Тема сильной государственной власти в России была затронута также в докладах Алексея Дурнева, студента БГТУ им. Д. И. Устинова («История парламентаризма в России глазами молодежи»), Вероники Лисицкой, аспирантки СПбГУ («Влияние политической культуры на развитие парламентаризма в Российской Федерации»).

Большой интерес вызвал доклад магистранта факультета международных отношений СПбГУ Антона Воликова «Отношение политических партий в России в начале XX века к реформам П. А. Столыпина»; развернувшаяся дискуссия касалась актуальности аграрного вопроса в современной России и значимости его решения для дальнейшего развития нашей страны.

В целом хочется отметить большой интерес к теме секции и высокий уровень подготовки ее участников.

Надеемся, что подобные семинары с участием молодежи еще не раз будут проводиться в Таврическом дворце.

Л. А. КРОХИНА

Музей истории парламентаризма в России: создание и первые шаги деятельности

Решение о создании Музея истории парламентаризма в России было принято Советом Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств по предложению Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в ноябре 2005 года.

В начале 2006 года я и Ольга Николаевна Гавриленко пришли на работу в Секретариат Совета МПА СНГ. «Создать Музей истории парламентаризма в России» – вот задача, которая была поставлена перед нами. К энтузиазму, с которым мы взялись за дело, примешивались некоторые опасения. С историческим образованием, но без опыта работы в музейной сфере, мы достаточно смутно представляли себе, каким будет наш Музей и как его «создать». Образ его был столь же туманен, сколь прекрасен.

Началом нашей деятельности стало полное «погружение» в теорию и практику музейного дела: мы ходили по музеям и выставкам, встречались с сотрудниками музеев, изучали необходимую литературу, пытались понять сильные и слабые стороны современного музея, тенденции его развития.

От изучения опыта мы перешли к разработке концепции нашего Музея. Первые шаги, да и не только первые, мы делали при постоянной поддержке и дружеском участии со стороны научно-методического совета, сформированного в 2006 году. Руководителем совета стал доктор исторических наук К. А. Пшенко. Не раз мы получали ответы на многочисленные вопросы от доктора исторических наук А. Б. Николаева, кандидата исторических наук И. В. Лукьянова, кандидата исторических наук С. В. Куликова, кандидата педагогических наук Н. Н. Лазуковой, каждая встреча с ними имела для нас огромное значение. В результате совместных обсуждений стали прорисовываться контуры нашей совместной концепции.

Сообща мы определили миссию Музея:

Приобщение граждан нашей страны, особенно молодежи, к истории российского парламентаризма с целью развития политической культуры, формирования демократических ценностей открытого общества.

Любой музей является хранителем культурно-исторических ценностей. В Музее истории парламентаризма должны храниться документы и материалы, дающие представление о деятельности дореволюционного и современного парламентов России.

Разумеется, большие проблемы существуют с нахождением подлинных вещей и документов, относящихся к дореволюционному периоду. Однако нам уже удалось встретиться с несколькими потомками депутатов дореволюционных Дум и получить интересные материалы; в частности, в Таврическом дворце была организована встреча с внучкой председателя I Государственной думы Ольгой Владимировной Муромцевой.

Сотрудниками Музея ведется постоянная работа с депутатами современной Государственной Думы. Огромный интерес для исследователей представляют рассказы народных избранников о рабочих буднях парламента, спорах, борьбе вокруг принятия тех или иных законов... Абстрактная история наполняется неожиданными подробностями, интересными фактами, становится живой и захватывающей.

Совместно с А. Б. Николаевым разработана анкета для депутатов Государственной Думы, а также анкета для потомков народных избранников дореволюционных Государственных дум.

Пополнение фондов Музея происходит за счет документов, личных вещей и других материалов, передаваемых депутатами Государственной Думы.

Мы выражаем глубокую благодарность Председателю попечительского совета Б. В. Грызлову, оказывающему постоянную поддержку Музею в работе с Государственной Думой, а также членам научно-методического совета – сотрудникам аппарата Государственной Думы Н. А. Сахарову и И. А. Андреевой за предоставление материалов, отражающих деятельность современного парламента.

Экспертная комиссия от Федерального агентства по культуре и кинематографии признала возможным включить в состав Музейного фонда РФ 240 предметов из фондов нашего Музея.

Одним из главных направлений работы мы считаем экспозиционную деятельность. В 2007 году Музеем была подготовлена постоянно действующая выставка «Первый день Государственной думы (27 апреля 1906 года)», целью которой является детальное знакомство с важной страницей в истории российского парламентаризма.

В течение нескольких месяцев сотрудники Музея вели научно-исследовательскую работу по данной теме. Копии документов, фото- и видеоматериалы были получены из Российского государственного архива кинофотодокументов (г. Красногорск), Российского государственного исторического архива, Гохрана России, Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль», Российской Национальной Библиотеки и других музеев, архивов и библиотек Москвы и Санкт-Петербурга. Значительную часть предметов музейного значения передала Государственная Дума Федерального Собрания

Российской Федерации. На выставке находится несколько уникальных вещей начала XX века, в том числе кресло депутата из Думского зала Таврического дворца.

Почувствовать накал политической борьбы, получить представление о простых отношениях между властью и обществом в начале XX века, узнать интересные подробности о событиях 27 апреля 1906 года позволяет научно-популярный фильм А. Н. Олиферука с символическим названием «День между прошлым и будущим». Фильм был снят по заказу Музея специально для демонстрации на выставке.

Оснащение выставки современным оборудованием позволяет использовать передовые музейные технологии. В частности, 4 сенсорных монитора дают возможность экскурсантам, самостоятельно работая с мультимедийными информационно-игровыми программами, получать дополнительные сведения по теме выставки.

Выставка размещена в одном из парадных залов дворца. Организация ее стала возможной благодаря поддержке ОАО «СеверСталь» и ОАО «Связьинвест».

В настоящее время Музей занимается подготовкой новых выставок, открытие которых должно состояться в 2009–2010 гг.:

1. «В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ»

2. «ПАРЛАМЕНТЪ СТРАН “БОЛЬШОЙ ВОСЬМЕРКИ”. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ».

Одной из важнейших задач, стоящих перед Музеем, является создание **информационного центра**, который позволит *систематизировать всю имеющуюся информацию* (с указанием источников информации) *по истории российского парламентаризма в нашей стране и за рубежом*.

Создание данной структуры является поэтапным процессом, конечным результатом которого должно стать появление Центра, который будет хранить «парламентскую память».

Такой центр будет включать в себя:

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФОНД по истории российского парламентаризма;

ЭЛЕКТРОННЫЙ ПРЕСС-АРХИВ, в котором будут храниться подобранные по определенным темам публикации из дореволюционных периодических изданий. Архив сможет также предоставлять справочную информацию о публикациях в современных периодических изданиях (к. XX–нач. XXI вв.);

БАЗУ ДАННЫХ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА, включающую в себя путеводители по архивам и музеям, библиографию по истории парламентаризма в России, информационные данные о депутатах Государственных дум всех созывов и т. д.;

БИБЛИОТЕКУ, содержащую как современные, так и букинистические издания, а также периодику по истории парламентаризма.

Предполагается воссоздание БИБЛИОТЕКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (БГД) 1906–1917 гг. в электронном виде.

Весь этот массив информации будет предоставлен в распоряжение исследователей, политиков, студентов, всех желающих. Структура Центра должна

позволять быстро и просто находить любую информацию по истории парламентаризма в России в электронном виде.

Музеем постоянно проводятся экскурсии для гостей Секретариата Совета МПА СНГ, различных организаций, школ, вузов. Экскурсанты посещают выставку и мемориальные залы Таврического дворца, имеющие непосредственное отношение к работе дореволюционной Государственной думы.

В ближайшие планы Музея входит разработка совместно со школами различных учебных программ, проведение конкурсов и других мероприятий для школьников и студентов. В 2008–2010 годах планируется проведение следующих семинаров и конференций:

- «ПРЕССА И ДУМА»;
- «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ДИАЛОГ НАРОДОВ И ВЛАСТИ»;
- «ПАРЛАМЕНТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЕРХНЕЙ И НИЖНЕЙ ПАЛАТ».

Успешная деятельность Музея была бы невозможна без поддержки со стороны Секретариата Совета МПА СНГ. Мы искренне благодарим Генерального Секретаря Совета МПА СНГ М. И. Кротова за доброжелательное отношение и постоянную заботу о Музее, а также сотрудников Секретариата, оказывающих нам содействие в работе.

В настоящий момент коллектив Музея состоит из 5 сотрудников. У нас обширные планы, и мы полны энергии продолжать работу в выбранном направлении.

СОКРАЩЕНИЯ

БГТУ – Балтийский государственный технический университет (Военмех) им. Ф. Д. Устинова;

МПА СНГ – Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств;

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея;

РГИА – Российский государственный исторический архив;

РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;

СПб ГАУ – Санкт-Петербургский государственный аграрный университет;

СПб ГУ – Санкт-Петербургский государственный университет;

СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук;

СПб филиал Архива АН РФ – Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук Российской Федерации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Ирина Валерьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой русской истории РГПУ;

Ачкасов Валерий Алексеевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных политических процессов факультета философии и политологии СПбГУ;

Бородулина Людмила Сергеевна – аспирантка кафедры русской истории РГПУ;

Гальперина Белла Давыдовна – доктор исторических наук, главный специалист РГИА, профессор кафедры русской истории РГПУ;

Гинев Владимир Николаевич – доктор исторических наук, директор Архива СПб ИИ РАН;

Иванов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ;

Калюжин Сергей Эдуардович – кандидат исторических наук, руководитель Молодежного центра истории парламентаризма;

Костылев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент СПб ГАУ;

Кротов Михаил Иосифович – Генеральный секретарь Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ;

Крохина Лидия Александровна – директор Музея истории парламентаризма в России при МПА СНГ;

Куликов Сергей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб ИИ РАН, член научно-методического совета при Музее истории парламентаризма в России;

Лукоянов Игорь Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб ИИ РАН, член научно-методического совета при Музее истории парламентаризма в России;

Нардова Валерия Антониновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник СПб ИИ РАН;

Николаев Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории РГПУ, член научно-методического совета при Музее истории парламентаризма в России;

Пиенко Константин Андреевич – доктор исторических наук, заместитель начальника экспертно-аналитического управления Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, председатель научно-методического совета при Музее истории парламентаризма в России;

Сафонов Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб ИИ РАН;

Циунчук Рустем Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Казанского университета.

Таврические чтения 2007

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

**Научно-практический семинар
11 декабря 2007 года**

Подписано к печати 13.10.2008. Формат 60 × 84^{1/16}.
Печать офсетная. Печ. л. 14,25. Усл. печ. л. 13,25.
Тираж 500 экз. Заказ № 678.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ИПК «Вести». 191311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 3

